

Литературный
Журнал

СИМБИРСК

12+

№9 (63)
СЕНТЯБРЬ

2018

НАЧИНАЕТСЯ
основная подписка
на первое полугодие
2019 года

Индекс 54516

Цена подписки:
1 мес. - 91,00 руб.
6 мес. - 546,00 руб.

Симбирск. Улица Морозовская. Дом Хориншоевых.
Открытка начала XX века.

Татьяна Демидова.
Дом, в котором жил
А.А. Коринфский.
К 150-летию поэта.

стр. 7-10

К 370-летию Симбирска.
«Град славный и похвальный».
Выставка в Ульяновском
областном краеведческом
музее.

стр. 20

Ульяновскому музыкальному
училищу – 60 лет.

стр. 32-41

«Этот город достоин
любви....». Фотовыставка
Сергея Юрьева

стр. 48-53

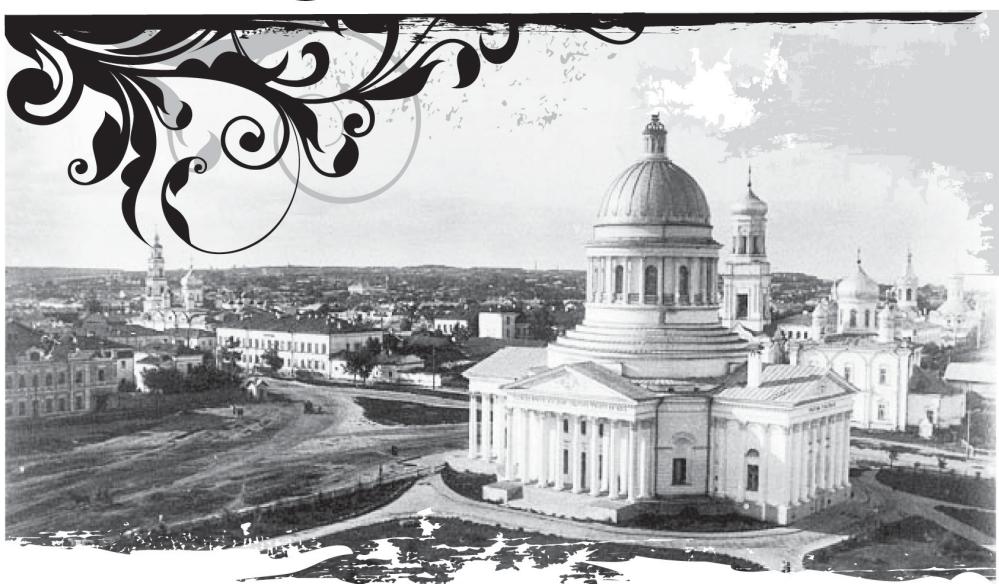

СИМБИРСКЪ

№9 (63)
СЕНТЯБРЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марягин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 20.09.2018 г.

Дата выхода 28.09.2018 г.

Тираж 700 экз. Заказ №229.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая, 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №9 (63), 2018

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректор – Ксения Нечаева.

Фотография на обложке: памятник Доброте. Скульптор Григорий
Потоцкий. Памятник установлен 2 сентября 2018 года на бульваре
Новый Венец.

На обороте обложки: фотография Александра Четверкина.

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №9 (63), сентябрь 2018

Содержание

Вступление	3
Литературное наследие	
Лариса Утина. О чтении и детской душе.....	4-6
Татьяна Демидова. Дом, в котором жил поэт	
А.А. Коринфский.....	7-10
Анастасия Кудряшова. От Москвы до Оренбурга за полторы недели!	11-12
С любовью ко всему родному	
Татьяна Эйхман. Поэтический праздник в Языковском парке.....	13-14
Николай Полотнянко.	
Слово о начале града славного и похвального	
Синбирска. Одноактная пьеса	15-19
«Град славный и похвальный».	
Выставка в краеведческом музее.	20
Нина Васильева. «Так много он России обещал!	
Так счастлив был любовию народной!»	21-26
Валентина Костягина.	
Дмитрий Архангельский – художник и педагог	27-31
Виктор Куршин.	
Ульяновскому музыкальному училищу – 60 лет.....	32-41
Память сердца	
«Не смейте забывать учителей...»	
О Джкульете Рафаэловне Кулаковой.	42-46
Пишу в Симбирске	
Александр Лукьянов. Песня об Ульяновске.....	47
«Этот город достоин любви...».	
Фотовыставка Сергея Юрьева	48-53
«Здесь воздух сам поэзией пропитан...»	
Симбирские фотографии Александра Четверкина	54-56
Кристина Романчева.	
Бердниковский литературно-патриотический фестиваль.....	57
Всё живое	
Камиль Зиганшин. Возвращение росомахи.	
Продолжение.....	58-74
Дорога к храму	
Валентин Курбатов. Наше небесное отечество.....	75-82
Евгений Старостин. Свято место не пусто.....	83-84
Мария Расторгуева. «В том девятнадцатом, незабываемом...»	
Стихи	85
«И судьба, радость, и печаль».	
Стихи об Ульяновске (Авторы: Н.Марягин, А. Бунин, Л. Бурдин, Г. Заруднева).....	86
Юбилейный календарь (Подготовил Николай Марягин).....	87-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulgra.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516

– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;

пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).

(цена на 6 мес. – 348,00 руб.).

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»

(тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»

и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

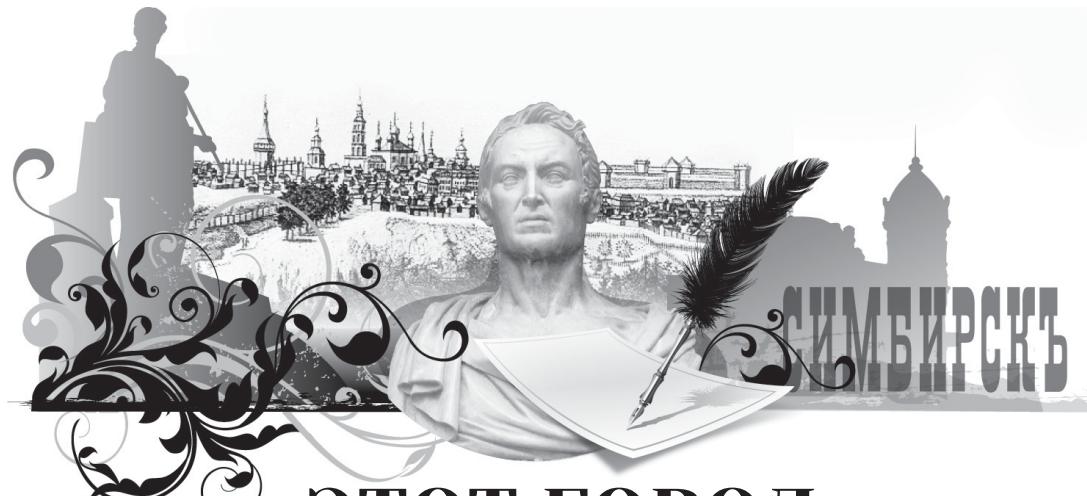
41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

«ЭТОТ ГОРОД ДОСТОИН ЛЮБВИ»

В сентябрьском номере журнала, посвященном юбилею Симбирска, читайте тематические материалы, стихи и прозу, краеведческие очерки и заметки о культурных событиях.

Приглашаем вместе поразмышлять «о чтении и детской душе». Автор статьи Лариса Утина представляет сборник «Детская душа», изданный в 1907 году (из фондов Дворца книги). «Пусть же художники слова помогут нам в великой задаче понимания наивного, но глубоко задушевного детского мира!». И добавляет: «Учитель, несомненно, должен быть психологом, должен уметь понимать другого человека». Неслучайно в сентябрьском номере звучит тема учительства и ученичества. Валентина Костягина рассказывает о художнике Дмитрии Архангельском как о педагоге. Особое место в архиве, хранящемся в фондах Ленинского мемориала, занимают сотни писем от бывших учеников Д.И. Архангельского. «Работать с детьми – мое любимое дело», – говорил художник.

О замечательных преподавателях и студентах Ульяновского музыкального училища пишет Виктор Курушин. Публикация приурочена к 60-летию учебного заведения.

В рубрике «Память сердца» читайте воспоминания выпускников о любимом учителе словесности Джульетте Рафаэловне Кулаковой. «Как не стоит село без праведника, так и школа не стоит без учителя-подвижника. Такие талантливые педагоги-просветители были, есть и будут. Счастье для учеников встрече с таким Учителем».

К 370-летию Симбирска на страницах журнала – заметки о выставке, открывшейся в Ульяновском областном краеведческом музее. В экспозиции – подлинные предметы времен царя Алексея Михайловича и воеводы Богдана Хитрова.

Эти исторические личности стали героями пьесы известного ульяновского писателя Николая Полотнянко «Слово о начале града славного и похвального Синбирска». Читая пьесу, можно ярко представить себе ее героев как реальных людей, оставивших след в истории России.

Краевед Нина Васильева рассказывает о посещении Симбирска в 1863 году цесаревичем Николаем Александровичем. Особенно интересны для нас подробности симбирской жизни того времени, за-

печатленные очевидцем тех событий К. Победоносцевым. «Есть без сомнения в других городах залы более обширные и пышнее отделанные, но симбирская зала Дворянского собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые нечасто встречаются...».

На недавней выставке Сергея Юрьева «Этот город достоин любви... Ульяновск. Лица» были представлены портреты земляков. Симбирские фотографии Александра Четверкина, помещенные на цветной вкладке, продолжают тему.

Александр Лукьянов из Таллина в адрес журнала прислал свою песню об Ульяновске в подарок к юбилею города.

К 185-летию путешествия А.С. Пушкина из Петербурга в Оренбург приурочена статья сотрудника музея Языковых Анастасии Кудряшовой. В селе Языково в память о давней дружеской встрече А.С. Пушкина и Н.М. Языкова прошел осенний праздник поэзии. Об этом пишет Татьяна Эйхман.

150-летию А.А. Коринфского посвящена статья Татьяны Демидовой о доме, в котором жил поэт.

Читайте на страницах журнала заметки о Бердниковском литературно-патриотическом фестивале, прошедшем в Больших Ключицах.

В рубрике «Все живое» продолжаем публикацию повести лауреата Гончаровской премии Камиля Зиганшина «Возвращение росомахи». Многим читателям полюбились герои из мира животных. «Добродушный малыш всем улыбался. Кто-то разразит: «Росомаха не может улыбаться!». Ну да, не может. А вот Топ мог, причем так искренне, что ему тоже начинали улыбаться в ответ...».

В разделе «Дорога к храму» читайте продолжение книги Валентина Курбатова «Наше небесное Отечество». Здесь же публикуем статью Евгения Старостина об установлении Поклонного креста в селе Репьевка-Космынка Майнского района. Завершает выпуск «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным. Юбилею Симбирска посвящена подборка стихов ульяновских поэтов.

«Град Симбирск – берег Волги, уходящий вдаль,
/Град Симбирск – /и судьба, и радость, и печаль...».
(Н. Марягин)

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Лариса УТИНА, зав. сектором Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина

О ЧТЕНИИ И ДЕТСКОЙ ДУШЕ

В век информационных технологий торжествуют гаджеты и виджеты. Ребенок еще не умеет говорить, но уже искусно владеет кнопками телефона или планшета. Сегодня библиотекари, педагоги, родители бьют тревогу, потому что дети перестали читать, интересоваться литературой. И эта проблема касается не только детей, но и нас, взрослых. Как привлечь внимание к книге? Какую литературу рекомендовать для чтения? Как сделать чтение увлечением?

Ульяновская область, получившая признание литературной столицы и города сети ЮНЕСКО, подготовила комплексную программу поддержки литературного творчества, книгоиздания, продвижения чтения. Программа «Время читать» нацелена повысить число активных читателей в регионе, привлечь внимания к проблемам процесса, повысить престиж литературы и востребованность российских авторов.

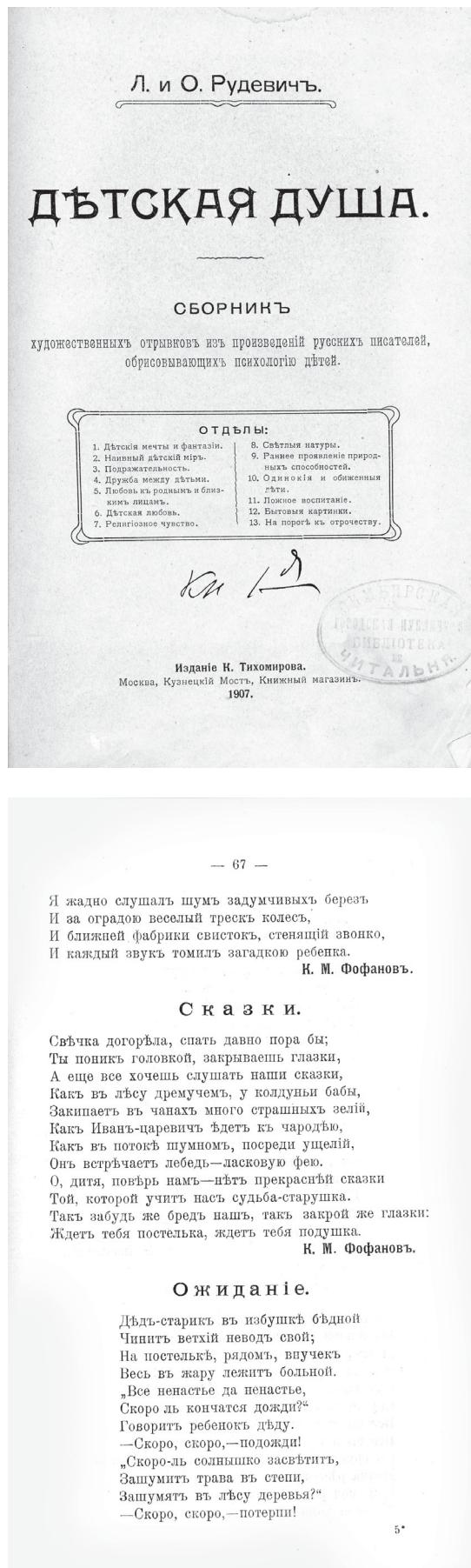
Лидерами в продвижении книги к читателю всегда были и остаются библиотеки с их уникальными фондами. Фонды Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина составляют около 2,5 млн ед. хранения. Среди них книга Л. и О. Рудевичей «Детская душа» (1907 г.)¹, представляющая собой сборник отрывков из художественных произведений русских писателей, раскрывающих психологию детей.

В предисловии составители пишут о ее цели <...> Пусть же художники слова помогут нам в великой задаче понимания этого наивного, но глубоко задушев-

ного детского мира! Учитель, несомненно, должен быть психологом, должен уметь понимать другого человека. *<...>* Детская душа – это нежный росток, таящий в себе все части будущего зрелого организма: он так же рвется к свету и свободе, как и зрелое, вполне сформировавшееся растение, а может быть, даже глубже, интенсивнее, и так же глубоко реагирует на все жизненные впечатления. Нужно много душевной чуткости, чтобы оценить и понять умственный и нравственный мир ребенка...

Методисты учебных заведений профессионального образования начала XX века считали, что научиться этому можно, внимательно читая тексты художественных произведений. Чтение развивает воображение, заставляет человека переживать за героев произведения, учит понимать другого человека. А вызвать сильное эмоциональное переживание, разить воображение, готовность к сопереживанию может только серьезная литература.

Российский педагог и публицист А.Н. Острогорский² наметил связь между педагогикой, психологией и художественной литературой. Он полагал, что одна наука не выручит воспитателя *<...>* Необходимы наблюдательность и особое чутье к явлениям душевной жизни юношества. Художественный талант и состоит ведь в том, что такое духовной жизни, иметь которое так нужно воспитателю. Воспитателю есть чему поучиться у писателей, и по преимуществу у тех, которые посвящали свои силы описанию детской души. ³ *<...>* А.Н. Острогорский считал Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского первыми среди писателей, кто посвятил свое творчество описанию детской души. В психологической хрестоматии Л. и О. Рудевичей «Детская душа» использовано восемь отрывков из

«Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, два отрывка из «Неточки Незвановой». Часто встречаются эпизоды с Колей Красоткиным (главы «Коля Красоткин», «У Илюшиной постельки», «Жучка», «Раннее развитие»).

Интерес к психологии детской души усиливает восприятие художественного произведения с психологической точки зрения. Составители хрестоматийного издания распределили отрывки по тематическим группам, отражающим различные чувства человека, сгруппировав в тридцать отделов: «Любовь к родным и близким лицам» (отнесены отрывки из глав: «Учитель Карл Иваныч», «Детство», «Горе»), «Детская любовь» («Что-то вроде первой любви», «Собираются гости», «После мазурки», «В постели»), «Дружба между детьми» («Ивины») и «Религиозное чувство» («Гриша»).

Вот как отзыается о хрестоматийном издании ученица школы Максимовича⁴: *<...>* Более ценного источника для знакомства с детским внутренним миром не найдешь *<...>* В детстве и отрочестве как бы намечается схема, план будущего развития человека, окончательную шлифовку он получает в юношестве⁵.

В начале XX века среди писателей повышенный интерес вызывали произведения А.П. Чехова, А.М. Горького, А.И. Куприна, В.В. Вересаева, Л.Н. Андреева, В.Г. Короленко, С.Т. Аксакова, И.А. Бунина, С. Надсона и К. Бальмонта.

В хрестоматийном издании составители использовали произведения И.А. Гончарова «Обрыв», М.Ю. Лермонтова «Саша Арбенин», А.С. Серафимовича «Вбурю», В.П. Желиховской «Как я была маленькой».

Для современного читателя почти неизвестно имя Веры Петровны Желиховской. Русская писательница-фантастка, драматург, родом из очень необычной и известной семьи (ее родная

мать – Елена Андреевна Ган – приходилась двоюродной сестрой поэтессе Евдокии Ростопчиной, а другой кузиной была Екатерина Сушкова, в которую был страстно влюблен Лермонтов). «Как я была маленькая» и «Мое отрочество» считаются одними из лучших ее произведений для подростков. Они представляют яркий материал для характеристики быта аристократических кругов провинциального общества 40-х и 50-х гг. XIX века. В настоящее время все эти произведения забыты, представляют только исторический интерес. В рассказе, передаются мысли и чувства, внутренние переживания: «... Я была ужасная фантазерка и часто выдумывала сама для себя целые истории обо всем, что мне на глаза попадалось... Я зорко вглядывалась, уверенная, что могу увидеть что-нибудь таинственное и не раз сердце мое замирало и крепко билось от ожидания...»⁶.

Наивность заложена в человеке природой, поэтому все дети так наивны и доверчивы. Неспроста составители поместили произведения А.П. Чехова «Событие», «Игра в лото», стихи А.Н. Майкова, К.М. Фофанова, Я.П. Полонского в отдел «Наивный детский мир».

Внимание современного читателя может привлечь творчество К.М. Фофанова. Первая книга его стихотворений вышла в 1887 г. Поэт стремился в своих стихах уйти от пошлой и грубой действительности в мир волшебной мечты. Для поэзии К. Фофанова характерна певучесть, щедрое разнообразие оттенков настроений, запечатленных в их мимолетности, зыбкость и приглушенность лирических образов.

Свечка догорела, спать давно пора бы.
Ты поник головкой, закрываешь глазки,
А еще все хочешь слушать наши сказки,
Как в лесу дремучем у колдуньи-бабы
Закипает в чанах много страшных зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном посреди ущелий
Он встречает Лебедь – ласковую фею.
О дитя, поверь нам: нет прекрасней сказки
Той, которой учит нас судьба-старушка.
Так забудь же бред наш, так закрой же глазки:

Ждет тебя постелька, ждет тебя подушка.

После прочтения рассказа А.П. Чехова «Событие» понимаешь, как важно для дальнейшей жизни все, что происходит в жизни ребенка. Название рассказа сразу настраивает на что-то значительное, что свершится в жизни маленьких детей. Чехов выстраивает свои рассказы, противопоставляя душевно черствый и эгоистичный мир взрослых доброму наивному и незащищенному миру ребенка.

В произведениях русских классиков детские образы воспринимаются как иллюстрации различных психологических типов. Отрывки, где описывается внутреннее состояние героя, помещены в отделе «Одинокие и обиженные дети»; дружба с Нехлюдовым – в отделе «Дружба между детьми»; расширение кругозора, внимание к окружающим, социальным проблемам – в отделе «На пороге отрочеству».

В отделе «Дружба между детьми» пять отрывков из произведений Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», «Неточка Незванова», «Детство», «Отрочество» Л.Н. Толстого.

Отдел «Подражательность» представляют произведения Г.И. Успенского «Малые ребята», А.П. Чехова «Мальчики», Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы», Н.Д. Телешова «Гаврюшка».

К главе «Отрочество» в хрестоматии «Детская душа» сделано примечание: «... Эти автобиографические страницы весьма интересны для характеристики духовной личности будущего философа и проповедника чистого христианства...». Составители выделяют как типичную черту Толстого его религиозность.

Отдел книги «Любовь к родным и близким лицам» содержит более 32 отрывков и произведений, в числе которых П.В. Засодимский «Любовь к матери», К.С. Баранцевич «Сыновья любовь», Н.А. Некрасов, «Мать», С.Я. Надсон «Осиротевшие», А.П. Чехов «Ванька» и др.

Впечатления детства оставляют глубокий след в душе человека. Детская душа гораздо сложнее, глубже и богаче, чем об этом принято думать. Художники слова помогут в великой задаче понимания этого глубоко-задушевного мира.

¹ Рудевич, Л.В. Детская душа: Сб. худож. отрывков из произведений русских писателей, обрисовывающих психологию детей / Л. и О. Рудевич. – Москва: К. Тихомиров, 1907–1909. – XIV, 456 с.

² Острогорский Алексей Николаевич (25 января 1840 г – 2 ноября 1917) российский педагог, писатель, редактор педагогических журналов.

³ Острогорский А.Н. Педагогические экскурсии в область литературы. М., 1897. С. 2.

⁴ Женская учительская школа имени П.П. Максимови-

ча находится в центре Твери. Была открыта в 1870 г. на средства известного деятеля народного образования П.П. Максимовича (1816 – 1892).

⁵ Ильина Т.А. Школа Максимовича: исследование и материалы / Науч. ред. М.В. Строганов; ред. О.В. Вершинина. – Тверь: ТО «Книжный клуб», 2010. – С. 149.

⁶ Желиховская В.П. Мое отрочество / В.П. Желиховская ; с рис. С.С. Соломко. – 2-е изд. - СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, [1896]. – 320 с.

Татьяна ДЕМИДОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ ПОЭТ А.А. КОРИНФСКИЙ

Не часто доводится человеку жить в старинном доме, да еще доме с богатой и интересной историей. Я живу в таком доме вот уже 50 лет – от рождения и до настоящего времени. А дому нашему 150 лет. Это известный всем краеведам объект под наименованием «дом Харитоновых», стоящий на пересечении улиц Радищева (бывшая Мартыновая) и бульвара Пластова (бывшая Большая Саратовская, впоследствии Завьяловская площадь, а затем Гончаровская улица).

Не буду пересказывать историю нашего домовладения. О ней существуют статьи известных краеведов: С.Л. и А.С. Сытиных, Л. Додоновой, А.А. Калачева и Ю.Д. Ефимова. О роли семьи Харитоновых в истории нашего домовладения, города и России тоже написано немало. Однако не менее интересным был «дохаритоновский» период жизни дома, о котором нам почти ничего не известно. Именно тогда в доме снимал квартиру внук известного архитектора М.П. Коринфского, гимназист А.А. Коринфский, сирота, впоследствии известный поэт, этнограф, переводчик, заместитель главного редактора петербургского журнала «Север» в 1896–1897 годах.

Известно, что после пожара 1864 года собственница «пустопорожнего места» А.П. Жидкова строит дом смешанного типа в два с половиной этажа с мезонином. Не справившись с финансовыми трудностями, Жидкова продаёт отстроенный дом небогатому дворянину выпускнику Духовной семинарии коллежскому асессору (сравнительно небольшой чин, 8 разряд) Д.И. Смирницкому, который стал владельцем дома почти на 30 лет. Купив дом, он поступает на службу эконома пансиона Симбирской мужской губернской классической гимназии с 1866 по 1881 год (12 лет). По другим данным, почти до самой смерти, то есть до 1893 года (24 года). Близость расположения дома тому способствовала. Сын Смирницкого Григорий учился в параллельном классе с Александром Ульяновым. В гимназии

Смирницкий, видимо, познакомился с тогда еще отроком Аполлоном Коринфским и поместил его жить в своем доме. Возможно, потому, что ему было жаль сироту, не приспособленного жить в условиях пансионной общины или в силу каких-то знакомств и протекций родных мальчика или просто для прибыли. Смирницкий был экономным человеком. Подтверждение того – сохранившаяся у нас печная дверца точь-в-точь такая же, как дверцы печей Симбирской гимназии. Появлением ее в доме мы, вероятно, обязаны Смирницкому.

Аполлон Коринфский прожил в нашем доме с 1879 по 1890 год, наезжая и останавливаясь даже после ухода в 1886 году из гимназии, что говорит о хороших взаимоотношениях, сложившихся с владельцем, и об удобстве квартиры для юного литератора.

Много изменений наложило время на внешний и внутренний облик дома, и поэтому необычайно интересно и важно определить, каким был дом во времена Смирницкого и Коринфского. Для того чтобы это выявить, приходится обращаться к архивным документам разных эпох, заглядывая все дальше и дальше и «очищая» облик дома от различных внешних и внутренних наслорений, и к воспоминаниям, и к пристальному изучению самого дома. Сделать это сложно, но мне, как человеку, живущему в этом доме, в этом отношении проще. В частности, я хорошо помню, что рассказывали о доме Н.И. и В.И. Харитоновы, дочери И.Х. Харитонова, его внук, профессор астрофизики, и мать последнего Таисия Михайловна, моя бабушка Т.К. Моржикова, однокашница Харитоновых по гимназии В.В. Кашкадамовой и совладелица с 1948 года, их приятельницы-старушки. Что касается А. Коринфского, то как раз о нем не говорилось то ли по незнанию, то ли потому, что в биографии поэта существовало несколько сложных моментов, которые не освещались в годы советской власти. Однако декламатор со стихотворениями Коринфского в доме существовал и существует. Я думаю, что многого в силу обстоятельств мне не рассказали мои бабушки, в том числе и Харитоновы, которых тоже считаю родными.

Конечно, дом частично перестраивался, меняли экстерьер и интерьер, не единожды даже на моей памяти переустраивался двор, при этом предыдущее, как целое, утрачивалось, но оставалась архитектурная эклектика, насыщенная говорящими деталями. Основное – сруб, планировка, расположение комнат, входы в этажи и мезонин, окна, двери и многое другое – сохранилось, несмотря на годы бурь и потрясений. И еще атмосфера, которая буквально берет в плен каждого входящего.

Архивный фонд № 198 – дело по страхованию от огня, начатое 5 августа 1887 года, – содержит «Описание строений Д.И. Смирницкого». Дело по страхованию перешло к Харитонову вместе с усадьбой. Это, пожалуй, единственный сохранившийся источник информации о том, как выглядело домовладение во времена жизни в нем Коринфского. Что побудило хозяина страховать дом – память о пожаре 1864-го или еще какое-то событие, неизвестно. В документах проскользнула информация, что в 1887 году Смирницкий заменяет деревянную крышу сеней, ведущих в мезонин, железной. Проверить это не представляется возможным. Если старый и небогатый человек решается на страхование, следовательно, что-то произошло и потребовало такого решительного шага. Ведь страховой взнос составлял 1500 рублей, по тем временам деньги немалые (и это вместо первоначально назначенных 2000 рублей).

В деле имеется важное для нас описание строения на 24 июня 1887 года:

А – «Смешанный, обищий, не оштукатуренный дом, крытый железом с досчатыми [сохранена орфография подлинника] пристройками (крыльцо, терраса, и отхожее место), крытыми деревом. Занят домовладельцем и сдается в наем [последнее для нас важно]. Длина 5 саженей, ширина 4 сажени, высота 1 и 2/3 сажени с мезонином».

В – «Полубревенчатый подиум, крытый деревом, длина 4 сажени, ширина 3 сажени, высота 1 1/3 с.

С – Полубревенчатые кююни, каретник, амбар, крытые деревом.

Д – Забор и ворота деревянные.

Е – Пристрои – терраса и отхожее место, крытые деревом. Постройки надворные в ветхом состоянии. Если говорить о внутреннем состоянии дома, то отмечаются неоштукатуренные переборки [такие до сих пор сохранились в подвале и до недавнего времени существовали в мезонине], двойные окна (15 штук), меньшего размера 9, в мезонине 2 [сохранились оба], дверей двусторончатых 4 [с тех времен сохранились две], дверей односторончатых одна, дверей плотничных 22, лестниц (1), печей голландских 4 [у Харитонова для сравнения 6], русских – 2 [у Харитонова 3], дымовых труб – 4 [при Харитонове – 3], отхожих мест – 1.

Перечеркнутый план дома Смирницкого содержит важный элемент – второе парадное, которое вело, видимо, из полуподвального этажа на юг (это подтверждает наличие сохранившейся лестницы в подвале, ориентированной в южном направлении), что позволяло заходить в квартиру автономно с улицы. Его упразднил И.Х. Харитонов постройкой торговой лавочки, а потом восстановили его дочери.

Эта бесценная опись дает нам возможность увидеть, каким было домовладение Смирницкого во времена жизни у него Коринфского. Дом позво-

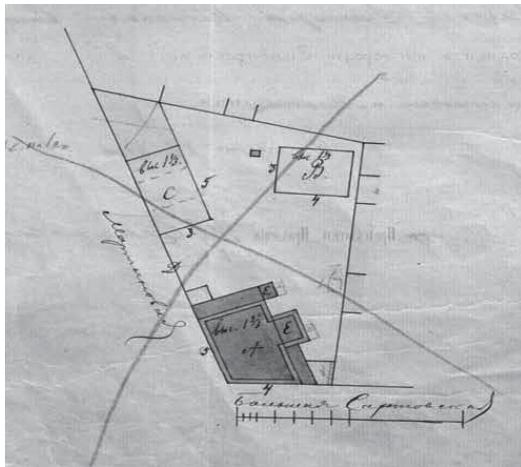
лял хозяину, живущему в одном из этажей, сдавать другой и мезонин, с отдельным выходом во двор квартирантам. Мы не знаем, в каком именно этаже, и каких комнатах жил поэт. Харитоновы, например, полуподвальное помещение занимали сами, когда в финансовых целях сдавали квартиру первого этажа и мезонин, о чем вспоминала Н. Харитонова, проведшая детство в квартире первого этажа. Так ли делали Смирницкие, неизвестно, остается лишь предположить. Но некоторые традиции одного домовладельца явно «перекочевывали» к последующим. Дом всегда (и Жидковыми, и Смирницким, и Харитоновыми) частично сдавался квартирантам, а после революции – полностью. С целью сдачи И.Х. Харитоновым был даже построен второй доходный дом или флигель во дворе в 1905 году, о чем много написано в связи с ленинской темой, поскольку первым квартирантом там был Д. Ульянов (есть в краеведческой литературе предположение, что В. Ульянов тоже бывал в нашем домовладении, как раз у Коринфского, и пользовался его богатой библиотекой).

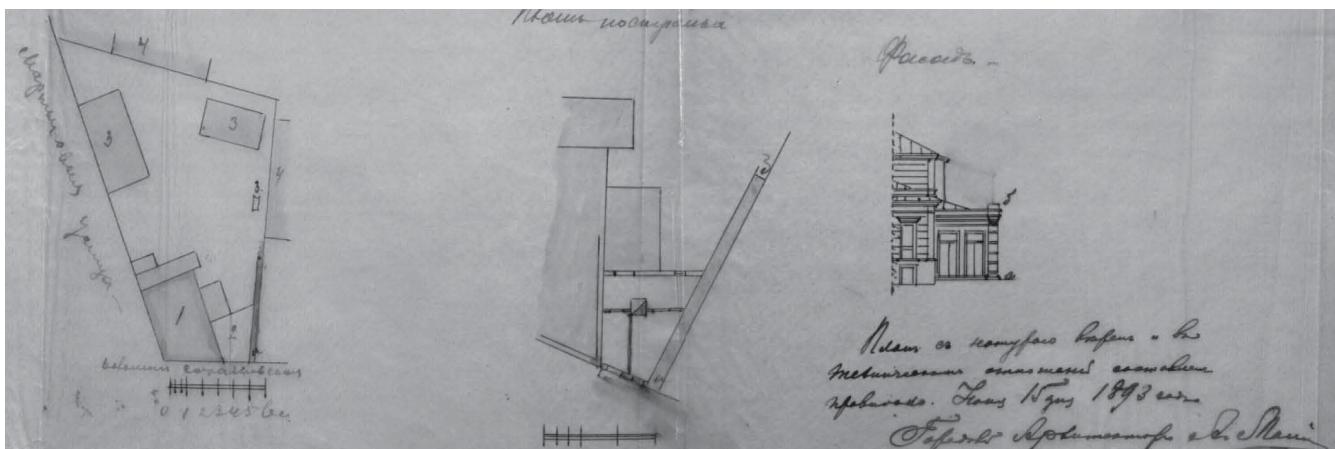
Юноша Коринфский мог снимать или деревянный этаж, как человек обеспеченный, или мезонин, как человек одинокий. Это было несравненно лучше, чем жить в пансионе, где случалось всякое, о чем существуют воспоминания выпускников гимназии. Даже жизнь в мезонине была вполне сносна для гимназиста, особенно если учесть, что мезонин является собой довольно светлую комнатку, обращенную венецианским окном на запад

и небольшую отделенную дощатой перегородкой проходную комнатку с окном на восток. В мезонин вели со двора сохранившиеся сени с лесенкой и отдельным выходом. Гимназист мог столоваться у хозяина или иметь приходящую кухарку или служу-дядьку. Для занятий, сна и питания такая квартира вполне подходила.

С возрастом Смирницкому становится трудно содержать дом. И он закладывает в банк свое недвижимое имущество. В архиве хранится документ от февраля 1892 года, где домовладелец спрашивает у властей, нет ли препятствий для взятия ссуды размером в 700 рублей сроком на три года под залог дома, строений и земли. 3 августа он оформляет страховку на 1892 год, но подписи ставит жена Варвара Петровна, а имущество находится в залоге у Симбирского городского общественного банка. Умирает он 28 августа 1892 года. Дом оценивают в 2.632 рубля. Уход Д.И. Смирницкого из жизни отчасти объясняет, почему поэт больше не приезжал в Симбирск – останавливаться в привычном месте не было возможности. Из архивных документов известно, что старший брат литератора П.А. Коринфский в 1893 году только начинает строительство собственного дома на Бараньей улице Симбирска. 13 февраля 1893 года дом перешел вдове.

25 февраля дом покупает И.Х. Харитонов, по-

сле чего в домовладении происходят большие изменения. В архиве сохранилось дело Симбирской городской управы по техническому отделу от 9 марта 1893 года, в котором имеется план готовящихся изменений в доме. Важно, что этот план начертан карандашом на плане построек, принадлежавших Смирницкому. Новый владелец занялся частичной перестройкой и починкой дома. «Покорнейше прошу разрешить мне наружный ремонт принадлежащего мне деревянного дома, находящегося... выстроенного по плану, утвержденному губернским правлением в 1865 году», – пишет в своем заявлении И.Х. Харитонов. Далее идет перечень необходимых изменений:

1. Перекрытие железной крыши.
2. Исправление всей наружной тесовой обшивки как самого дома, так и крылец.
3. Исправление оконных косяков.
4. Замена новыми пришедших в ветхость парапетов, карнизов, пелястр, наличников.
5. Перестилание внутри дома полов.

6. Отдельными бумагами Харитонов просит разрешить строительство брандмауэра и помещений для бакалейной и винной лавочек. Планируемая лавочка с большими стеклянными окнами-дверями видна на рисунке. На этом уникальном чертеже мы видим также фрагмент южного фасада дома времени Коринфского со старыми обшивкой и наличниками, опускающимися почти до окон полу-подвального этажа, без пелястр и кружев, но с парапетом.

Но логика живой жизни такова, что планирует человек одно, а удается не всегда и не все. Несмотря на целеустремленный характер И. Харитонова, обшивка была изменена, видимо, частично, так как старое проглядывает сквозь новое, да и могла ли она обветшать за 30 с небольшим лет владения Смирницкого, если сделанные Харитоновым 125 лет назад изменения живы до сих пор. Действительно, появились пелястры, прекрасные деревян-

ные кружева, сохранившиеся до настоящего времени, изменились уличные наличники, парапеты, карнизы как наиболее уязвимые элементы декора ввиду ветров и морозов. Внутри – новые дополнительные печи, штукатурка на стенах и деревянных переборках между комнатами, лепнина на потолке вдоль карнизов и в виде розеток в середине в двух комнатах, белые крашеные дверные и оконные наличники, под которыми можно обнаружить темные коричневые рифленые старые. А вот две двойные филенчатые двери мне представляются сохранившимися со временем Смирницкого, следовательно, «помнят» Коринфского. О дверях сохранилось много воспоминаний, часто велись разговоры о необходимости их сохранять. И дело не только в их исторической значимости. Филенчатые двери и лепнина – самое красивое в старинных деревянных домах, скромная копия убранства дворцов, теперь своего рода поэзия (как здесь не начнешь писать стихи!). На некоторых чудом сохранились старинные латунные ручки. Косяки в окнах были, на мой взгляд, обновлены лишь частично, так как где-то они рифленые, а где-то гладкие. На некоторых окнах есть решетки, на иных нет. О полах сказать что-либо трудно, тут требуется экспертная комиссия, но скреплены они старинными кованными гвоздями, так что, возможно, помнят Коринфского. Построил Харитонов лавочки и два брандмауэра с разрывом в средней части двора. Один сохранился полностью, но имеет сильный крен, другой – частично, но стоит строго перпендикулярно. Бакалейная лавочка в настоящее время выглядит не так, как заявлено на прилагаемом Харитоновым в документах чертеже, ибо перестраивалась в 1948 году дочерьми Харитонова.

Во время постройки двухэтажного флигеля (прошение от 13 сентября 1904 года) хозяин полностью переключает внимание на этот объект и меньше уделяет внимание старому дому, благодаря чему он консервируется почти в том виде, в каком был в

1893 году. Исключение составляют свет и водопровод. В 1914 году Харитонов умирает, а последующие события революции и войн не благоприятствуют перестройкам и обновлениям.

Итак, отринем мысленно все, что сделал И.Х. Харитонов, и представим дом, где не было названных изменений. А. Коринфский видел большой двор без брандмауэров, без бакалейной лавочки, с надворными постройками, стоящими углом в северо-западной части (на месте доходного дома), с колодцем, который имеется на чертеже. С высоты

мезонина он мог любоваться Ильинской церковью с мостом и колокольней и, возможно, Волгой, так как высоких зданий вокруг не было. Старинные входы в дом, парадные, полуподвал, сени, крыльца, террасу, сохранившиеся до настоящего времени он мог видеть ежедневно. Внутри его окружали неоштукатуренные смолисто-желтые стены сравнительно нового дома, множество окон (дом очень светлый), тепло (дом удивительно теплый до сих пор) и уют (дом очень уютный до сих пор)!

Наша справка:

Аполлон Аполлонович Коринфский (10.09 (29.08). 1868, г. Симбирск – 12.01.1937, г. Тверь), поэт, прозаик и этнограф, собиратель фольклора.

Родился в дворянской семье, внук знаменитого архитектора Поволжья М.П. Коринфского (Варенцова). Матери лишился в день своего рождения, а в пять лет – потерял отца. Воспитывался родственниками и гувернёрами. Детство провёл в родовом имении Ртищево-Каменка Симбирского уезда (ныне с. Полбино Майнского района). В августе 1879 г. поступил в Симбирскую классическую гимназию (учился в одном классе с В. Ульяновым.).

Автор сборников стихов «Песни сердца», (1894); «Черные розы», (1896); «Гимн красоте», (1899), «Под крестною ношей» (1909), «Поздние огни» (1912) и других. Трудом всей жизни А.А. Коринфского стала книга «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаяев и пословиц русского народа» (1901). Эта книга воспроизведена и многократно переиздается до сих пор. Автор стихов и прозы для детей. Стихотворения писателя положены на музыку композиторами А. Глазуновым, С. Рахманиновым, А. Варламовым и др. Некоторые его сочинения переведены на немецкий, английский, французский, польский, чешский и болгарский языки. В юности жил в Симбирске, затем в Москве, Петербурге. С 1929 года жил в Твери, где и скончался 12 января 1937 года.

Аполлон КОРИНФСКИЙ НИКОГДА!

Как звезд, далеких звезд, не счесть ночной порою,
Когда в чертог небес – бледна и холодна –
В венце своих лучей неслышно стопою
Взойдет луна;

Как не исчерпать зла, которым знаменуют
Дни равномерное течение времен;
Как не сдержать ветров, когда они бушуют
Со всех сторон, –

Так не постичь умом мечты певца мятежной,
Когда с дрожащих уст – наперекор судьбе –
Срывается волна поэзии безбрежной,
Неся в себе

Волшебный дар небес – дар творчества победный,
Понятный для певца, не зримый никому,
И тихо льется песнь, как свет лампады бледный
В ночную тьму...

Анастасия КУДРЯШОВА, научный сотрудник Литературного музея «Дом Языковых»

ОТ МОСКВЫ ДО ОРЕНБУРГА ЗА ПОЛТОРЫ НЕДЕЛИ!

185 лет назад А.С. Пушкин совершил путешествие из Петербурга в Оренбург. Современные путешественники повторили пушкинский маршрут.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

А.С. Пушкин

В августе 2018 года литературный музей «Дом Языковых» посетили гости из Москвы, три путешественника, повторившие пушкинский маршрут. Рассказывая о них, невольно вспоминаешь картину художника Игоря Шаймарданова «Коля, Саша и Леша», иллюстрирующую дружбу Языкова, Пушкина и Вульфа. Только если «поэтов сладостный союз» сложился в начале XIX века, то трех товарищей дружество «связует» сегодня. Однако независимо от времени всех объединяет одно – имя величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Трое друзей (инженеров-химиков) Дмитрий, Степан и Сергей решили свой отпуск посвятить повторению маршрута, совершенного А.С. Пушкиным из Петербурга в Оренбург осенью 1833 года, с целью сбора материалов для написания «Истории Пугачевского бунта». Этому событию в наступившем году исполняется 185 лет. Именно во время этой поездки Александр Сергеевич Пушкин посетил Симбирск.

Наши гости преследуют иную цель – прикоснуться к пушкинским местам. Путешествуя той же самой дорогой, что и Александр Сергеевич, они останавливаются в каждом населенном пункте, где сохраняется память о пребывании поэта.

Главным идейным вдохновителем поездки трех товарищей стал Дмитрий Еремеев. Он большой почитатель таланта Пушкина: «Пушкин тот, кто изменил русский язык. Он объединил два стиля: простонародный и язык дворян. И если, например, взять того же «Евгения Онегина», даже не замечаешь, что это написано стихами. А недавно я попытался перечитать Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», и не смог дочитать, настолько тяжелые слова... Совсем по-другому читаешь последнее прозаическое произведение Пушкина, которое счита-

Игорь Шаймарданов. Из цикла «Михайловские царапки» (2005). «Саша, Коля и Леша»

Из фондов Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Экспонировалась в 2017 г. в Литературном музее «Дом Языковых» на выставке «Веселый Пушкин» художника Игоря Шаймарданова.

ется совершенным, – «Капитанская дочка»... Просто восхищаешься».

Свое путешествие три друга начали из Москвы. Их путеводителем стала книга Игоря Смольникова «Путешествие Пушкина в Оренбургский край». В ней автор знакомит читателя с историей этого путешествия, повторив маршрут Пушкина также из столицы нашей родины. Первая остановка на пути москвичей была в Нижнем Новгороде. Посетив музей Пушкина (филиал музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино»), далее через Чебоксары проехали в Казань. В музее Е.А. Боратынского они узнали подробности встречи Александра Сергеевича с поэтом, мастером элегии и философской лирики. На следующий день по маршруту Пушкина, а значит, и трех товарищей был Симбирск.

Приехав в наш город, первым делом, они посетили Литературный музей «Дом Языковых». Этому дворянскому особняку более двухсот лет. На фасаде здания расположены две мемориальные доски. Одна из них свидетельствует о владельцах дома – братьях Языковых, которые в XIX столетии играли значительную роль в общественной, культурной и научной жизни Симбирска, Симбирской губернии и России в целом. А о дружбе поэтов Николая Михайловича Языкова и Александра Сергеевича Пушкина рассказывают выставки и экспозиция музея. Другая мемориальная доска на фасаде здания с 1937 года хранит память о посещении великим русским поэтом языковского дома. «Здесь, в бывшем доме Языковых, 13 сентября 1833 года проездом из Петербурга в Оренбург останавливался А.С. Пушкин».

Внимание гостей привлек и бронзовый бюст А.С. Пушкина всемирно известного скульптора Зураба Константиновича Церетели, который украшает дворик музея. «На фоне Пушкина» друзья сделали памятный снимок.

Дальнейший путь ведет друзей в Оренбург. А завершают они свое путешествие в Болдино. Затем возвращаются домой, в Москву. Подготовились к поездке почитатели Пушкина основательно. Дмитрий Еремеев размышляет: «Пушкин – это тот сочинитель, с кем мы встречаемся с самого раннего детства. Это сказки Пушкина в детском саду, обязательные произведения в начальной и средней школе, старших классах. Потом, с возрастом, когда начинаешь перечитывать Пушкина, становишься настоящим читателем, находишь много необычного, интересного, ибо Александр Сергеевич – наше все!».

Пушкин совершил свою поездку за полтора месяца, а у трех друзей на все было лишь полторы недели. Поэтому они, не задерживаясь надолго в Симбирске, отправились в дальний путь. Эта встреча оставила приятное впечатление, ведь не может не радовать такая любовь наших современников к Пушкину, к российской истории и словесности!

Фотографии из фондов
литературного музея «Дом Языковых»

Гости музея – путешественники Сергей Груздев, Дмитрий Еремеев, Степан Макаревич

Татьяна ЭЙХМАН, член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Родники», лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК В ЯЗЫКОВСКОМ ПАРКЕ

Осенью 1833 года Александр Сергеевич Пушкин совершил путешествие из Петербурга в Оренбург. На обратном пути в усадьбе Языковых состоялась знаменательная встреча поэта с Николаем Языковым и его братьями. В память об этом событии в Языковском парке вот уже несколько лет в сентябре проводится литературный праздник для школьников.

Сентябрь – время начала учебного года, и отрадно, что юные любители поэзии именно в это время посещают прекрасный уголок земли, «приют спокойствия, трудов и вдохновения». Они после каникул приезжают в Языковский парк на Детский праздник встречи друзей поэзии. Именно здесь, в Языкове, встретились давние друзья А.С. Пушкин и Н.М. Языков. Известно несколько стихотворений, которые поэты посвятили друг другу. Так, в одном из них А.С. Пушкин восклицает:

«...Клянусь Овидиевой тенью, / Языков, близок я тебе!»

Отсюда путь А.С. Пушкина пролегал в Болдино, где великому поэту предстояла пора необыкновенного творческого подъема, его работоспособность была уникальной! А встреча и общение в усадьбе Языковых, как понимаем мы сегодня, дала толчок

к трудам и творческим замыслам А.С. Пушкина. Пушкинское понимание дружества до сих пор является для нас примером доброжелательности к близким товарищам и искренней заинтересованности в их судьбе, поэтов Пушкинского круга объединяло творческое единодушие, они действительно были «родней по вдохновению», по переживаниям о судьбах страны, народа.

На Языковской земле сложились свои литературные традиции. Вот уже пятьдесят лет в июне в селе Языково проводится Пушкинский праздник.

Осенний День поэзии объединяет школьников, любителей литературы. Первый раз здесь, в Языковском парке, был проведен детско-юношеский поэтический праздник «И снова с вами я» в честь 171-й годовщины приезда А.С. Пушкина в усадьбу Языковых.

Осенняя литературная встреча имеет свои особенности. В сентябре мы приглашаем детей в Языково для того, чтобы зарядить их на работу, вдохновить на учебу, чтобы вместе вспомнить любимые стихи двух поэтов – Пушкина и Языкова, чтобы послушать, о чем написали ребята за каникулы. Ежегодно в этом празднике принимают самое активное участие школьники Карсунского района, их друзья из других районов. Юные участники великолепно читают стихи А. Пушкина, Н. Языкова, А. Дельвига, Д. Давыдова, других поэтов Пушкинского круга. Ребята по традиции высаживают саженцы сирени и берез, ели, кленов и рябины. Участвуя в посадке деревьев в Языковском парке, они вспоминают легенду

«племя младое незнакомое» высаживает на аллеях молодые деревья. Жизнь продолжается, продолжаются литературные традиции.

Красота Языковского парка осенью поистине поэтична. Здесь особенно проникновенно звучат пушкинские стихи «Унылая пора! Очей очарованье! /Приятна мне твоя прощальная краса...».

В этом году исполнилось 185 лет с того времени, когда А.С. Пушкин приезжал в Симбирск и Языково. И в этом сентябре юные почитатели таланта двух поэтов снова собрались в Языковском парке. В парке играл детский духовой оркестр «Лира». Организаторы праздника – сотрудники музея «Усадьба Языковых». На аллеях были представлены выставки картин местных художников и поделок учащихся Дома детского творчества (Языково). Школьники участвовали в исторической реконструкции «Бал у губернатора Загряжского в г. Симбирске» (Лингвистическая гимназия, г. Ульяновск), а также в театрализации «Приезд А. С. Пушкина в с. Языково в 1833 году». Юные участники праздника (Илья Волостников, Анастасия Ромашкина, Александра Кушникова, Илья Арзамаскин, Юлия Сыромятникова и другие) читали стихи А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, Анатолия Чеснокова, Валентина Орлова, Татьяны Эйхман, Василия Коробкова, Юрия Жихарева). Свои стихи прочли юные авторы: Егор Кальченко, Никита Красильников, Алексей Туманов.

И над аллеями и прудом высоко звенели поэтические строки.

о пушкинской ели. Ведь народ из поколения в поколение передает рассказ о том, что Пушкин, гуляя в парке, посадил ель у пруда, существует мнение, что это не так, но так хочется верить, что она выросла тут на берегу не случайно, что рука гения прикасалась к этой зеленой красавице! Есть нечто символическое в том, что

Николай ПОЛОТНЯНКО, поэт, прозаик, драматург, родился 30 мая 1943 года в пгт. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов и прозы: «Братина», «Круги земные», «Симбирский временник», «Государев наместник», «Клад Емельяна Пугачева» и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, орденом Ф.М. Достоевского. Живет в Ульяновске.

СЛОВО О НАЧАЛЕ ГРАДА СЛАВНОГО И ПОХВАЛЬНОГО СИНБИРСКА

одноактная
пьеса

Действующие лица:
Царь Алексей Михайлович
Богдан Хитрово – окольничий, Симбирский воевода.

Поэтическое вступление:

Пусть прошлое туманно и не близко,
Печаль о нем торжественно светла.
На площадях и улицах Симбирска,
(начинают звучать колокола)
Прислушайся, – звонят колокола.

Прислушайся! Восходит звон из глуби.
Что ни удар, то отзовется год.
И от волненья пересохнут губы.
И память горькой скорбью обожжет.

Мы часто на решенья были скоры,
Беспамятны... Но ты нас не кори,
Былой Симбирск. Звонят твои соборы,
И тенями встают монастыри.

И кладбища, что скрыты под бетоном
Дорог и зданий, явственно видны.
Симбирск! К твоим истокам и иконам,
Настанет час, и припадут сыны.

Московский Кремль. Комната царя. Алексей Михайлович сидит в кресле и пальцами правой руки постукивает по столу.

Царь: Нет, рано нам начинать войну с поляками из-за Смоленска. Надо сначала сделать неприступной Степную границу. Без нее Русь похожа на избу, у которой всего три стены, а четвертой стены, обращенной на Дикое поле, нет, и через него постоянно вторгаются крымцы и ногаи, уволакивая людей в рабство. А тут еще новая напасть – калмыки. Постоянно нападают на русские поселения. Сейчас с башкирами сцепились, воюют друг друга. Чертам поможет отгородиться от них. Хоть она безмерно дорога и людей много забирает, но без нее невозможно начать заселение Поволжья...

(Входит Хитрово, опускается на колени и касается лбом пола)

Хитрово: Желаю здравствовать, великий государь!

Царь: Поднимись, Богдан. Я рад тебя видеть. Подойди ближе.

(Хитрово поднялся с колен, сделал шаг вперед и остановился.)

Ты слышал, наверно, про весть от воеводы пограничного Путивля, что запорожские казаки у Желтых вод, сложась вместе с татарами, всех ляхов побили, а и иных и в полон поймали, а гетманского сына Потоцкого взяли в полон жива... Все наши беды от поляков, терзавших Русь во времена смуты. От их козней и нестроение на Руси началось. Слава богу, мы сейчас не те, что были тридцать лет назад. Казацкий бунтишка на Украине – это знак того, что пришла ляхам пора рассчитаться за смуту, за издевательства над православной верой.

(Пауза.)

Бояре советуют собрать Земский собор, как это бывало при моем родителе великом государе Михаиле Федоровиче, и взять воинских людей и деньги со всей земли. Как мыслишь, воевода?

Хитрово: Не надо торопиться, государь. Мы станем воевать Смоленск, а хан из Крыма ударит нам в спину. Если воевать с ляхами, то на черте должна стоять рать, способная дать отпор татарам. Нужно помедлить, выждать. Казачишки сегодня с ляхами воюют, а завтра, куда их занесет?.. Киевский староста Иеремия Вишневецкий бывалый воин. Казакам супротив него не устоять. Прошлым летом Кураш-мурза набежал на Белгород, отбили его с великим для татар уроном, потому что там Большой полк стоял и стоит. А если он будет под Смоленском? Что тогда?.. Татары прорвут черту и через день будут на Оке.

(Пауза.)

Царь: До такой беды дело не дойдет. Зачем же тогда мы построили десять новых городов и возобновили город Орел, разрушенный в Смуту ляхами и их подручниками казаками?.. На Белгородской границе построили еще восемнадцать городов и завершили строительство Белгородской черты от реки Ворсклы до Тамбова на Цне, а теперь замыслили продолжить ее дальше на восток – до Симбирска. Тебе сие ведомо лучше, чем мне, как пограничному воеводе. Говори.

Хитрово: Тебе ведомо, великий государь, что прошлым летом твои люди поставили град Карсун и разметили черту для начала работ вплоть до Симбирска. Это будет гораздо более мощная, чем прежде, засечная черта: валы, рвы, надолбы, острожки и города составят уже сплошную линию обороны. Укрепленную границу надо заселить свободными от податей крестьянами, которые станут отличными солдатами и драгунами создаваемых полков иноземного строя.

Царь: Ты всегда дельно мыслишь, Богдан. Я уже не раз пожалел, что отпустил тебя на границу. Мысль у меня была поставить тебя на приказ здесь, в Москве. Но мне насоветовали другое – как де он проявит себя на службе на границе.

Хитрово: Я весь в твоей воле, великий государь...

Царь: Мне край как нужны грамотеи и книжники. А ты, Богдан, и латынь, и польский языки ведаешь...

(Пауза.)

Мыслю я учредить школу, в которой бы наши братья, ученые монахи из Киева, обучали языкам, греческому, наукам словесным до риторики и философии. Наши епископы, не говорю о простых попах, плохо образованы. А Русь в настоящее время – последний оплот православия, наши угнетенные турками братья с надеждой взирают на Москву, ожидая, если не скорого освобождения от ига, то духовной поддержки.

(Пауза.)

Однако нашему единству с славянскими братьями крепко мешает то, что в нашем богослужении имеются серьезные расхождения с тем, как понимают православие греки, сербы, болгары. Все это необходимо устраниТЬ, а для этой работы нужны образованные правщики книг, просвещенные иерархи, способные проводить политику Москвы в зарубежье. Открываю тебе свои замыслы и Ближней думы, в коей тебе самое место.

Хитрово: Я не достоин такой чести, великий государь. Я всего лишь полковой воевода со Степной границы.

Царь: (усмехаясь, подает ему свиток) Прочти вслух, и я за одним послушаю, что утвердил, не читая. Вдруг дьяк Волюшанинов что-нибудь наврал. Читай, читай...

Хитрово: (читает крепнущим голосом) Божьей милостью Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея России Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь

Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовских земли, Черниговский, Рязанский, Плоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский и Государь и Обладатель повелел за многия труды, за Керенскую службу, за городовое и засечное строительство, да за Карсунскую службу и засечное строительство пожаловать полкового воеводу и стольнику Богдану Матвеевича Хитрово в окольничие и дать ему восемьдесят рублей и триста четей земли в каждом поле в Царевом Сенчурске!

(Совершает земной поклон.)

Царь: (сумрачно) Не спеши с благодарственным поклоном и слотни радостную сладость, Богданко. Тут дьяк Волюшанинов еще одну грамотку припас для тебя.

(Берет со стола грамотку и помахивает перед лицом окольничего.)

Челобитная на тебя явлена... от крестьян деревни Квашенки. Твоя деревня?

Хитрово: Моя, великий государь.

Царь: Вычитывай.

Хитрово: ...Мы, великий государь, твои сироты и страдники бьем челом, что владеет нами Хитрово без дач и держит за собой сильно и правит всякие доходы с нас беспощадно до изнеможения. Мочи нашей быть под Хитрово нет никакой. Возьми нас, великий государь, из-под него, а то уйдем в черкасы или на Дон в казаки...

Царь: Что скажешь, окольничий?

(Хитрово виновато вздыхает.)

Хитрово: Не додглядел за войсковой службой, великий государь! Та деревенька мне самому в тягость.

Царь: А вот твой сродный брат окольничий Федя Ртищев народ жалует, не в пример тебе. Намедни неслыханное дело затеял на свои деньги. Уберечь, говорит, хочу хоть малую толику народа от злосчастной погибели пианства. Горе меня мучает, что народ гибнет почем зря, когда напьется до беспамятства и падает прямо в снег и грязь возле кружал. Каждый день к Земскому приказу свозят трупы замерзших или утонувших в грязи. Вот и замыслил, говорит, я сотворить службишку из десятка людей, кои подбирали бы на улицах упившихся и привозили в Андреевский монастырь... И больных обезноживших туда бы свозили. Я его затейку, Богданко, одобрил. Ртищев христианин не только на словах, а на деле.

(Пауза.)

Хитрово: Я, великий государь, освобожу чelобитчиков на два года от податей.

Царь: Я таким добрым быть не могу. В мыслях у ближних бояр собрать Земский собор, принять новое Уложение, которым навечно прикрепить крестьян и посадских людей к тягле. Будут отменены урочные годы и крестьянам запрещен выход от владельцев в Юрьев день.

Хитрово: Давно пора! Надобно приравнять крестьянишек к кабельным холопам. Сейчас в бегах полстраны, тягле не исполняются, денег взять не с кого, казна пуста!

Царь: Я прошлым летом разговаривал с английским купцом Самуэльсом, не по торговым делам, а пытал его о тамошних порядках. Все у них не по-нашему устроено, но самое любопытное, что там крестьяне уже триста лет свободны. Триста лет! А мы только надумали запретить им выход. Я вот записал, сколько доходов получает английская казна, в десять раз больше, чем наша. Но не от земли, а от торговли.

Хитрово: Там крестьяне владеют землей?

Царь: Нет, нанимают ее на срок у лордов.

Хитрово: Им бы наши заботы. У них крестьянишки от безземелья в Америку утекают, а у нас земли немеряно, наш мужик землю нанимать не будет, уйдет, куда ему вздумается, и найдет себе пашню. На Руси мужика надо держать в кулаке.

Царь: У тебя, Богдан, все просто. Ты предлагаешь в кулаке держать не палку, но человека, у коего есть божеская суть - его бессмертная душа. А ведомо ли тебе, как меня бесчестят в Европе, каким срамным именем называют те же шведы, ляхи и прочие паписты и лутеры?

Хитрово: Все они известные умельцы строить всякие гадости. Но на границе подметных писем нет.

Царь: Они меня, Богдан, Геростратом обозвали? Тебе ведомо, кто этот Герострат?

Хитрово: Первый раз слышу, великий государь.

Царь: Я велел посольскому дьяку Алмазу Иванову узнать, что это за некресть такая - Герострат? И он проведал, что это ветхий грек, который жил во времена царя Соломона.

Хитрово: Какое зло сотворил этот Герострат, что немцы посмели обругать православного государя его именем и воздвигли на него злые бесчестья, хулы и укоризны?

Царь: Сжег языческий храм. И в его деянии я не усматриваю ничего зазорного. Для лютеран шведов, чья вера недалеко ушла от язычества, сей Герострат может и тиран, а православный человек его поступок признает добрым. Ведь это так, Богдан?

Хитрово: У меня в этом нет никакого сомнения.

Царь: Точно, как ты, говорит и патриарх. А бояре советуют потребовать от шведов миллион ефимков и пригрозить войной. Вот такие у нас советники.

(Пауза.)

Советники могут такое наподсказать, что потом волосы дыбом от их советов! Мой дядька Морозов убедил меня поднять налог на соль. Сейчас Москву завалили чебобитными. Пишут из Астрахани, где, нечем солить на учуках рыбу, а та, что посолена, будет в тридорога. Пишут из Ярославля, Рыбинска, Новгорода, в Москве, что ни день, хватают подстрекателей к бунту. Что делать? Ждать, когда толпа явится в Кремль?.. Морозов мне говорит, что отменять налог никак не можно, в Швеции заказаны пищали для новых полков иноземного строя, деньги нужны на жалованье стрельцам, рейтарам, солдатам... Гость Строганов в чебобитной советует сократить налог на соль на две трети, чтобы утишить на-

род. Морозов против. Сейчас только мне доказывал, что он прав. А ты как, Богдан, мыслишь?..

Хитрово: Затраты на вооружение полков можно сократить, если наладить его изготовление у нас.

Царь: Кое-что начинаем сами делать, те же гранаты. Они не хуже пушек помогают устоять в осаде, даже супротив шведа. А ногайские толпы от гранат сразу бросаются наутек. А вот для своих пищалей наше железо не годится, мягкое и крошится. У шведов его не возьмешь ни за какие деньги, надо учиться самим железо варить, так те же шведы к нам ученых немцев не пропускают.

(Пауза.)

Можно купить у них мушкетов, но деньги потребны на возведение черты, на испомещение на ней крестьян, казаков, на жалование служилым людям. Добро, что наши предки приискали для жития страну, где вдоволь и рыбы, и пушного зверя. Без соболей да лисиц мы бы не враз поднялись после Смуты и польского разорения. На соболях и Симбирскую черту начали строить. Сколько людышек мыслишь испоместить на новой границе этим летом?..

Хитрово: Вместе с Синбирском во всех острожках и слободах, думаю, до тысячи душ поместить работных и служилых людей.

(Государь задумался.)

Царь: Дорогонько выходит. Ежели на каждого дать по пяти рублей, значит, пять тысяч. Сказывают, там большие рыбные ловли. Первая, весенняя, путина начинается там сразу же после вскрытия Волги и длится примерно до середины мая, до половодья. Эта путина дает большую часть улова красной рыбы - осетров, белуг, севрюг, стерляди, белорыбицы. Чебобитная есть от ярославских торговых людей Твердыщевых. Продай им, Богдан, ловли, да не продешви, деньги тебе будут всегда нужны, а я много дать не могу. Хотя за год в казну до миллиона рублей притекает, а утекает много больше... Как мыслишь Синбирск строить?

Хитрово: Прошлой осенью, великий государь, я разведал сие место, - сказал Хитрово. - Над Волгой саженей на сто поднимается великая гора. В полутора верстах от нее течет другая рука - Свияга. На горе и близ нее спелый сосновый бор, годный на строительство. У меня и чертеж града готов.

(Разорачивает чертеж Синбирской крепости.)

Это Синбирская крепость. Сначала будем вокруг нее рыть рвы и насыпать земляные валы, опоясывающие крепость. На валы надо будет ставить дубовые тарасы, двух-трех саженных бревновые срубы, набитые камнем и глиной. На тарасах встанут бревновые колья ограды и срубы наугольных и проездных башен. Город мыслю поставить о шести башнях, две, Казанская и Крымская, проездные, стены на тарасах, со стороны Волги частокол, остальные рубленные.

(Показывает на чертеже.)

Все стены с бойницами для ведения огненного пушечного и пищального боя. Помосты на стенах для ратников, башни и проездные ворота, воеводская изба, церковь, избы ратных людей, амбары для государева хлеба, погреб для сбережения по-

роховой казны и свинца, поварня, конюшня для боевых коней, земляная тюрьма для лихих людышек, осадные избы для житья во время осады посадских и иных людей, которые сбегутся в город при появлении врагов.

Царь: Скажи подробно про башни. Они есть основа крепости. В них вся сила огненного боя.

Хитрово: Главные башни будут проездные: Казанская и Крымская, обращенная к Дикому полю, откуда набегают ногаи да калмыки. Они сплошь из дуба, ворота железом окованы. Над вратами - боевые часы. В нижнем ярусе башен - большие пушки. Через ров сделан подъемный мост над острыми кольями. По стенам града поставлены еще шесть глухих башен - две боковые и четыре наугольные.

Царь: (весело) Круто ты замесил, Богдан! Чуть ли не вторую Москву надо ставить.

Хитрово: Иначе никак нельзя. Град должен иметь в себе все нужное для войны и мира. Со временем он обрастет посадом, домовыми строениями - избами, амбарами, банями, огородами, женками, детишками, всякой живностью...

Царь: Не части, Богдан, дай государю слово молвить. А что с волжской стороны не бревновая стена?

Хитрово: Тяжело земле будет: с горы к Волге оползни случаются. Стена может съехать в Волгу.

Царь: Говори, в чем нужда?

Хитрово: Работные люди потребны, великий государь. Строить надо Синбирск, и черта только начата. Сейчас у меня на Карсуне всего две сотни стрельцов и полусотня казаков.

Царь: Князю Петру Долгорукому отписано в Нижний Новгород нарядить на черту и град Синбирск до пяти тысяч работных людей, взяв с каждого пятого двора по одному крестьянину или бобылю. Если замешкается, будет в ответе! Ты отпиши мне, если что не так.

(Алексей Михайлович встал с кресла, сделал несколько шагов по комнате, остановился, прислушался. Из сеней порывами доносился легкий шумок.)

Царь: Слыши, шумят, колобродят каждый о своем... Нигде от них спасу нет. Я уже приказал двери войлоком обить и сафьяном обшить, все равно слышно. Тут как-то Федя Ртищев принес мне свой переклад с фряжского ученого мужа Маккиавели, «Государь» называется. Умно писано: всяк государь одинок, как сирота. Если и можно с кем по душам поговорить, то только с Богом, а среди человеков собеседника государю нет. Всяк из людышек норовит вырвать у царя что-нибудь для себя.

(Государь ласково потрепал Хитрово по плечу.)

Моей Марии Ильиничне понравился твой вчераший поклон, - улыбаясь, молвил он. - Сказала, что ты не утомил ее, поклонился и вышел вон. Иные, как попадут к царице, так норовят измучить ее лестью, а то и просьбушками.

Хитрово: Государыня милостива ко мне.

(Царь лукаво посмотрел на него.)

Царь: Ну, и каково быть окольничим? Там возле крыльца,

(Государь указал рукой в окно.)

- вон, сколько толпится стольников. Все тщатся взлететь, да крылья далеко не у всех вырастают. Мыслю, что я в тебе, Богдан, не ошибся.

(Хитрово упал на колени и коснулся лбом яркого персидского ковра.)

Хитрово: Великий государь! Все мои помыслы - служить тебе, не щадя живота своего!

Царь: Встань, Богдан, - молвил государь. - Верю, что не ошибся в тебе. Большие дела предстоят, и для них нужны новые люди, такие, кто свободен от воспоминаний времен лжецарей и Смуты... У тебя недалече от нового града Синбирска соляные промыслы в Надеином Усолье. Виноват я перед Надеей Светешниковым, не доглядел, умер гость на правеже. Сейчас промыслами его сын владеет. Ты проведай его дела в Усолье. И отпиши, что он желаешь.

Хитрово: Сделаю, великий государь.

Царь: Град строй, но и другие дела не упускай. Смотри за ясачными людьми, что-то худо от них куньи меха идут. Пользуйся моим указом: кто из язычников примет православие, тот на пять лет свободен от ясачной подати. Но ни татар, ни чуваш к нашей вере не тесни.

Хитрово: Просьбишка у меня, великий государь, - сказал Хитрово. - На соборную церковь в Синбирске добрый пастырь нужен.

Царь: Скажу Ивану Неронову, чтобы подобрал попа из своего окружения.

(Помолчал.)

Вчера он мне представил лопатицкого Аввакума, которого с места воевода вышиб.

Хитрово: Я его видел у Ртищева.

Царь: Как он тебе показался? - заинтересовался Алексей Михайлович. - Может на Синбирск годится?

Хитрово: Сей протопоп дерзок с начальными людьми. Опасаюсь, как бы он на границе не учил смуту.

Царь: Ужели он на такое способен?

Хитрово: Тебе ведомо, великий государь, что люди на черте не по своей воле нарушают предписанные церковью обряды. Аввакум в вере неистов, вся опасность в этом.

Царь: Добро... Неронов даст тебе покладистого иерея. А мне Аввакум своей неистовостью пришелся по сердцу. Он прав - Богу служить абы как нельзя. У нас много чего негожего накопилось в церкви. Федя Ртищев свой монастырь показал?

Хитрово: Вчера там был, великий государь. Подвигу подобно, как скоро поставлен монастырь.

Царь: С нетерпением жду, когда справщики завершат работу. Книги нужно исправлять.

(Алексей Михайлович с улыбкой посмотрел на окольничего и подал ему ларец из дорогое кипарисового дерева, изукрашенный серебряной чеканкой.)

Сей серебряный позлащенный крест, убранный жемчугом и драгоценными каменьями, наш с государыней дар новому русскому граду Синбирску.

Про то сделана надпись. Читай, окольничий.

Хитрово (Берет крест): «Повелением Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича и его благоверныя Царицы и Великой Княгини Марии Ильиничны сделан сей крест в Синбирск во град в соборную церковь Живоначальныя Троицы...».

Царь: Говори, Богдан, свои личные нужды.

Хитрово: Великий государь! Я премного вознесен твоей милостью! Дозволь завтра отбыть на черту!

Царь: Поезжай с Богом! Возводи град Синбирск. Я на тебя в полной надежде. Но знай, что скоро ты мне будешь нужен на Москве.

Хитрово: (Оставшись один):

Дабы край оберечь от набегов башкир и ногайцев
И унять навсегда их по-волчьи разбойную прыть,
Государь повелел Хитрово – от Карсуна к Симбирску
Ров копать, сыпать вал и засеки, не медля, рубить.

Сберегать было что – по Суре от Курмыша
к Свияжску
Непрерывной чредой вековые стояли боры.
Меднотелые сосны, как струны, звенели
зимой от мороза,
Истекали смолой от истомной июльской жары.

На ручьях и речушках гнездились бобровые гоны.
Даже днем становилось темно от пролетных гусей.
Как бояре хмельные, в малинниках спали медведи,
И обозы пчелиные к дуплам тянулись
с медовых полей.

В мелколесьях и пустошах лоси бродили стадами.
И куницы за белками мчались в ветвях верховых.
А в Суре жировала по заводям царская стерлянь,
И сомы щекотали русалок усами в потемках речных.

Край обильный, не ведавший русского слова,
Простирался на полдень вдоль Волги-реки.
Вокруг лежали еще никогда не рождавшие земли.
Только дрофы ныряли в траву, да свистели сурки.

Край пустынnyй! Просторное Дикое поле,
Где ковыль, словно мех соболиный, волнуясь, сиял.
Там во тьме зарождались несметные орды,
И московский престол от кровавых набегов дрожал.

Сберегать было что – Волга стала проездной дорогой
От Москвы и до Каспия, до шемаханских краев.
Струги с красным товаром упругую пенили воду
На стремнине, разбойных страшась берегов.

Государь повелел, и по слову его каждый пятый
Двор послал мужика на царевы труды.
Так возникли Тагай и Уренск, и Сокольск,
и Юшанский,
И другие острожки Карсунско-Симбирской черты.

Громоздили валы, заостренные бревна вбивали,
Рыли рвы в три сажени, а там, где был лес,
Там засеку рубили почти в полверсты шириной,
А пред ней выпускали на поиск казачий разъезд.

Под защитой черты поселялись стрельцы
и крестьяне,
Созидали края, первожители русских слобод.
И плодились несчетно, пахали и сеяли жито,
И стекался к ним беглый гулящий народ.

Оглядевшись, подняв целину и построив жилища,
Для души возводили церквей многоглавую вязь.
Сквозь леса и болота дороги к столице торили,
Чтобы крепла с Москвою державная связь.

ЗАНАВЕС

Памятник Богдану Хитрово в Ульяновске.
Скульптор Олег Клюев. Архитектор Владимир Сергиенко.
Открытие памятника состоялось 1 сентября 2008 года.

«ГРАД СЛАВНЫЙ И ПОХВАЛЬНЫЙ»

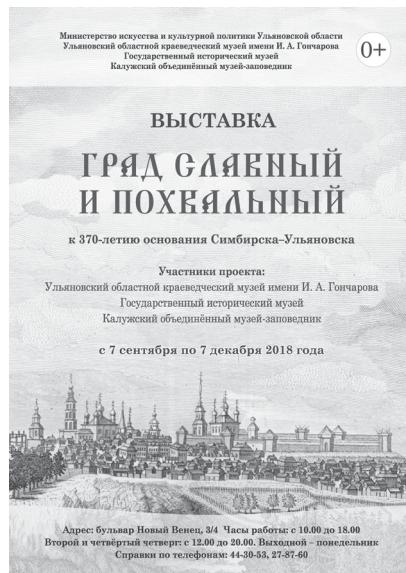
Всем, кто интересуется историей Отечества, духовной и материальной культурой страны и родного города.

7 сентября 2018 года в Ульяновском областном краеведческом музее имени И.А. Гончарова состоялось открытие выставки «Град славный и похвальный», посвященной 370-летию основания Симбирска-Ульяновска.

Выставка является партнерским проектом Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова, Государственного исторического музея (г. Москва), Калужского объединенного музея-заповедника и показывает роль Симбирска-Ульяновска в истории России. «Мы благодарны всем, кто принял участие в создании выставки и надеемся, что она станет ярким событием в культурной жизни нашего края», – прокомментировала новую экспозицию директор краеведческого музея Юлия Володина.

На выставке представлены более 70 шедевров и уникальных артефактов из фондов Государственного исторического музея, освещдающие эпоху царя Алексея Михайловича, рассказывающие о жизни основателя города Симбирска Богдана Хитрово. Особый интерес представляют ценные иконы XVII века, среди которых иконы лучшие образцы школы царских изографов, один из них – «Спас» из Деисусного чина за авторством замечательного иконописца Симона Ушакова. Посетители выставки могут увидеть яркие образцы холодного, огнестрельного оружия, защитного вооружения XVII века. Выставка демонстрирует редчайшие рукописные памятники, в том числе труды знаменитого богослова, поэта и издателя Симеона Полоцкого.

Здесь можно увидеть предметы быта аристо-

ратии: серебряные столовые приборы, украшенные перламутром и нефритом, кружку с резьбой мастера Оружейной палаты Василия Андреева и многое другое. В экспозиции представлены уникальные нумизматические памятники периода правления царя Алексея Михайловича: золотые наградные монеты, серебряный рубль 1654 года – первая российская монета рублевого номинала.

Особую ценность представляют реликвии, принадлежавшие роду Богдана Матвеевича Хитрово. Это грамоты и записи о поместном и денежном окладе Б.М. Хитрово, его вкладах в монастыри, иконы лучших русских мастеров, а также уникальные образцы предметов домашнего обихода.

Калужский объединенный музей-заповедник предоставил на выставку икону Казанской Божьей Матери и четыре рукописные книги, являющиеся вкладами представителей рода Хитрово в Троицкий Лютиков монастырь. Ульяновский областной краеведческий музей представил жалованные грамоты царей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей. Здесь можно увидеть медные копейки – свидетельство денежной реформы Алексея Михайловича. Развитие города и края в XVIII веке, создание Симбирского наместничества и преобразование Симбирска в центр губернии иллюстрирует подлинная карта Симбирского наместничества 1780 года, грамоты Екатерины II и Павла I. «Симбирск – град славный и похвальный.» Экспозиция подготовлена с любовью к родному городу. Приглашаем вас посетить краеведческий музей.

Выставка будет работать до 7 декабря 2018 года.

Нина ВАСИЛЬЕВА, краевед

«ТАК МНОГО ОН РОССИИ ОБЕЩАЛ! ТАК СЧАСТЛИВ БЫЛ ЛЮБОВИЮ НАРОДНОЙ...»

Каждый год дарует нам обилие юбилейных дат, с которыми связана история России, важнейшие события и судьбы людей. В 2018 году исполняется 175 лет со дня рождения наследника престола старшего сына Александра II великого князя Николая (8.IX.1843 – 12.VI.1865) и 155 лет с момента посещения им г. Симбирска в июле 1863 г.

С 1863 года государственное право наследнику преподавал Б.Н. Чичерин. Николай Александрович блестяще сдал экзамены по государственному праву и по отзывам Чичерина обещал стать самым образованным и либеральным монархом не только в русской истории, но и во всем мире¹.

Однажды Александр II поинтересовался у Бориса Чичерина его мнением о сыне Николае и услышал в ответ: «Государь, Его Императорское Высочество Цесаревич Николай намного превосходит всех нас. Если бы он обладал всей суммой наших знаний и опыта, это был бы настоящий гений!». Позже Борис Николаевич признавался, что высказал мнение, нисколько не преувеличенное, скорее наоборот, это был скромный ответ.

В 1863 г. великий князь Цесаревич Николай Александрович Романов совершает путешествие по России от Санкт-Петербурга до Крыма. В этом путешествии наследника сопровождал обер-прокурор Святейшего Синода, член Государственного совета, почетный член Императорской Академии наук Константин Петрович Победоносцев (1827 – 1907). В 1864 г., ровно через год, вниманию читателей была представлена книга Победоносцева «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Санкт-Петербурга до Крыма». Этот труд рассказывает о России, которой уже нет, но о которой можно узнать много хорошего.

Описание пребывания великого князя в Симбирске (12–14 июля по ст. стилю) предоставляет немало интересных сведений о Симбирске и его жителях. Победоносцев подробно описывает свои

впечатления о Симбирске: «Чем дальше поднимались мы в гору, тем шире и красивее раскидывалась за нами панорама Волги и заволжской луговой стороны. В самом городе, с набережной, раскидывается вполне эта великолепная панорама, на которую нельзя вдоволь налюбоваться». Он хорошо осведомлен о том, что «Симбирская губерния принадлежит к числу самых значительных по числу дворянских имений и промышленность ее по преимуществу сосредоточена в руках помещиков».

При посещении Наследником в первый же вечер клуба, Победоносцев не забывает сообщить, что при клубе находится «прекрасная библиотека Карамзинская». Необходимо напомнить, что это было первое посещение библиотеки представителем династии Романовых.

«На следующее утро, в 11-м часу, Великий Князь поехал в Елизаветинское училище и в Симбирское хозяйственное училище для крестьянских девиц. Из училищ Великий Князь поехал в заведение сельскохозяйственных машин купца Зотова, существующего с 1857 года». Находясь постоянно с Великим Князем, Победоносцев подробно описывает историю заведения купца Зотова, который сумел «стать счастливым соперником и Бутенопа, и английских машин в здешнем крае. Его изделия непросто копии с заграничных образцов, но проверенные и измененные, понятные нашему крестьянину...». И самое главное – «простые в применении и починке».

Автор не только знакомит читателя с программой посещений наследника, но и представляет интересные сведения, свои впечатления и свое мнение

Цесаревич Николай Александрович

ние: «Вечером в часу 7-м, Великий Князь поехал на рысистые бега, и заехал еще по пути в земскую случную конюшню, учрежденную в Симбирске в 1844 году. В ней находится в настоящее время 31 жеребец, из которых 4 рысистых, 19 упряженных и 8 верховых. Жеребцы этих пород: рысистой, английской, арабской, донской, першеронской, арденской и битюгской».

Упомянуты здесь и симбирские храмы, и основатель города Богдан Матвеевич Хитрово. Но главным событием, которому Победоносцев посвятил немало хвалебных строк, оказался бал. Он пишет: «Праздники, как все на свете, имеют судьбу свою: судьба этого праздника была счастливая. Бал симбирского дворянства, по общему отзыву, был таков, какие не часто бывают и в Петербурге. Всем без исключения было на нем весело, все без исключения остались им довольны, все вынесли с собой самые приятные впечатления. Какой судьбы счастливее этой можно желать для бала». «Мы не без удивления смотрели на прекрасную половину симбирского общества: сколько тут было красоты и свежести! Самые взыскательные кавалеры признавались, что в этом отношении симбирский бал мог поспорить с любым столичным».

Описание Торжественного зала, которое хорошо знакомо большинству жителей нашего края, невольно пробуждает чувство гордости, что мы имеем возможность и сегодня любоваться этим прекрасным произведением архитектуры. Вот что писал в далеком 1863 году К.П. Победоносцев: «Есть без сомнения в других городах залы более обширные и пышнее отделанные, но симбирская зала Дворянского собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая, плафон отделан тоже белой лепной работой, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других залов, мы были поражены видом этого, и всякий пожелал узнать имя его строителя. Оказалось, что строитель его архитектор Бензemann, тот же самый, что строил около Карамзинской площади, недавно возобновленную церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя внимание Великого Князя при самом въезде в Симбирск – оригинальностью и красотой рисунка».

«Письма о путешествии...» К.П. Победоносцева доставят немало приятных минут для читателя, которому интересно посмотреть на родной город и его историю глазами человека, побывавшего в нем 155 лет назад.

Великий князь повелел впоследствии, как пишет В.В. Морозова, «препроводить для Карамзинской библиотеки один экземпляр книги «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Санкт-Петербурга до Крыма» (М., 1864.). С этой книгой можно ознакомиться в отделе редких книг Ульяновской областной научной библиотеки.

Отрывки из книги Константина Победоносцева «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Санкт-Петербурга до Крыма»

«...На следующее утро мы подошли к Симбирску. С Волги виден только крутой берег и верхуш-

ки зданий; самого города не видно, и приходится подниматься по шоссейному проезду, проложенному версты на 4 от реки до города. Едешь длинной слободой, между клуба деревенских домов и обширных садов, которыми славится Симбирск. Чем дальше поднимались мы в гору, тем шире и красивее раскидывалась за нами панорама Волги и заволжской луговой стороны. В самом городе, с набережной, раскидывается вполне эта великолепная панорама, на которую нельзя вдоволь налюбоваться. Высота берега над водой, доходит до 80 сажень. С этой высоты есть где разгуляться взгляду; видно почти полгоризонта, верст на 30 и далее. Правда, что в этом виде мало жизни. На горизонте не видно множества сел и горячего движения на реке, как в Нижнем Новгороде с набережной и от городского сада. На Симбирской пристани нет движения: промышленное значение Симбирска ничтожно, само месторасположение города, на вершине крутой горы, и крайняя затруднительность города с пристанью препятствуют промышленному его развитию. Симбирская губерния принадлежит к числу самых значительных по числу дворянских имений, и промышленность ее по преимуществу сосредоточена в руках помещиков. Множество дворян с семействами съехались к 12-му июля изо всех уездов; нам говорили, что в самую горячую пору, к выборам, не бывало в Симбирске такого съезда. Еще за несколько недель ожидаемый приезд наследника сделался общей темой разговоров, и начались заботливые приготовления к балу, который намерено было дать симбирское дворянство в честь дорогого гостя.

Вечером по приезде в Симбирск мы отправились в клуб, помещавшийся очень удобно в доме Дворянского собрания. При клубе прекрасная библиотека Карамзинская, перенесенная в 1848 году по желанию дворян Симбирской губернии в собрание. Дворянство обещалось поддерживать ее своими собственными средствами и пожертвованиями. Книги выписываются в библиотеку преимущественно ученого содержания и произведения отечественных классических писателей. Кроме того, получается еще до 30 русских газет и журналов. В библиотеке числится до 1 800 названий в 7 700 томах. Пользование книгами бесплатное.

Войдя в клуб, мы были поражены многочисленностью посетителей, но она легко объяснялась прибытием Великого Князя, привлекавшего симбирских дворян не только из отдельных уездов губернии, но даже и из Петербурга. Мы вошли в ту самую минуту, когда все общество толпилось около губернского предводителя дворянства, собиравшегося что-то читать. Мы сначала полагали, что это какое-нибудь чисто домашнее дело, и держались было в стороне из скромности, но когда все стали сбегаться, когда оставлены были карточные столы и когда послышались голоса: «Депеша! Депеша!», тогда это магическое в наше время слово заставило и нас невольно забыть скромность и вмешаться в общую толпу. Чтение началось. Это были две ответные депеши: одна от генерала Муравьева на приветствие и выражение сочувствия его действиям со стороны симбирского дворянства; другая от редактора «Московских ведомостей» в ответ на депешу симбирского дворянства, в которой оно заяв-

ляло ему благодарность за выражение в газете тех чувств, которыми в настоящее время преисполнено все русское дворянство. За чтением депеш раздалось громкое единодушное «Ура!» и поднялись тосты за здравие Государя Императора, дорогого Августейшего гостя, за доблестных слуг Отечества и т. д. Упомянуть всех тостов нет возможности: на них неутомим наш брат русский человек.

На следующее утро, в 11-м часу, Великий Князь поехал в Елизаветинское училище и в Симбирское хозяйственное училище для крестьянских девиц. Последнее было открыто 18-го августа 1848 года уделным ведомством, которому нельзя не отдать глубокой благодарности за его постоянное и неуклонное старание к распространению в народе образования. Правда, ни одно ведомство не находится и не находилось в таких благоприятных условиях относительно средств своих, и невольно приходит в голову мысль, будут ли при предстоящем изменении быта уделных крестьян и преобразовании целого ведомства поддерживаться его прекрасные начинания.

Первоначально целью училища было обучение крестьянских девиц закону Божию, грамоте, рукоделию, необходимым в сельском быту сведениям по части женского хозяйства, садоводства и огородничества. В 1860 году училище было преобразовано и главною его целью стало приготовление наставниц для сельских женских школ. Сначала предполагалось иметь только 20 воспитанниц, но потом число это увеличено, и в настоящее время считается 45 воспитанниц, в том числе 13 девиц духовного звания. Для училища отведено 10 десятин 1,015 сажени уделной земли, из которой 6 десятин находится под запашкой озимого и ярового хлебов, а остальная земля занята строением, садом и огородом. Все женские полевые работы – житвто, молотьба, полотье и т. д. – исполняются под надзором смотрительницы самими воспитанницами, дабы они не отвыкли от крестьянских работ. С 1852 года, то есть со времени первого выпуска по 1863 год, окончили курс учения 67 воспитанниц, из которых обучением девочек грамотности и рукоделью занимаются в сельских школах 29 воспитанниц. На содержание училища, то есть на жалованье служащим, на учебные пособия, на продовольствие и одежду воспитанниц, ремонт дома и т. д., отпускается ежегодно из хозяйственного капитала 3.945 р. 40 к. В числе воспитанниц, встретивших Его Высочество стройным и согласным пением, было несколько девиц чувашек и мордовок, которые все очень хорошо говорят по-русски и в своих деревнях предназначены быть учительницами. Любопытно было бы знать, какое это имеет влияние в сельском быту, на сколько мера эта действительна и в какой степени могут быть обеспечены и счастливы в новой своей деятельности молодые воспитанницы. Хорошо тем, которые из училища возвращаются в семьи, и живя у своих, учат в сельских школах, но трудно должно быть положение бедных сирот, а есть и такие. Их, правда, обеспечивают, давая им избу и содержание, но им все-таки должна быть и тяжела, и тосклива жизнь одиночная со всеми ее соблазнами и среди народа населения во всяком случае значительно грубого и мало еще понимающего нужду в обра-

зовании. Великий Князь осмотрел во всех подробностях заведение, был на кухне, где воспитанницы сами готовят себе пищу, осмотрел их рукоделия и в этой же комнате, где были разложены последние, ему были представлены инородцы уделного ведомства Симбирской губ. – чуваши, черемисы и мордва – в национальных одеждах. Головные уборы женщин могли бы обратить на себя внимание и жадные взоры наших столичных менял, и даже самой разменной кассы государственного банка. Столько было на них старых целковых полтинников и четвертаков, считающихся чуть не нумизматической редкостью.

Из училищ Великий Князь поехал в заведение сельскохозяйственных машин купца Зотова, существующего с 1857 года. Здесь пробыл Его Высочество с лишком полтора часа и с величайшим вниманием слушал простой безыскусственный рассказ почтенного хозяина – механика-самоучки, о том, что навело его на мысль устроить в Симбирске заведение сельскохозяйственных машин, с какими трудностями ему приходилось бороться, и как, наконец, удалось выйти на торную дорогу и стать счастливым соперником и Бутенопа, и английских машин в здешнем крае. Зотов – сын значительного хлебного торговца и первые годы юности находился при делах своего отца. Но страсть к механике запала в него уже давно, и свободное от торговых занятий время он употреблял на чтение, на изучение механики и математики и на устройство моделей. Между тем дела отца его пошли дурно, так что, уплатив честно свои долги, он остался без всяких средств. Зотову-сыну пришлось своими трудами содержать целую семью, и тут уже было не до занятий. Он принял на себя управление одним богатым именем, что продолжалось много лет и давало пропитание. Здесь он ознакомился с нуждами сельского хозяйства, видел с какими трудностями сопряжена выписка издалека сельскохозяйственных машин, как груды их валяются без употребления в сараях после поломки или какой-нибудь ничтожной порчи, от недостатка мастеров. И вот возникла мысль об основании небольшого механического заведения в Симбирске исключительно для нужд сельскохозяйственных. Дело шло сначала тихо, но доверие мало-помалу росло, заказов пребывало все более и более. В этом-то и состояла главным образом заслуга Зотова, что он избрал себе известную определенную цель, и притом цель в высшей степени практическую, не разбрасываясь в ширь бесконечную, не предавался фантазиям и не строил воздушных замков, к чему так склонны вообще самоучки и дилетанты-промышленники. Его заведение хорошо тем, что он старается делать свои земледельческие орудия, применяясь к почве края, для которого работает, и к состоянию сельского хозяйства. Вследствие этого его изделия непросто копии с заграничных образцов, но проверенные и измененные, понятные нашему крестьянину, простые в применении и починке. Изделия его пользуются общим доверием, потому, что в случае серьезной поломки, точно так же, как и в случае установки машин, он посыпает своего же мастера наконец еще и потому, что он все свое старание прилагает к упрощению механизма, дабы простой деревенский кузнец, столяр или

плотник легко могли исправить и починить машину. На двух выставках – Симбирской и Казанской – изделия его удостоились золотых медалей. Двор его заведения при нашем осмотре был уставлен самыми разнообразными орудиями. Более всего обратили на себя внимание почвоуглубитель и машина, отделяющая куколь от хлебных зерен, изобретение которой вполне принадлежит Зотову.

Вечером в часу 7-м, Великий Князь поехал на рысистые бега и заехал еще по пути в земскую случную конюшню, учрежденную в Симбирске в 1844 году. В ней находится в настоящее время 31 жеребец, из которых 4 рысистых, 19 упряженных и 8 верховых. Жеребцы этих пород: рысистой, английской, арабской, донской, першеронской, арденской и битюгской. Часть их ежегодно – с февраля по 20 июня – находится на нескольких случных пунктах, назначаемых по всей губернии.

Рысистые бега устраиваются в Симбирске Обществом рысистого бега два раза в год: летом и зимой. Сюда привозятся к этому времени лошади из Самарской, Пензенской и Симбирской губерний. Немедленно за приездом Великого Князя началась выставка крестьянских лошадей и жеребят от жеребцов земской Симбирской случной конюшни. Великий Князь раздавал сам похвальные листы и наградные деньги. После выставки начался рысистый бег, но ни одна лошадь не выполнила задачи, установленные правилами Общества, и не пробежала в установленное время установленного пространства. Затем начался троичный бег, и у народа, огромной толпой опоясывавшего круг, точно все жили заговорили. Зрелище кончилось скачкой лошадей и всадников всех возможных пород и народностей. Нельзя было удержаться от смеха, глядя на эту разношерстную, не званую и не прошеную корогту всадников, которая беспрерывно пребывала численностью, потому что народу являлось множество. Тут были и татары, и мещане симбирские, и прочий люд. Но вот их сравняли, и с гиком понеслись они по кругу, сопровождаемые громкими кликами народа. Это зрелище кончилось было весьма плачевным случаем, к счастью, однако, не имевшим дурных последствий. Сначала скакали эти домурошенные джигиты довольно ровно, но уже на втором круге они сблизились и, вместо того чтобы скакать по одному данному направлению, некоторые из них заскакали в середину. Удержать их не было никакой возможности, и когда на третьем кругу несколько человек скакали уже друг напротив друга, то нельзя было не опасаться за последствия. И действительно, не прошло двух минут после появления двух других скачущих напротив друг друга татар, как послышался удар, от которого все мы невольно вздрогнули. Взвилось облако пыли и грянулись оземь обе лошади с седоками. Великий Князь бросился вниз и послал тотчас же узнать на месте о людях, туда же побежал доктор Его Высочества и через несколько минут вынесли на руках 12-летнего мальчика-татарина. Другой всадник сам вскочил на ноги и остался невредим. Мальчика принесли в комнату, положили, и с помощью холодной воды он скоро пришел в себя, а через четверть часа уже свободно говорил и жаловался только, что ушиб немного колено. Дурных последствий не было. Он от-

делался легким ушибом и тотчас был отдан брату и отцу. Одна лошадь сломала ногу, другая – осталась невредима.

В воскресенье, 14-го июля, Его Высочество слушал обедню в соборе. Симбирский большой собор принадлежит к зданиям новейшей архитектуры. Он построен дворянством в память об освобождении России от нашествия неприятеля в 1812 году. Старее этого храма – теплый собор, построенный на месте древней церкви, существовавшей с основания Симбирска. Ни в том ни в другом храме нет достопримечательных древностей.

В Симбирске вообще нет древних зданий, и сам город, сравнительно говоря, принадлежит к числу молодых городов. Он основан в 1648 году по плану боярина и оружейного Богдана Матвеевича Хитрова для ограждения здешнего края от набегов татар и инородцев. Память о боярине – основателе города, до сих пор еще не забыта в Симбирске и в некоторых дворянских семействах сохраняются старинные вещи и оружие, ему принадлежавшие. Некоторые из этих вещей – пищали, ковши отличной работы – были собраны к приезду Его Высочества и поставлены в кабинет к нему.

Наконец подошел вечер, о котором так долго думали и к которому столько готовились в Симбирске. Вечер этот удался вполне. Симбирское дворянство желало сделать свой бал по возможности интересным и оживленным для дорогого гостя. И, конечно, желание это было искреннее. Праздники, как все на свете, имеют судьбу свою: судьба этого праздника была счастливая. Бал симбирского дворянства, по общему отзыву, был таков, какие не часто бывают и в Петербурге. Всем без исключения было на нем весело, все без исключения остались им довольны, все вынесли с собой самые приятные впечатления. Какой судьбы счастливее этой можно желать для бала.

Было какое-то одушевление и единство в чувстве, которое связывало всех присутствующих на этом вечере. В числе наших симбирских знакомых были такие, которые бегают как от чумы от всяко-го бала, которым бальная атмосфера противна. Мы наблюдали за ними: и их во весь вечер не покидала веселая, довольная улыбка, и они без всякой задней мысли искали, кому бы сказать, как хорошо нынешний вечер, и они остались до конца, и покидали бал с некоторым сожалением.

К 10 часам вечера осветилось разноцветными огнями все здание Симбирского дворянского собрания. Внизу лестницы Его Высочество был встречен губернским предводителем дворянства Ермоловым со всеми дворянами, которые и проводили его вверх по лестнице. Наверху, у дверей залы, ожидали дорогого гостя дамы с букетами в руках и проводили в залу. Залом и убранством его нельзя было налюбоваться. Есть без сомнения в других городах залы более обширные и пышнее отделанные, но симбирская зала Дворянского собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая, плафон отделан тоже белой лепной работой, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других залов, мы были поражены видом этого, и всякий пожелал

узнать имя его строителя. Оказалось, что строитель его архитектор Бенземанн, тот же самый, что строил около Карамзинской площади, недавно возобновленную церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя внимание Великого Князя при самом въезде в Симбирск – оригинальностью и красотой рисунка. Зала, сама по себе изящная, была убрана с большим вкусом цветами, особенно замечателен был по искусному сочетанию зелени и цветов бордюр около портрета Государя Императора, на боковой стене зала.

Бал начался польским: его открыл Великий Князь с главной хозяйкой бала, супругой губернского предводителя. За польским начались по обычаям контрдансы, и в течение трех часов один танец сменялся другим почти без перерыва. Всеми танцами дирижировал весьма удачно ардатовский уездный предводитель г. Потемкин. Со всех концов залы можно было видеть высокую фигуру его в мундире и слышать его громкий голос. Государь Наследник участвовал почти во всех танцах к неописанной радости дам, хозяев бала и целого общества. Мы не без удивления смотрели на прекрасную половину симбирского общества: сколько тут было красоты и свежести! Самые взыскательные кавалеры признались, что в этом отношении симбирский бал мог поспорить с любым столичным. Тоже замечание относилось к изяществу и свежести туалетов. В числе дам были и такие, для которых давно уже прошла пора танцев, которым на балу остается только переживать его памятью, любуясь на дочерей и даже на внучек. К числу дам самых почтенных по годам и по уважению всего симбирского общества, должно отнести госпожу Столыпину, давно оставившую свет и только ради Наследника Цесаревича появившуюся в бальном зале, где ее внучки привлекали к себе всеобщее внимание. Ее присутствие было оценено и замечено всеми, и сам Государь Наследник пожелал представиться почтенней старушке.

Уже во втором часу ночи окончились танцы. Музыка гросфатера в последней мазурке заставила многих пожалеть, что время прошло очень скоро, и что приходит конец бальному очарованию. Симбирские дворяне, вполне удовлетворенные удавшимся праздником, вполне благодарные высокому посетителю за его искреннее участие, обступили его вокруг и с громкими восторженными криками пили за его здоровье. Он отвечал сердечным словом на приветствия, которые шли, несомненно, от горячих русских сердец, соединившихся в одном чувстве, и на тосты, предложенные губернским предводителем за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и Цесаревича. Это была хорошая минута. Собравшиеся на прощание около своего гостя дамы, спустились вслед за ним вниз на выезд, и провожали его приветствиями и пожеланиями доброго пути.

Светало уже совсем, когда мы возвращались домой с бала, совершенно довольные своими впечатлениями. Едва успев отдохнуть, в 9-м часу утра мы уже ехали к пристани. Пристань в эту минуту была очень красива и казалась живым цветником. На этой же пристани рядом с нарядными дамами с букетами цветов стояли простые женщины, те, что дожидались по целым часам у подъезда его кварти-

ры, покуда он выйдет и пройдет мимо. Они не имели случая видеть его вблизи и говорить с ним, но их лица были так же радостны и сияли такой же улыбкой. На одну из них мы долго смотрели: конечно, не думая о том, что ее замечают, стояла она в самом углу и со слезами на глазах смотрела вслед Великому Князю и крестила его дорогу, и губы ее двигались и шептали ему, конечно, напутственную молитву.

От Симбирска вид берегов, а лучше сказать правого берега Волги, становится характернее: он окаймлен почти сплошь высокими горами, поросшими лесом, изредка в лощинах попадаются деревни, но за ними опять тянется дикое и крутые побережье. Волга заметно становится шире и глубже.

Под Сенгилеем показался впереди нас пароход: это был пароход на котором в тот же день в 6 часов отправились из города симбирские дворяне, чтобы встретить на дороге и проводить Великого Князя. Поравнявшись с нашим, пароход остановился. Музыка на палубе заиграла народный гимн, и по окончании его громкое «Ура!» раздалось с их парохода, перешло на наш и отозвалось на берегу под Сенгилеем и на судах, стоявших около пристани».

В 1864 великий князь поехал за границу. Во время пребывания за границей 20 сентября 1864 года – в день его рождения, когда ему исполнился 21 год – Николай Александрович был помолвлен с дочерью Христиана IX, короля датского, принцессой Дагмар (1847 – 1928), впоследствии ставшей супругой его брата, императора Александра III. Однако в путешествии по Италии Цесаревич неожиданно для всех заболел. С 20 октября 1864 г. он лечился в Ницце. Весной 1865 г. его состояние начало ухудшаться. 10 апреля 1865 г. в Ниццу прибыл Александр II. Ночью 12 апреля великий князь скончался от туберкулезного менингита.

А.В. Никитенко, автор знаменитого дневника, писал: «Грустно, очень грустно, особенно когда подумаешь, что жизнь этого благородного, много обещавшего для России юноши... могла бы быть сохранена, если бы пестуны его... побольше заботились о его физическом состоянии».

Тело скоропостижно скончавшегося наследника престола принял фрегат «Александр Невский», который держал путь к родным берегам. Одним из тех, кто находился на фрегате в эти скорбные дни, был П.А. Вяземский. Поэт посвятил этому траурному плаванию стихотворение «Вечером на берегу моря», в котором он воздает должное нравственному облику уснувшего вечным сном Цесаревичу Николаю:

Плынет Он к берегу родному,
Где Он расцвел и возмужал,
Где в тайне подвигу святому
Себя в грядущем обрекал.

Где был Он радостью семейной,
Надеждой Царства Своего,
Где Мать мольбой благоговейной
Молила Промысл за Него –

Чтоб лучших благ хранил залогом
Он веру, мудрость, кроткий нрав,
Чтоб был и чист Он перед Богом,
И перед каждым ближним прав.

Федор Иванович Тютчев откликнулся сразу же, 12 апреля, на это поразившее всех известие стихотворением «На кончину Е. И. В. Государя Наследника Николая Александровича».

На мой взгляд, самым сильным по эмоциональному воздействию является стихотворение симбирского поэта Дмитрия Петровича Ознобинина «Роковая весть», написанное в апреле 1865 г. Само название говорит уже о неотвратимости свершившегося, о невозможности что-то изменить. Ведь совсем недавно Дмитрий Петрович встречал Наследника в Симбирске, написав об этом знаменательном событии очерк «Пребывание Государя Цесаревича Николая Александровича в Симбирске в 1863 г.». Все затмила эта страшная весть: «При вести сей взрыдали миллионы!..».

Памятник цесаревичу Николаю Александровичу. Ницца

Свершилося!.. во цвете лет почил
Великий Князь полуночной державы!..
Он ангел наш, кто всем благотворил
И чей бы век был полон дивной славы!..
Мы ждали все, стремясь на Юг душой,
О нем мольбы всечасно воссыпая:
Вот явится с невестой молодой!..
И вдруг нас весть сразила роковая!

Об уме, высоких душевных качествах великого князя поэт знал от своего пансионского однокашника и друга В.П. Титова, одного из воспитателей Наследника. Ознобинин сумел показать нравственный образ цесаревича, оставившего о себе светлую память:

Невольно всех сердца к себе он влек,
К нему неслись людей свободных клики,
В нем каждый зрел благ будущих залог,
Надеждою сияли всюду лики!..

Стихотворение исполнено искреннего сострадания к судьбе наследника престола, оно передает огромную душевную скорбь, безутешное горе, которыми проникнуты сердца русских людей. Поэт скорбит вместе со всей Россией, утверждая:

Свой путь земной свершал он скоротечно,
Но, плачущий с Царицей, твой народ,
Молясь, Его не позабудет вечно.

В эти горестные для всей России дни П.А. Вяземский напишет очерк «Вилла Бермон»: «...Ницца встретила наше русское горе теплым и единодушным участием. Стоя на дежурстве в церкви при гробе в Бозе почившего Цесаревича, я видел не однажды,

как жители всех званий и всех возрастов приходили благоговейно поклониться гробу: как французские солдаты тихо подходили, отдавали по-своему воинскую честь, осенялись христианским крестом, с умилением вглядывались в черты молодого покойника и с грустным выражением на лице почтительно выходили из церкви. Не только в домах, но и на улицах, везде были слышны речи о печальном событии, сетовали о бедном Родителе, о бедной Матери, о бедном Юноше, которого ожидала *unedesplusbellesco uronnesdumonde* (одна из прекраснейших корон в мире). Собственные слова женщины простого звания, слышанные мною на улице.

Царское семейное горе было семейным горем и всем Русским. Отношения державные и отношения частные явились здесь во всей своей взаимности и во всей простой и глубокой истине. Ницца все это

видела, могла оценить и, без сомнения, оценила в этом случае нравственно-народную и духовную силу России. Должно нам оставить ей и на будущее время памятник того, чему она была свидетельницей. Надобно, чтобы вилла Бермон была русскою собственностью, освященною памятью и любовью к усопшему цесаревичу, и богоугодным назначением».

В Ницце всегда чтили память Цесаревича. Уже в 1866 г. на вилле Бермон была построена мемориальная часовня, а прилегающая улица вскоре была переименована в бульвар Царевича (boulevard Tzarewitch).

В 1903 – 1912 гг. архитектором М.Т. Преображенским был выстроен в лучших русских традициях пятиглавый Свято-Николаевский собор в память о великом князе – красивейший православный храм за пределами России.

19 декабря 2012 года, в день 100-летнего юбилея освящения собора свт. Николая, в Ницце был открыт памятник цесаревичу Николаю (автор – скульптор Александр Бурганов).

«Этот бюст будет напоминать о неразрывной связи России и Ниццы, о тесной российско-французской дружбе», – отметил первый вице-мэр Ниццы Бенуа Кандель. Заместитель градоначальника напомнил присутствующим, что Ницца – «самый «русский» город во Франции, который для многих русских людей стал «малой родиной» – наряду с великой родиной Россией».

Но будет жить, как светлый идеал
Всех доблестей, в веках Порfirородный!
Так много он России обещал!
Так счастлив был любовию народной!

Валентина КОСТЯГИНА – старший научный сотрудник отдела фондов Музея-мемориала В.И. Ленина

ДМИТРИЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ – ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ

«Давным давно минули молодые годы, быстрые и легкие, наполненные мечтами, учением, трудом, открытиями, звавшими еще к неизведанному и увлекательному (это я говорю о своем первом увлечении искусством). И кажется порой, что все пережитое и испытанное мною кануло в вечность и забыто. Но это далеко не так», – писал Архангельский в своей автобиографии.

У Дмитрия Ивановича была заветная мечта: издать книгу, рассказав в ней о своем жизненном и творческом пути, о хороших людях, которые на этом пути встречались, и их судьбах. К сожалению, по многим причинам ему не удалось осуществить задуманное. Но сохранился архив художника, который передала музею его внучка Наталья Андреевна Мешалкина. Кропотливое изучение материалов архива дало возможность составить жизнеописание Дмитрия Ивановича из его автобиографических заметок, документов, воспоминаний и писем, адресованных ему. В 2009 году вышел в свет документальный сборник «Живу и дышу родным городом» (по материалам архива Д.И. Архангельского) объемом 445 страниц. На областной выставке-конкурсе «Симбирская книга–2009» он был отмечен Дипломом как лучшее историко-краеведческое издание.

После этого было много публикаций в разных изданиях, художественно-документальных выставок и др. Информационный и научный потенциал архива художника поистине неисчерпаем.

Особое место в нем занимают сотни писем от бывших учеников Д.И. Архангельского, в котором с даром художника органически слился талант педагога. «Работать с детьми – мое любимое дело», – говорил Дмитрий Иванович. Всю жизнь он неустанно заботился о растущих, щедро отдавая им то, что им самим накоплено. Не все, кто учился под его руководством стали профессиональными художниками, но главное, что дети жили в прекрасном мире искусства, постигали гармонию окружающего мира.

Для многих своих учеников Дмитрий Иванович на долгие годы остался самым близким человеком.

Поводом для написания этой статьи послужили воспоминания Марии Андреевны Растрогуевой об отце-уроженце г. Сенгилея Симбирской губернии, священнике Андрее Ивановиче Растрогуеве «Из кладовой памяти», опубликованные в июньском номере журнала «Симбирск» за 2018 год.

Внимательно и с интересом читая их, я вспомнила о письме к Д.И. Архангельскому одного из его бывших учеников, выпускника мужской классической гимназии Скороходова Георгия Всеволодовича, который был хорошо знаком с Андреем Растрогуевым еще с той поры, когда тот был семинаристом. Думается, что это письмо – воспоминание будет интересно читателям журнала.

«Мой дорогой, мой милый Дмитрий Иванович! Не посетуйте на меня за то, что я не сразу приступил к выполнению Вашего поручения – поделиться с Вами тем, что сохранила память о Симбирском житье-бытье в былые годы...

Начну с того, что Вас почему-то особенно заинтересовало (как мне показалось), с нашей юношеской постановки грибоедовского «Горе от ума».

Это было летом в 1912 г., когда я перешел в восьмой класс гимназии. Мне было 18 лет. Случай забросил меня в уездный городок Сенгилей, где у моего товарища И. Войцеховского отец был уездным исправником.

А случай этот в своем роде тоже любопытный. Мне только что купили черную морскую накидку (одно время они были в моде), и я начал свободно разгуливать в ней по городу, хотя это и было некоторым нарушением строгих гимназических правил. Вскоре, «в один прекрасный день», я встретил на нашей улице гимназического сторожа, который, как оказалось, направлялся ко мне на квартиру (по распоряжению инспектора) с приглашением в один из ближайших дней зайти к инспектору, а зачем – неизвестно. Я решил, что такое приглашение в необычное время (был июль) очевидно вызвано моей злополучной черной накидкой, которую инспектор, видимо, доглядел. Я не растерялся и поручил сторожу доложить инспектору, что я уехал и меня в городе нет. Но ведь нельзя же из-за этого безвыходно сидеть дома? Я вспомнил, что мой сенгилеевский одноклассник не раз приглашал меня приехать к нему погостить. Ведь это всего несколько часов приятной прогулки на пароходе, а такие прогулки всегда были предметом наших мечтаний. Я тут же пошел на почту и послал ему открытку с просьбой сообщить, могу ли я воспользоваться его гостеприимством хотя бы на два-три дня. Я был почему-то уверен, что за это время случай с накидкой забудется. Через день я получил телеграмму с приглашением и сразу же уехал в Сенгилей.

Семья Войцеховских была обширная; кроме моего товарища Ипполита, его сестра, несколько братьев, дедушка, бабушка и две его тетушки, из которых одна – приехавшая на каникулы провинциальная артистка украинской труппы, да и другая, кажется, тоже была когда-то причастна к сцене. Это обстоятельство и породило мысль организовать «разумный отдых», подготовить спектакль силами молодежи. А молодежи там было более чем достаточно.

Но что ставить? Что может быть лучше классического «Горе от ума»? Молодежь взялась за дело с изумительной энергией. Если мне память не изменяет, уже на второй или третьей репетиции текст все участники знали наизусть, причем многие зна-

ли не только свои роли, но и всю комедию целиком. Разве можно не запомнить грибоедовский стих? С того дня прошел 51 год, но еще сравнительно недавно я мог повторить весь текст комедии за всех действующих лиц, начиная с любой вырванной из середины фразы и до конца.

Наши режиссеры очень добросовестно репетировали с нами всю пьесу, все мизансцены, выразительность чтения, жесты, мимику и пр. Вместо двух-трех дней мне пришлось прогостить у товарища почти три недели.

Пришлось очень много поработать над постановочной частью, костюмами. Ведь нужно было постараться максимально отразить эпоху, а современные костюмы для этого не годились. Нужна была творческая фантазия, кропотливая работа, к тому же в условиях отсутствия больших денежных средств. Нужно было изощряться: например, для лакеев в доме Фамусова шили фраки из кумача, на сандалии набивали каблуки – получались туфли. Если строгая критика и не всегда находила «эпоху», то все же было много выдумки для максимального приближения к эпохе. Словом, работа была проделана милыми тетушками огромная. А для многих женских ролей были перерыты все бабушкины сундуки и заветные шкатулки с драгоценностями. И можно было видеть на какой-нибудь графине Хрюминой или на дочке князя Тугоуховского настоящие бриллиантовые колье или серьги, чудные платья прошлого века, хотя сам князь Тугоуховский был во фраке, сшитом из черного коленкора. Но зато все лакеи Фамусова были в красных фраках, белых чулках, перчатках и туфлях, переделанных из сандалий. Я, Чацкий, имел на балу атласный шапокляк (франц. Chapeau-claque, складная шляпа-цилиндр с пружинами в тулье, удерживающими ее в раскрытом положении. – В.К.), который, конечно, не раскрывался, и кружевное жабо, которому, наверное, позавидовали бы заправские артисты! А ливрея у фамусовского швейцара в последнем акте была с галунами и позументами! А какой при этом восторг испытывал этот швейцар! Все не перескажешь. Это нужно было пережить.

Успех был большой – так, по крайней мере, казалось нам. Во всяком случае играли мы два вечера, т.к. за один раз нельзя было вместить всех желающих. А помещение было довольно большое, какое-то пожарное депо, в котором была оборудована сцена. Там, видно, и раньше когда-то устраивали подобные развлечения. Некоторые, даже взрослые, были настолько заинтересованы, что посетили оба спектакля.

Кое-что о распределении ролей. Как я уже сказал, я играл Чацкого, мой приятель И. Войцеховский – Скалозуба, его сестра – милая скромная девушка лет шестнадцати – Софью. **Фамусова играл ученик духовной семинарии А. Расторгуев** – ныне здравствующий настоятель Московского Воскресенского собора в Сокольниках, а в период Великой Отечественной войны обновленческий архиепископ Московский (в том же Сокольническом соборе).

В заключение хочу отметить, что в июле 1962 г., в один предвечерний час, т.е. спустя 50 лет после нашей постановки «Горе от ума», мы вдвоем (Чацкий и Фамусов) подъехали к памятнику Грибоедову, что на Чистых прудах, и к его подножию возложили

большой венок из живых цветов. Окружающая публика была очень этим заинтригована. К сожалению, мы даже не знали, жив ли кто-нибудь из других участников этого спектакля, положившего начало нашей дружбе с А. Расторгуевым (Фамусовым), не прекращающейся вот уже больше 51 года!

Маленькая деталь совершенно частного характера, но любопытная: не прошло и четырех лет со дня постановки «Горе от ума», как княгиня Тугоуховская стала женой Чацкого. Впрочем это, кажется, единственный матримональный результат нашей постановки, других случаев как будто бы не было!

Но история постановки «Горе от ума» этим не закончилась. Вскоре после наших театральных выступлений в Сенгилее отца моего товарища перевели в Карсун и в 1913 г. (летом) постановка «Горе от ума» была возобновлена там. Впрочем, из старого состава в постановке участвовали только Чацкий, Скалозуб, Софья, графиня внучка, княгиня Тугоуховская и еще кто-то из братьев Ипполита во второстепенных ролях. Все остальные были новые лица. Но я не помню, чтобы постановка 1913 г. так же захватила участников и была бы столь же удачной, как постановка 1912 г.

Возможно, что некоторым образом на попытку выступления на подмостках в Сенгилее сыграл тот факт, что до этого года много лет подряд (т.е. почти с самых детских лет) мы, т.е. я, мой племянник Борис С. и несколько товарищей по гимназии каждое лето устраивали сцену в дровяном сарае (благо, к лету запас дров обычно истощался), где ухитрялись ставить почти полностью, т.е. без больших купюр, такие пьесы, как «Ревизор», «Женитьба» Гоголя и другие пьесы разных степеней сложности, инсценировки чеховских рассказов, «Безденежье» Тургенева и др. За нами уже закрепилась «слава» бывалых артистов. Эта слава проникла даже в стены гимназии и породила план не то в 1911, не то в 1912 г. постановки гоголевского «Ревизора». Уже намечалось распределение ролей и были первые читки пьесы, но почему-то дело дальше не пошло и все заглохло. Эта же «слава» артиста была одной из причин, почему я принимал некоторое участие в организации театрализованной постановки в зале гимназии в феврале 1913 г., помогая отчасти Вам. Именно с этого времени у меня сохранилось в душе теплое, хорошее чувство симпатии к Вам, хотя много-много лет я не встречал Вас и даже долгое время ничего не знал о Вас, хотя при каждом удобном случае узнавал о Вас что-нибудь новое.

В заключение: где же все участники «Горе от ума»? К 50-летнему юбилею я знал судьбу четырех. Я и Фамусов – в Москве, Молчалин – в глубине Средней Азии, одна участница была в Варшаве. Об остальных ничего не известно, возможно, что многих уже нет в живых.

Вы, может быть, спросите, а какова судьба других «артистов» из числа выступающих в дровяном сарае? Кажется, только один из них еще в молодости пошел на профессиональную сцену в провинции, но без блестящих успехов. Остальные подвизались в других, не театральных областях.

Простите за болтливость. Дружески жму Вашу руку. Крепко обнимаю.

Ваш Скороходов.
28.10.1963

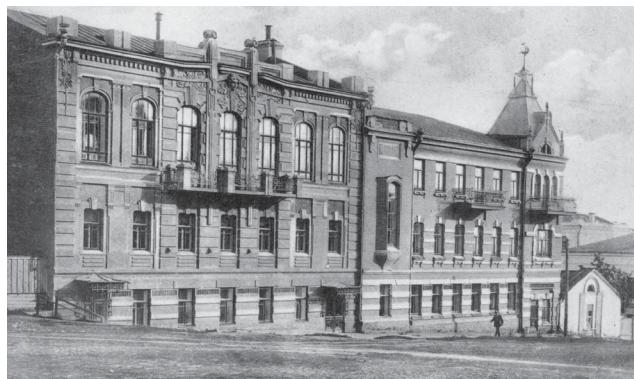
Скороходов Георгий Всеволодович и Войцеховский Ипполит Витольдович после успешного окончания гимназии в 1913 г. «изъявили желание продолжить обучение на юридическом факультете Императорского Московского университета».

Следует отметить, что в развитии творческих способностей своих учеников большую роль играла гимназия, в которой эстетическому направлению воспитательной работы уделялось огромное внимание. «Для развития в учениках художественного вкуса и чувства к изящному» в гимназии проводились литературно-музыкальные, вокальные и танцевальные вечера, устраивались ученические спектакли. В постановке спектаклей участвовали преподаватели словесности. Декорации изготавливали сами гимназисты под руководством учителя рисования. На сцене актового зала гимназии ставились пьесы А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского и др.

В своей учебно-воспитательной работе мужская гимназия была тесно связана с Симбирской женской гимназией, учрежденной Т.Н. Якубович. Функции председателя педагогического совета гимназии постоянно исполнял директор классической гимназии. Немало преподавателей совмещали службу в обеих гимназиях. Среди них – учитель рисования Д.И. Архангельский.

Из послужного списка Дмитрия Ивановича следует, что он был «допущен к преподаванию рисования в Симбирской женской гимназии, учрежденной Т.Н. Якубович с 1 сентября 1908 г.», а с 1 ноября 1909 г. – в мужской классической гимназии.

Дмитрий Иванович вспоминал: «Я сразу с головой ушел в работу. Практически было проделано следующее: приобретена в Симбирске и выписана из Петербурга литература по методике рисования. Начался сбор моделей и оборудования для уроков рисования и т.д. Летом 1909 г. в Петербурге я прослушал курсы для учителей рисования. Тогда же был выпущен художественно-педагогический журнал и

Здание Симбирской женской гимназии, учрежденной Т.Н. Якубович

Зоя Садовникова в роли Антониды – дочери Ивана Сусанина. Декорации выполнены Д.И. Архангельским. Фото Д.И. Архангельского

приобретены в магазине при курсах новые художественные материалы и принадлежности. Все это очень облегчило мою работу в гимназии».

Д.И. Архангельский «исполнял учительские обязанности» в гимназиях до мобилизации на фронт весной 1916 г. и заслужил любовь и уважение не одного поколения учеников.

«Отношение к нам было глубоко человеческое. Мы в нашем моло-

дом учитеle видели старшего товарища, друга, готового помочь советом в тяжелую минуту детского, а потом юношеского раздумья. Это были уроки его полного единения с классом.

Уже позже, попав учиться в Петербург, я с благоговением переступала порог Эрмитажа, Русского музея, готовясь увидеть величайшие произведения мастеров кисти, с которыми нас еще на школьной скамье вдохновенным языком поэта и художника сумел познакомить наш любимый учитель», – вспоминала бывшая гимназистка А. Тихомирова.

Как и в мужской гимназии, в гимназии Якубович большое внимание уделялось эстетическому воспитанию учениц и, в частности, обучению музыке, хоровому и сольному пению. Гимназия располагала нотной библиотекой с произведениями Глинки, Даргомыжского, Аренского, Чайковского, Римского-Корсакова и других композиторов.

В обеих гимназиях «успешно и старательно» занятия вел Тимей Алексей Тимофеевич».

«На Тимея возложены обязанности учителя пения и регентство [дирижера хора – В.К.]. Пение он хорошо знает, любит и умеет вести преподавание. Ученический хор в гимназической

церкви тоже под его управлением. О хоре начальство отзываются одобрительно», – так характеризовал работу А.Т. Тимея директор мужской гимназии В.П. Андронников.

Одна из учениц гимназии Якубович – Зоя Садовникова, спустя более полувека, поделилась с Д. Архангельским своими воспоминаниями.

Из воспоминаний юности.

1913 год.

С раннего детства я окружена была музыкой, пением. Мать моя очень хорошо играла на рояле и замечательно аккомпанировала певцам. Я очень любила петь. Когда у нас в гимназии уроки пения стали постоянными, а не случайными, я с большим интересом ожидала каждый урок. Вскоре я заметила, что учитель пения Тимей как бы прислушивается, когда я пою. Он стал чаще заставлять меня запевать или повторять отдельные фразы.

Однажды, это было постом, меня вызывала начальница гимназии [Т.Н. Якубович – В.К.] к себе в комнату (квартира была при гимназии) и объявила, что я и еще две ученицы выделены в хор мужской гимназии петь всю Страстную неделю. Пели мы и в общем хоре и отдельно солировали; нам также предложили говеть.

Начались спевки, которые остались в памяти на всю жизнь. А говенье! Церковь была в полумраке, горело всего несколько огарышков свеч, когда происходила исповедь. И эта новая незнакомая обстановка вызывала какой-то душевный трепет и страх. Чудились какие-то шорохи и непонятные звуки. Приглядевшись и немного освоившись, я заметила, что в каждом темном, укромном уголке прятались гимназисты, следившие за нами всюду. Сдав все свои грехи, я почувствовала себя увереннее.

Как-то после спевки нас, трех девочек, пошел

проводить наш учитель-дирижер Тимей вместе с хористами – всего около 15 человек. Я жила дальше всех. Идя всей группой, постепенно провожали каждую из моих подруг, и, наконец, осталась я одна со своими рыцарями. Меня довели до дома и даже ждали, когда мне откроют дверь. Во время шествия у меня была похищена лента из одной косы.

Особенно торжественно было во время заутрени. Хор пополнился голосистыми казанскими студентами. Возраст певцов был разный: от первоклассников – звонких колокольчиков до басистых дяденек с усами и бородами – прежних учеников гимназии. Священник Введенский специально для девочек прислал леденцов, а после заутрени подарил нам по коробке шоколадных конфет.

На рассвете мы возвращались домой. Разве такое забудешь!

Как-то в гимназии распространился слух о приезде к начальнице гимназии ее отца [Т.Н. Якубович была дочерью директора Симбирского кадетского корпуса, генерал-майора Николая Андреевича Якубовича, внесшего большой вклад в создание гимназии – В.К.]. Меня вновь позвали к начальнице. Оказалось, что отец ее очень любит пение, и я должна спеть ему что-нибудь. На другой день я пришла в зал, куда вышел небольшого роста старичок в военной форме, поздоровался и опустился в кресло недалеко от рояля и приготовился слушать, глаза он закрыл рукой.

Д.И. Архангельский среди учениц женской гимназии Т.Н. Якубович

Я спела колыбельную Гречанинова и еще что-то, сейчас не помню. Он поблагодарил и сказал, что мой голос напоминает ему чей-то очень дорогой ему голос.

Вскоре после этого случая решено было поставить три отрывка из оперы Глинки «Иван Сусанин». Начались репетиции под руководством Тимея. Бывало я запою, а Тимей застынет и забудет о своей дирижерской палочке.

Наконец все готово. Меня не волнуют, но я чувствую, что гостей будет очень много. Кто-то из учителей советует мне не смотреть на публику, чтобы не растеряться, а глядеть выше голов сидящих.

Действие начиналось с прихода поляков и возвода отца (И. Сусанина). Я – Антонида – дочь Ивана Сусанина. Я должна удерживать отца. Поляки с силой отталкивают меня, и я, плача, опускаюсь на скамейку около своих пальцев, облокотившись на них. Все это происходит на краю сцены. Сцена высокая и вход на нее по трем ступенькам со стороны кулис. Я одета в длинный, темно-синий сарафан с серебряными пуговицами и позументом.

Выпускает меня на сцену Тарасова О.В. [О.В. Тарасова – преподавательница русского языка, работавшая в гимназии с момента открытия учебного заведения – В.К.], которую я почему-то очень боялась. Она шепчет мне ласковые слова и даже крестит; и в то же время кто-то неудачно закрывает за мной дверь так, что кончик туфельки задевает за порог и я, взметнув руками, лечу на сцену. Меня ловят поляки, и получается очень-очень естественно. После мне говорили, что временем «мороз пробегал по телу».

Когда я поднялась от пальцев, то, вспомнив предупреждение не смотреть на публику, уперлась глазами в нашего швейцара с большущими усами, который влез на скамейку около самой стены в конце зала, да так и спела свою арию «Не о том скорблю, подруженьки» для него одного. Голос у меня в юности был сильный. Спасибо этому усатому швейцару,

он мне очень помог. По окончании постановки, я в белом атласном сарафане, в красивом кокошнике танцевала с балетмейстером Ширяевым вальс.

Отец мой работал в Управе. На другой день его вызвали к начальству и стали упрекать, что он до сих пор прятал талант своей дочери. Был послан запрос в Петербургскую консерваторию, и через несколько месяцев на мое имя была получена программа экзаменов и сообщение о плате за обучение. Она была для нас недоступна, и Управа хотела мое обучение взять на свой счет. К сожалению, все окончилось ничем: <началась> война 1914 г.

После смерти отца я работала в горздравотделе у д-ра Шостак статистом, а потом попала в I поликлинику, где участвовала в самодеятельности. Часто устраивали концерты с участием теперь уже покойных докторов Емельянова, Лонгера, Лыбина и его жены пианистки Дюрсен. Вы их, может быть, знали.

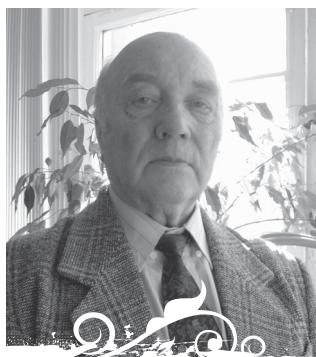
А теперь часто вижу сны, что я должна где-то петь, а что – не знаю и очень волнуюсь.

Уважающая Вас
Зоя Петровна Садовникова, 1970 г.

Архив Д.И. Архангельского – это настоящая золотая кладовая музейного собрания. Его материалы раскрывают нам многие, порой забытые, страницы культурной и общественной жизни Симбирска – Ульяновска, в самой гуще которой находился Дмитрий Иванович.

И трудно не согласиться с исследователем обнинского периода жизни художника В.А. Ивановым, который писал: «Сохранение величайшей духовной основы – личного архива Дмитрия Ивановича Архангельского – послужило фундаментом явления, участвуя в котором, соприкасаясь с которым, сотни людей получают неоценимое – могучий духовный заряд, воздействие духовного потенциала большой силы на все предстоящие каждому участнику явления годы».

Виктор КУРУШИН, исполнитель, дирижер, педагог, заслуженный деятель культуры Российской Федерации.

Выпускник первого набора Ульяновского музыкального училища, директор училища (1984 – 2003 гг.)

*Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь – мелодия...
А.С. Пушкин*

УЛЬЯНОВСКОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ УЧИЛИЩУ – 60 ЛЕТ

Стремление к прекрасному, к занятиям искусством, музыкой присуще каждому человеку. Об этом говорят неувядаемые красоты народного искусства от древнейших времен до наших дней. Все люди любят музыку, однако, далеко не каждый человек решается посвятить ей всю свою жизнь. Я благодарен судьбе за то, что оказался среди абитуриентов первого набора Ульяновского музыкального училища, и затем сложилось так, что более 50 лет моего трудового стажа – а это целая жизнь – связано именно с училищем. В училище мне довелось побывать во всех ролях: учащийся, преподаватель, классный руководитель, председатель предметно-цикловой комиссии, завуч, директор и снова преподаватель. Так сложилось, что жизнь всей моей семьи также оказалась связана с Ульяновским музыкальным училищем: две дочери здесь учились, одна – преподавала, и жена с девятилетнего возраста сначала училась, а потом 26 лет проработала в качестве преподавателя.

В 2018 году Ульяновское музыкальное училище отмечает большую дату – 60 лет со дня своего основания. И если в 50-е годы в Ульяновске была одна музыкальная школа, то сегодня молодой человек, избравший своей профессией музыку, может получить начальные музыкальные знания в

Здание Ульяновского музыкального училища

любой из множества музыкальных школ, а затем продолжить свое образование в среднем профессиональном и высшем образовательном учреждении, не выезжая за пределы Ульяновской области. Знаменательно и то, что большинство преподавателей музыкальных школ начинали свой профессиональный путь в Ульяновском музыкальном училище, некоторые из них пришли на смену своим педагогам, а не-

которые стали преподавателями училища и факультета культуры и искусства Ульяновского государственного университета. Таким образом, за эти славные годы музыкальное училище стало флагманом музыкального образования в нашей области, стало одним из ведущих музыкальных центров Поволжского региона.

Как же все начиналось? Уже далекие пятидесятые годы XX века в истории развития нашей страны стали временем необыкновенного подъема национального духа, самобытности, традиций и культуры. Победа и окончание ненавистной войны, стремительное восстановление народного хозяйства, и как следствие – повышение жизненного уровня и запрограммированное создание особых предпосылок и условий повышенного спроса на работников культуры и преподавателей музыки. В городе и особенно в сельских по-

Концертный зал училища – один из лучших по акустике в Поволжье

Первый выпуск учащихся Ульяновского музыкального училища 1958 – 1962 гг

селениях совершенно не хватало учителей музыки, концертмейстеров, хормейстеров, руководителей музыкальных коллективов, не хватало музыкантов. Престиж профессии преподавателя музыки был необыкновенно высок. В единственную музыкальную школу города (да и области) были огромные конкурсы, но там можно было получить только начальную музыкальную подготовку.

В моей семье не было музыкантов. Известно, что мой отец, токарь высшего разряда, играл на гармони. Я не помню его игру, потому что мне было около года, когда он ушел на Финскую, а потом сразу на Отечественную войну – и погиб. Мать растила меня одна. Помню первые музыкальные впечатления той поры. Счастье было слушать народные песни в семейном исполнении, когда дедушка запевал: «Что-то в лесе зашумело, – и далее все подхватывали, – побежал туда я смело...» или «Липа вековая» и многие песни. У мамы был очень сильный чистый высокий голос, по праздникам она хлебосольно уговаривала гостей и была большая певунья, первая начинала, а остальные подхватывали. Из патефона повсеместно слышался незабываемый самобытный голос Лидии Руслановой: «Очаровательные глазки», «Степь да степь кругом», «Валенки». Соседскую девочку обучали игре на трофеином рояле, привезенном из Германии, и мне как-то довелось подобрать по слуху одну из мелодий. Это была и радость, и гордость для матери!

В филармонии можно было услышать профес-

сиональный Академический хор русской песни, им руководил заслуженный артист Удмуртской АССР Аполлон Васильевич Каторгин. Особенно мне нравилось акапельное звучание хора, русская народная песня «Вниз по матушке, по Волге», произведения С. Рахманинова. По воскресеньям (субботы тогда были рабочими) во всех парках и на Венце звучали духовые оркестры. Слушал я с восхищением, запомнились старинные вальсы, танцевальная музыка, марши. Музыка вызывала восторженное, манящее отношение. Возможно, в этом было много наивности.

Обучаться музыке я начал довольно поздно. Только в девятом классе средней школы я впервые пришел в музыкальную школу. Одноклассник, который уже учился там, заметил: «Что же ты не поступал на скрипку?». Помню, как я отреагировал на его доброе недоумение: ничего не возразил, только подумал, что лучше баяна для меня инструмента нет... Музыкальная школа тогда располагалась в небольшом двухэтажном деревянном здании по улице Гончарова, и среди школьников его называли «избушка на курьих ножках». Я попал в класс Николая Григорьевича Чиркова, очень ответственного и серьезного музыканта. С большим желанием и удовольствием я начал заниматься, и, кроме заданного преподавателем, стремился освоить все, что попадало в руки, и все, что было интересно и популярно среди друзей и близких. Поэтому у меня быстро выработался очень пригодившийся в дальнейшем на-

вык чтения нот «с листа». О профессии музыканта тогда я и не думал. В последнем классе общей школы помог случай.

В то время к моменту окончания учебного года во все школы приходили специалисты из различных предприятий с целью пригласить выпускников к себе на вакантные места. Это называлось профориентационной работой. В 1956 году к нам в школу пришли с завода малолитражных двигателей: «Нам нужна молодежь для приобретения рабочих профессий. Мы бы пришли к вам с агитбригадой, дали бы концерт, но у нас нет баиниста. Возможно, у вас есть баинист?». Этим баинистом оказался я. Концерт был подготовлен и прошел с успехом. Но о профессии

я опять не подумал, тогда она казалась мне очень нереальной. Более того, как и многие ребята нашего класса, в дальнейшем я думал поступать в вуз. Стало известно, что в 1958 году в Ульяновске планируется открыть политехнический институт. Дожидаясь этого события, я окончил техническое училище по специальности токарь-универсал и поступил на подготовительные курсы для поступления в вуз. Параллельно я продолжал работать баинистом в заводском клубе. Так сама судьба подталкивала меня к будущей профессии.

Шел 1957 год. Прошел слух – возможно, в Ульяновске будет открыто музыкальное училище. На чем остановить выбор: музыка или институт? Посоветовавшись со мной было не с кем, и я решил поинтересоваться у преподавателя курсов, что предпочтеть? Его слова меня обескуражили: «Раньше в благородных семействах музыкой, как профессией, не рекомендовали заниматься своим чадам». Что ж, у каждого своя судьба.

Помню, как известный в городе музыкант-самоучка, Владимир Буров согласился пойти со мной в магазин и помог мне выбрать мой первый баин для занятий. Тогда он поделился своими сомнениями: отправлять ли маленькую дочку в Казань в школу-девяностошестилетку при консерватории? Много позже из Казани вернется прекрасная пианистка и композитор Ольга Бурова...

И вот, летом 1958 года музыкальное училище

провело свой первый набор. В постановлении Облисполкома указывалась цель открытия училища: создать прочную постоянную базу для подготовки профессиональных музыкальных кадров. Среди поступивших студентов первого набора были выходцы из города Ульяновска, города Димитровграда и разных районов нашей области. Тенденция целевых предпочтений явно прослеживалась в первые годы работы училища: ведь необходимо было сначала наполнить кадрами музыкальных работников именно нашу область. Поэтому при училище сразу было открыто вечернее и даже заочное отделения, где могли обучаться перспективные, талантливые музыканты без отрыва от работы. Тогда же было обычным правило

распределения выпускников по городу и районам области: затраченные государством на подготовку специалиста, выпускник должен был отработать в течение 2-3 лет на тех точках, где особо остро не хватало специалистов.

Среди пятидесяти студентов первого набора училища было заметно большое возрастное различие. Примерно половина из них были такими же, как и сейчас, вчерашними выпускниками 7-х или 10-х классов общеобразовательных (в то время были школы-семилетки) и музыкальной школы. Например, Алла Калюка (в будущем Шапиро) или Евгения Копосова (позже Диогатьман). А другая половина студентов – это мы, люди с трудовым стажем, порой внушительным. Так, после фронта и ряда лет работы в Астрахановке в училище поступил Николай Игошин, автор нескольких хороших песен о симбирском крае (в Энциклопедии – Симбирск неверно называется его фамилия). Несколько лет руководил заводской самодеятельностью Михаил Савельев... Были еще весьма взрослые первокурсники.

Музыкально-теоретическая подготовка первых студентов была пестрой, многим не довелось учиться в музыкальной школе, и их музыкальный опыт ограничивался кружком художественной самодеятельности. Как правило, у каждого из них путь в музыку был непростой, выстраданный, иногда идущий вопреки расхожему мнению, что музыка –

Виктор Иванович Курушин и Евгений Емельянович Юзевич – председатель VI Конкурса молодых баинистов Поволжья, 1972 г.

Слева направо: жюри ХІІІ Конкурса молодых баинистов Поволжья, 1987г. Зоточев Владимир Борисович (зав. отделом народных инструментов УМУ), Юрий Алексеевич Цагарели (профессор Казанской консерватории), зав. отделом Уфимского училища, зав. отделом Калининского училища, Егоров Борис Михайлович (председатель жюри, профессор РАМ им. Гнесиных), зав. отделом Львовского училища В.И. Курушин

не серьезное дело, не та профессия, которой стоит посвятить всю жизнь. Все эти «добрые» пожелания и предупреждения советчиков были отброшены, и вот мы в стенах училища, чтобы заниматься любимым делом...

С большим рвением мы стали постигать азы музыки во всем ее многообразии и совершенстве. Нас нисколько не смущало, что уроки проходили в полуподвальном помещении филармонии, что часто не хватало необходимых учебников, и один учебник приходился на два-три человека. Зачастую необходимые ноты для занятий по специальности нам приходилось переписывать от руки с оригинала. Иногда бывало, что линовали нотный стан, потому что не хватало нотных тетрадей.

С первых же дней занятий многие из нас поняли, как важно слышать музыку в живом исполнении. У всех вошла в привычку необходимость посещения всех филармонических концертов, благо мы могли слышать любой концерт, перебравшись из учебной комнаты на балкон концертного зала. Так я впервые услышал много новой музыки самых разных композиторов и самых разных исполнителей. Особенно мне запомнилось выступление французского пианиста Флавиньи. Он поразил меня исполнением на рояле сочинений старинных мастеров – клависинистов Рамо, Куперена, Дакена. Запомнились концерты-встречи с выдающимися исполнителями: баянистом Иваном Паницким, балалаечником Михаилом Рожковым...

Четыре года учебы в училище пролетели для меня стремительно. Была радость от овладения профессией, удовольствие от каждого вида работы и любого музыкального задания. Я испытываю огромную благодарность судьбе, предоставившей мне возможность общения с замечательными музыкантами и чуткими людьми – нашими педагогами. Первый преподавательский состав училища был небольшой. Несмотря на молодость, все они отличались крепкой профессиональной подготовленностью и большим энтузиазмом.

На первом курсе музыкальную теорию и сольфеджио у нас вел педагог-виртуоз А.Т. Сухоруков. Даже трудного великовозрастного ученика он учил так, что проявлялись замечательные успехи, его

ученики свободно ориентировались в сложных нотных текстах. Далее сольфеджио и гармонию музыки преподавала Лиана Борисовна Козьмина, великолепно знавшая свои предметы. Она умела выстроить занятия по строгой системе. Все последующие поколения выпускников училища, с 1960-го и вплоть до 90-х годов прошли через ее класс.

Также из особо ярких впечатлений от первых преподавателей училища могу назвать виолончелиста, казавшегося артистом-аристократом. Это был

В.П. Варшавский, один из немногих в то время музыкантов, сохранивших «лоск» консерватории. Вспоминаю и Андрея Владимировича Стакурского, которого считали одним из лучших преподавателей в школе и пригласили в училище. Этот веселый и остроумный человек, владел игрой на нескольких инструментах, поразил меня на одной из репетиций

ярким образным наставлением: «Играйте так, чтобы эта музыка звучала у публики в ушах до самого возвращения домой!». Позже его дочь Людмила станет замечательной пианисткой и возглавит Астраханскую консерваторию...

У истоков вокального отделения училища стояли Т.В. Жидкова, А.Ф. Селютина – мастера своего дела. В первом выпуске по этой специальности была изумительная по голосу Римма Трошенкина (Волкова), ставшая в 1967 году солисткой Мариинского оперного театра Санкт-Петербурга. Совершенно самобытной личностью был крепкий, сильный пианист, опытнейший концертмейстер Юрий Дмитриевич Лобков, приехавший с женой А.Ф. Селютиной из Омска. Бессменный организатор искрометных музыкальных капустников, розыгрышей, Юрий Дмитриевич до седых волос был молод душой, легок на подъем и открыт всему новому: он щедро разрешал своим знакомым поездить на своем «Запорожце» (в те времена диковинка – личный автомобиль!), прокатиться на велосипеде с моторчиком (получившем веселую кличку Баба-яга), свободно пользовался кинокамерой – как сейчас сказали бы, был очень разносторонним и продвинутым человеком, большим жизнелюбом, который с неимоверным мужеством воспринял диагноз врачей (рак) и до конца дней не потерял жизненного интереса. Легендарным было его ис-

После отчетного концерта фортепианного отделения класса Ирины Афанасьевны Гладких (четвертая справа), 1975 г.

Преподаватель музыкального училища В.И. Курушин, 1974 г.

сипеде с моторчиком (получившем веселую кличку Баба-яга), свободно пользовался кинокамерой – как сейчас сказали бы, был очень разносторонним и продвинутым человеком, большим жизнелюбом, который с неимоверным мужеством воспринял диагноз врачей (рак) и до конца дней не потерял жизненного интереса. Легендарным было его ис-

полнение Первого концерта П.И. Чайковского со студенческим оркестром в начале 60-х годов. Перед концертом, уже во фраке, он устранил какую-то неисправность, не стесняясь залезть под рояль и сохраняя полную невозмутимость и самообладание. По окончании концерта Юрий Дмитриевич вскочил из-за рояля, вскинул руки и подпрыгнул – и в этом соединились энергия, непосредственность, восторг и патетика удивительного человека.

В годы нашей учебы кумиром всех учеников, конечно, была Мэри Евсеевна Хазанова – преподаватель музыкальной литературы. Ее эрудиция, тант, свободное владение предметом, тонкий юмор завораживали и увлекали каждого, сколько бы ни было тогда тяжелым и неповоротливым музыкальное мышление любого из нас. В условиях того времени, когда фонотека в училище только формировалась, мы не могли полностью оценить того, как свободно Мэри Евсеевна могла проиллюстрировать на фортепиано наизусть любую музыку – она великолепно владела инструментом. И многие из нас подражали ей и при ответе на уроке, на экзаменах также старались показывать изучаемую музыку, играя на фортепиано хотя бы одним пальцем. Предмет общее фортепиано я начал осваивать также в классе М.Е. Хазановой. Наверное, поэтому с тех пор фортепиано стало для меня вторым любимым инструментом. Позже я воплотил эту мечту, освоив игру на фортепиано более профессионально: закончил училище по специальности фортепиано в классе Ирины Афанасьевны Гладких.

Сколько радости пришлось испытать при освоении еще одного профильного предмета программы – дирижирования. На отделении народных инструментов дисциплины оркестрового цикла всегда занимали одно из ведущих мест. В их организацию и проведение много сил и энергии вложил первый заведующий отделением народных инструментов и руководитель оркестра Евгений Иванович Колобов. Дирижированию нас обучали видные музыканты города, выпускники кафедры военных дирижеров Московской консерватории, дирижеры военных оркестров: Николай Михайлович Михайлов, Николай Николаевич Черный, Иван Афанасьевич Чугай.

Н.М. Михайлов, в прошлом воспитанник детского дома, в дальнейшем заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, в конце 50-х годов был руководителем военного оркестра училища связи и по совместительству занимался с нами в музыкальном училище. Я благодарен ему за поддержку и внимательное доброе отношение ко мне, тогда молодому, начинаю-

щему музыканту. Благожелательный, интеллигентный, немногословный человек, он учил нас четкому и выразительному жесту, за которым открывался целый мир. Мне доводилось встречать мало музыкантов столь высокого профессионального уровня. Позже его перевели по службе, сначала в Окружной

духовой оркестр в Самару, а затем он получил назначение начальником военно-оркестровой службы СССР и был переведен в Москву. Николай Михайлович стал генералом, преподавателем факультета военных дирижеров в Московской консерватории и около 20 лет дирижировал сводным оркестром Министерства вооруженных сил на праздничных парадах на Красной площади нашей столицы. Приятно было встретиться с ним в составе жюри на заключительном концерте победителей «Всероссийского фестиваля самодеятельного художественного творчества тружеников», проходившем в городе Ульяновске в 1978 году. Его приветливость оставалась прежней.

Военные дирижеры стали примером для многих из нас. В числе первых выпускников училища есть баянисты, которые продолжили свое образование в военных вузах и стали известными военными дирижерами. Например, в А. Ермолов стал военным дирижером Хабаровского края, Н. Булатов – руководитель Ульяновского государственного духовного оркестра «Держава».

Весной 1959 года состоялось знаменательное событие: переезд училища из филармонии в основное здание по адресу ул. Гимова, дом № 1. На втором этаже разместилось училище, а на первом этаже располагались разные предприятия и конторы, каждая из которых через директора – Г.И. Шадрину передавала нам многочисленные просьбы «играть потише». Несмотря на это, переезд вызвал новые радости, необычайный прилив сил и эмоций как преподавателей, так учащихся. Учебное расписание было составлено очень плотно, на все 200%. Кроме того, учащиеся умудрялись использовать классы для самоподготовки в самые ранние и самые поздние часы суток, и в каждую минуту, свободную от групповых занятий. Музыка звучала не только из аудиторий, но из каждого свободного уголка и даже с лестничных пролетов. Так радостно, на подъме, уже в роскошном зале нашей alma-mater в июне прошел первый отчетный концерт молодого музыкального училища. Он запомнился участникам еще и потому, что, кроме сольных и ансамблевых выступлений, в концерте зазвучал сводный хор всех отделений училища, и на сцену вышли абсолютно все учащиеся – те самые 50 человек, которые почувствовали,

Преподаватели отделения общего фортепиано – выпускники разных лет, 2004 год. Слева направо: Любовь Павловна Леонова, Ирина Олешкевич, Вера Васильевна Ермакова, сидит Вячеслав Николаевич Парамонов. Первая справа – одна из старейших преподавателей Нина Константиновна Буланова

как резко изменилась их жизнь за прошедший год. Руководила хором первый завуч училища С.А. Ка- саткина. Я убежден, что пение в хоре – это один из самых лучших ключей, открывающих путь к про-фессиональным вершинам музыки. «К хоровому пению необходимо при-коснуться каждому, чтобы не потерять связь с глубинными корнями настоящего искусства», – эти слова великого рус- ского певца Ф.И. Шаля- пина я и мои сокурсники начали понимать уже на первом курсе благодаря нашим педагогам.

Мне повезло в том, что к специфике хорово- го дела пришлось обращаться много раз в жиз- ни. Еще до поступления

в училище мне пришлось помочь хормейстеру, моему будущему однокурснику М. Савельеву в проведении репетиции само-деятельного заводского хора. Мы разучивали хоро- вые партии, работали с ансамблями. А в училище уже в 1959 году мы были свидетелями зарожде- ния замечательного певческого праздника «Улья- новск Ленину поет», который проходил ежегодно в апрельские дни в честь дня рождения В.И. Ленина. На ульяновской земле это имело особый смысл, и на праздник приезжали лучшие прославленные хоровые коллективы страны. Мы слышали живое звучание Академической хоровой капеллы А. Юр- лова, Хора русской песни А. Свешникова, Хоровой капеллы «Думка». В дни Ленинского фестиваля концерты звучали на всех больших сценах города: в Драматическом театре, во Дворце культуры автозавода, в концертном зале Филармонии. Кульмина- цией праздника было вы- ступление сводных хоров на центральной площади города, перед памятни- ком Ленину.

В 1960 году при под-готовке сводного хора к празднику мне пришлось пережить большое волнение, т.к. меня направили баянистом-аккомпани- атором к Владиславу Соколову – известному деяте- лю хорового искусства, художественному руково- дителю Московского молодежного хора. Пришлось сходу разучивать новую тогда «Песню о Ленине» А. Холминова с непривычным размером (12/8), за- мысловатым по ритму вступлением. Нашу совмест- ную работу В. Соколов отметил и поблагодарил за то, что я достойно справился с задачей. Это еще раз укрепило мою уверенность в правильном выборе профессии.

География декад «Ленинской музыкальной вес-

ны» с каждым годом расширялась, вовлекая в ор-биту все новые музыкальные коллективы, уже не только хоры, но и оркестры. На одном из таких кон-цертов мне предложили продирижировать сводны- ми оркестрами и хорами полюбившуюся многим песню А. Новикова «В маленьком и тихом горо-де Симбирске». Это стало одним из ярких впечат-лений моей жизни, когда мощный величавый звук многих голосов и инстру-ментов охватил, каза-лось, все пространство от Венца до неба и к Волге.

Учеба в училище на третьем курсе неза-метно перетекла для меня в основную рабо-ту. Когда мне доверили первых учеников, я стал по-новому задумы-

ся о специфике профессии музыканта. От чего за-висит высокий уровень подготовки специалистов? Первое – это педагогический коллектив: его про-фессионализм, настрой, слаженность. Важна сама система педагогических требований. Четкое соблю-дение учебных планов. Наблюдая коллектив изнут-ри, я начал понимать значимость стиля, атмосфе-ры, царящей внутри коллектива. Мне приходилось много раз восхищаться умением первого директора Г.И. Шадриной убеждать и объединять людей. Она формировала коллектив, ставила перед ним высо-кие задачи. Думаю, эти наблюдения не только для меня стали своео-бразной школой обще-ния, ответственного отно-шения к труду, школой доброго, уважительного, чуткого отно-шения к лю-дям. Этим принципам я старался следовать всю

жизнь: как среди товари-щих в годы учебы, так и в дальнейшем, как препо-даватель, позже как руково-дитель среди своих коллег. Вся система ор-ганизации творческой, музыкально-просвети-тельской, обществен-ной жизни коллектива и каждого преподавателя преследует эти цели. В каждом ученике я ценю его индивидуальность, и с одинаковым терпением и трепетом я всегда старался заинтересовать, разить лучшие способности и задатки ученика. Принцип «делай как я, делай лучше меня», которому я сле-довал в работе, предполагает, что ученик должен превзойти учителя в дальнейшем. Поэтому я рад успехам своих учеников. За прошедшие 47 лет препо-давательской деятельно-сти в училище в моем классе побывали почти все выпускники отделения народных инструментов по таким предметам, как методика, педпрактика, ансамбль, дирижирование,

Ансамбль тромбонистов на концерте к 25-летию УМУ, 1983 г.

Репетиция класса преподавателя зав.отделения струнных инструментов Вьюгина Николая Николаевича, 1983 г.

ной жизни коллектива и каждого преподавателя преследует эти цели. В каждом ученике я ценю его индивидуальность, и с одинаковым терпением и трепетом я всегда старался заинтересовать, разить лучшие способности и задатки ученика. Принцип «делай как я, делай лучше меня», которому я сле-довал в работе, предполагает, что ученик должен превзойти учителя в дальнейшем. Поэтому я рад успехам своих учеников. За прошедшие 47 лет препо-давательской деятельно-сти в училище в моем классе побывали почти все выпускники отделения народных инструментов по таким предметам, как методика, педпрактика, ансамбль, дирижирование,

инструментовка, оркестр, а по специальности баян/аккордеон мне пришлось подготовить более 60 выпускников. Среди них преподаватели музыкальных училищ региона В. Зоточев, Е. Михайлов, А. Романюк, А. Ильичев, В. Кувшинников, А. Зинатова, Э. Зинатова, О. Чекушин; известные преподаватели и руководители ДМШ – А. Малкин, А. Тарасенко, В. Шиндиков, В. Бессольцев, Л. Белоусова, В. Соболев, Н. Усачева, Е. Сандркина, Т. Аносова, К. Перков, А. Кузнецова, С. Коваленко; руководитель национального ансамбля Татарстана Р. Ильясов, музыкальный руководитель драмтеатра, композитор О. Яшин; А. Басманов, А. Шалкин – успешные преподаватели в родном училище, А. Павлов, В. Губанов – видные дирижеры, Е. Иванов нашел призвание на духовном поприще – и многие, многие другие, у каждого из которых замечательно сложилась музыкальная судьба и каждого из которых я помню.

В формировании музыканта в равной степени важно все: и постижение профессии, и развитие личности, человеческих качеств. Не только полнота и спектр изучаемых в училище дисциплин, но и жизненная позиция преподавателя, тонус, царящий на каждом уроке, имеют огромное значение. Оглядываясь на первые годы наших занятий, я с удовлетворением отмечаю, как основательно и скрупулезно, как полноценно был организован для нас учебный процесс! Конечно, и приглашение специалистов, и атмосфера в коллективе, организация занятий, и возникновение добрых традиций – во всем лидерствовала Гали Илларьевна Шадрина. Имея множество забот, она проявляла много внимания к ученикам. Приведу такой пример. Как-то она присутствовала на одном из уроков гармонии. Заметив, как ловко и скоро у меня «щелкаются» гармонические задачи, она предложила мне: «А вы не хотели бы совместить занятия на народном отделении с дополнительными занятиями по теории музыки?» (Тогда во многих училищах остро не хватало преподавателей – теоретиков, и она, как я понимаю теперь, беспокоилась о подготовке новых кадров для училища). Мне с благодарностью пришлось отказаться (необходимо было совмещать учебу с работой). Я благодарен Гали Илларьевне за внимание и поддержку. Она отмечала мои успехи, не раз подбадривала, понимая, что я часто сомневался в том, достаточно ли я талантлив для этой замечательной профессии...

В воспитании музыканта именно тонкости и детали имеют огромное значение. Не случайно с древнейших времен музыке принято обучать индивидуально, когда педагог с глазу на глаз занимается с учеником. Мне режет ухо утверждение, что современный педагог при обучении «оказывает платные образовательные услуги». Испокон веков, при любой формации общества, всегда было известно,

что при обучении неизменно происходит и должно происходить воспитание человека! Поэтому для педагога, кроме профессионализма, важна его личность, его человеческие качества. Роль педагога по специальности незаменима при выявлении перспектив и путей профессионального становления ученика. Педагог ищет и находит эффективные средства и методы для развития ученика. Особенно важны эти принципы в творческих профессиях.

Именно поэтому, я полагаю, можно назвать личным достижением Гали Илларьевны возникновение в училище своеобразных педагогических школ:

- класс И.А. Гладких, класс Л.М. Панасенко, класс С.М. Лашмановой у пианистов;
- класс Е.И. Колобова у баянистов;
- класс Н.Н. Вьюгина у струнников;
- класс Д.Д. Шапиро у духовыхиков;
- класс Л.Б. Козьминой у теоретиков.

В каждодневном общении педагога и ученика возникает некое единство, возникает вера и доверие, которые дорогостоят и сохраняются на всю жизнь, помогают ученику в преодолении жизненных трудностей. Всеми успехами в жизни я обязан своим учителям: Н.Г. Чиркову (музыкальная школа), А.В. Стакурско-му, Е.И. Колобову (музыкальное училище), Б.М. Егорову (Академия им. Гнесиных).

В 1962 году, в год окончания училища, мне представилась возможность еще раз проверить, правильно ли я выбрал профессию? Ведь тогда действовало правило: поступать в вуз мог только тот выпускник, который получил направление на учебу, а количество направлений составляло только 5% от выпуска. Для всех остальных было необходимо отработать по распределению не менее трех лет. Этого я и ожидал. В этом же 1962 году в июне в Москве должна была проходить декада «Дни культуры Ульяновска». Мне предложили участвовать в подготовке концертной программы в качестве баяниста-аккомпаниатора хора и артиста оркестра народных инструментов. Конечно, я с удовольствием согласился.

Народным хором профсоюзов руководил А.И. Федякин, талантливый хормейстер, темпераментный музыкант. Квартет баянистов составляли опытные баянисты – В. Куркин, М. Просолупов, Ю. Кадкин, и одну партию доверили мне. Концерты проходили в столице в Колонном зале Дома Союзов, на Выставке достижений народного хозяйства СССР и в других залах. Мы с успехом выступали в ответственных концертах. И мне повезло, что я успел попасть на консультации в Институт им. Гнесиных, выдержал экзамены и был зачислен в вуз. Так окончательно решилась моя профессиональная судьба.

Окидывая взглядом первое десятилетие работы музыкального училища, я обращаю внимание

Гали Илларьевна Шадрина – первый директор Ульяновского музыкального училища, заслуженный работник культуры РФ со своей ученицей Колобовой Майей Евгеньевной на концерте, посвященном 40-летию УМУ, 1998 г.

на широкую просветительскую деятельность педагогов и учащихся с самых первых лет. Среди населения города были широко известны и популярны многочисленные концерты, лекции, творческие отчеты как отдельных преподавателей, так и их учеников, а также всех коллективов училища – хоров, оркестров, ансамблей. Особенно любимы и популярны стали так называемые Музыкальные вторники. Первую серию концертов с таким названием провела Ирина Афанасьевна Гладких. Концерты собирали полный и переполненный зал, заинтересованные любители классической музыки ждали их с нетерпением, потому что это были не просто встречи с музыкой – это были праздники, полные блеска, воодушевления и восхищения.

В памятное первое десятилетие существования училища появятся еще несколько начинаний преподавателей которые позже превратятся в хорошие традиции. Например, уникальным стал конкурс Молодых баянистов Поволжья – один из первых примеров творческих соревнований молодых музыкантов. За период с 1963 по 1995 годы было проведено 18 конкурсов – и, как показало время, они стали заметным событием музыкальной жизни всей России.

Сейчас не все помнят, но именно в этот период в городе Куйбышеве (ныне Самара) зародился похожий конкурс молодых пианистов, названный потом Конкурсом им. Д. Кабалевского, в котором систематически принимали участие наши пианисты. Не все знают также, что под влиянием нашего Ульяновского конкурса возникла идея проведения в Йошкар-Оле двух Конкурсов молодых дирижеров оркестров народных инструментов. В большой части перечисленных конкурсов мне приходилось участвовать в составе жюри. Вспоминая беседы с членами жюри, могу опереться на общее мнение: названные конкурсы, безусловно, способствовали открытию и росту новых талантов среди музыкальной молодежи, потому что уровень профессиональных требований к участникам был довольно высок, а критерии оценок были тщательно разработаны. Эти конкурсы имели каждый свое лицо, но объединила их общая печальная судьба: в 90-е годы они перестали финансироваться.

В конце 60-х годов новые, лучшие условия для организации музыкальной жизни возникли в городе Ульяновске и области в связи с созданием Государственного симфонического оркестра, первые репетиции которого уже в 1969 году проводил главный дирижер Эдуард Афанасьевич Серов в зале музыкального училища. Первоклассные музыканты оркестра пополнили педагогический со-

став музыкального училища, обогатив его специалистами редких профессий. На постоянной основе стали работать в училище и многие его дирижеры в дальнейшем. Заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Васильевич Алексеев, народный артист РСФСР Николай Геннадьевич Алексеев, Борис Бенкогенов. Я уверен, что учиться не только никогда не поздно, но и необходимо, и поэтому всегда стремился к обучению, особенно, по дирижированию.

И здесь мне тоже повезло. Пользуясь благосклонностью и расположением наших замечательных дирижеров, я часто ходил к ним на уроки, чтобы перенять приемы и методы

работы, их уникальный опыт.

Особый расцвет училища приходится на 70-80-е годы, когда проводятся самые большие наборы, и коллектив насчитывает до 500 человек. В 1971 году училище возглавил Евгений Иванович Колобов. Он добился значительного расширения материальной базы, существенного пополнения инструментария, фонотеки, вспомогательных технических средств. Стараниями Е.И. Колобова училище расширяется и начинает занимать оба этажа здания. Немногословный, рассудительный человек, Евгений Иванович методично решал все вопросы по управлению коллективом. Посмеиваясь, он говорил, как помогает ему его физическая особенность – заскание: «В процессе дискуссии, выступления, спора я успеваю успокоиться, обдумать все и занять лучшую позицию». Отмечу принципиальность и честность Е.И. Колобова, он хорошо понимал характер и намерения людей, был примером проницательности. Он обладал умением видеть ученика, оказать уважение к нему и поддержку в росте. Ученики Е.И. Колобова искренно ценят и уважают его педагогический талант. Он умел подобрать программу, которая высвечивает достоинства ученика и прячет его недостатки, что является высшим пилотажем в музыкальной педагогике, и этим своим умением он щедро делился. Авторитет Е.И. Колобова, выпускника Гнесинской академии по классу С.М. Колобкова, среди музыкантов был необычайно высок. Его постоянно приглашали для работы в международные жюри, на отборочные прослушивания и на конкурсы народных инструментов самого высокого уровня.

С назначением Евгения Ивановича на пост директора училища мне доверили ответственную работу заведующего отделением народных инструментов (руководитель ПЦК). С этого момента в мои руки попадает оркестр народных инструментов, и в течение последующих более чем 30 лет работа с оркестром становится для меня настоящей отрадой. Я не знаю дела более увлекательного, хотя и хлопотного. Если удастся найти оригинальный ре-

После концерта оркестра народных инструментов в г. Булгар, 1994 г.

пертуар, составить сбалансированную программу, подготовить аранжировки, то начинается самое интересное. Перед тобой проходят все учащиеся отделения с различной подготовкой, с различными способностями, различным темпераментом. И тебе предстоит снова и снова, каждый год не просто выучить со всеми партии, а именно объединить, увлечь идеей каждого произведения, чтобы создать запоминающий художественный образ. Красота звучания, большие возможности, чувство локтя и поддержки сплачивают коллектив, вырабатывают у каждого незаменимое чувство уверенности, своей причастности к важному общему делу, к созданию прекрасного произведения, к воплощению фантазии композитора.

Трудно перечислить музыку, которую исполнил оркестр за эти годы: лучшие произведения композиторов – классиков народного оркестра В. Андреева, Н. Фомина, Н. Будашкина, Н. Шишакова, В. Городовской; переложения для оркестра русских композиторов И. Хандошкина, П. Чайковского, С. Рахманинова, Г. Свиридова; переложения для оркестра зарубежных композиторов Ж. Бизе, Д. Верди, Э. Грига; музыка современных авторов Э. Пьяццоллы, А. Цыганкова... За этой музыкой стоит целая жизнь! Особо были дороги для меня выступления с солистами-вокалистами: Тамарой Шишкановой, Николаем Шошиным, Александром Макаровым. Необыкновенно яркое впечатление оставалось от литературно-музыкальных композиций, составленных заслуженной артисткой России Валентиной Смирницкой. Это были десятилетия интенсивной кон-

Репетиция оркестра народных инструментов, 1994 г.

сельчанину в Дом культуры! Много раз оркестр выступал на радио и телевидении, в заводских клубах и даже в цехах, особый восторг у студентов-артистов всегда вызывали выездные концерты в Казань, Болгары, Пензу, Кузнецк и другие города. Иногда программа концерта составлялась из сольных и ансамблевых номеров, и тогда такая малая программа с небольшим количеством участников получала название концертной агитбригады. Что агитировали такие бригады? Конечно, классическую музыку, музыку хорошего вкуса и красивого звучания. Считалось, что это помогает сельчанам и рабочим заводов приобщаться к шедеврам мировой музыкальной культуры. И действительно, слушатели с большим интересом и теплотой принимали выступающих.

Начиная с 1984 года для меня началась длительная (до 2003 года) полоса многотрудной организаторской работы «преподавателя преподавателей», который отвечает в училище абсолютно за все – я имею в виду директорство. Вопросы административные, кадровые, организационные, учебные, воспитательные, связанные с педпрактикой или кон-

Преподавательский коллектив УМУ 2003 г. после выпускного концерта народного отделения, слева направо 1 ряд: В.Н. Бочкарев, В.И. Курушин, И.Б. Курушина, Н. Иванова, В.А. Каженцев, Л. Айкина, А.Т. Шалкин, А.А. Макаров, 2-й ряд: Г.А. Озернов, А.А. Басманов, С. Фролова, Г. Парамонова

цертной деятельности оркестров и хоров в Ульяновске, и смело можно сказать, что ни одно культурное событие тех лет не обходилось без участия оркестра народных инструментов музыкального училища. Оркестр обогнал с концертами все районы Ульяновской области, и такие концерты назывались шефскими. Было такое понятие: взять культурное шефство над селом, и если сельчанин не может вечером успеть на концерт, то пусть концерт приедет сам к

дию ученикам, как бы не задержать и не урезать заработную плату преподавателям, как сохранить коллектив и его традиции, как не потерять здание, принадлежащее училищу... Своим большим достижением в тех условиях я считаю то, что удалось отстоять родное для училища здание, удалось сохранить коллектив и лучшие его традиции.

Самым болезненным вопросом, растянувшимся почти на 20 лет, был вопрос принадлежности

здания. По перспективному плану развития города предполагалось строительство типового училища: сначала на ул. Кузнецова (где выстроили торгово-кулинарное училище), а затем за рекой Свияга (перед трамвайным кольцом на месте ТРЦ «Пушкиревское кольцо»). Какие красивые были макеты! Но не сложилось... Пришли сложные для нашей страны 90-е годы: к недостатку финансирования добавились демографические трудности и, как и в большинстве регионов – перераспределение «центральных» исторических помещений – здание училища находится в самом сердце Ульяновска. Под предлогом благовидной цели – якобы улучшения материальной базы – нам стали настойчиво предлагать переезд в другие здания (были варианты СОШ № 38, части здания гостиницы «Россия» и т.п.). Пришлось держать длительную осаду помещения. Только с помощью коллектива, благодаря его единству и взаимной поддержке, с участием совета ветеранов музыкального училища, с привлечением средств массовой информации, с возникновением широкого общественного резонанса удалось отстоять «отчий дом», доказать, что нет в городе лучшего дома для музыки! Нельзя забывать также об уникальных акустических свойствах концертного зала училища, который признан одним из лучших концертных залов Поволжья, что также было аргументом для сохранения училища в стенах здания бывшей Городской управы. С благодарностью вспоминаю автора художественного оформления зала училища. Известный художник Борис Николаевич Склярук – автор настенных росписи, портретов композиторов, оформления окон зала; картина с волжским пейзажем написана Николаем Михайловичем Парамоновым, для разных аудиторий училища писали картины другие именитые художники – Иван Николаевич и Лидия Васильевна Франго, Виктор Алексеевич Сафонов. В годы моего директорства в фойе училища проводили свои выставки художники Александр Буртаев, Евгений Чевачин, Людмила Уткина, Владимир Никитин. Известная идея содружества искусств, которой столетие назад много сил отдал А.Н. Скрябин, может найти продолжение в жизни училища XXI века.

В своей административной работе я всегда стремился работать как врач – по принципу «не на-вреди». Мне хотелось также не пропустить что-то новое и перспективное. Из этих соображений, например, я пригласил на работу в училище молодого преподавателя Ольгу Владимировну Бурову. Никто в Ульяновске не имел такую разностороннюю профессиональную подготовку. За ее плечами была Специальная музыкальная школа – десятилетка при Казанской консерватории и консерватория по двум специальностям – фортепиано и композиции. Ольга Владимировна существенно оживила работу в училище, привлекая целый поток желающих заниматься в классе композиции. Появились концерты из сочинений начинающих композиторов, которые собирали толпы слушателей. Когда перспективный ученик моего класса баянист Илья Синкин увлекся композицией, я не стал препятствовать его переводу в класс композиции. В дальнейшем он оправдал этот перевод: стал дипломантом конкурса композиторов «Рябиновые звезды», а затем окончил М-

сковскую консерваторию по классу композиции. Наследником О.В. Буровой по классу композиции стал также весьма успешный молодой композитор Республики Татарстан Эльмир Низамов, прославляющий Ульяновское музыкальное училище своим творчеством.

Еще интересна творческая судьба Николая Новичкова. Он окончил училище по классу хорового дирижирования, а по классу общего баяна он стал одним из первых моих учеников. Затем Н. Новичков увлекся игрой на тромbone, а теперь – это известный мэтр, руководитель любимого публикой коллектива «Академик-бэнд». Он обратился ко мне (в то время директору) с предложением организовать в училище студенческий ансамбль из энтузиастов. Это был «Диксиленд» – первый эстрадный джазовый коллектив в музыкальном училище, который произвел настоящий фурор среди молодежи: пришла масса желающих обучаться на инструментах именно эстрадной группы: ударные, духовые (особенно саксофон), гитара... Я благодарен Николаю и за то, что, как настоящий профессионал, он не мог допустить, чтобы дело, которое мы вместе начали, вдруг прекратилось, и после решения об уходе из училища привел в коллектив еще одного энтузиаста – О.Г. Зисера, рекомендую которого он заявил: «Вот тот человек, который сделает эстрадный оркестр музыкального училища классным». Так и получилось. Олег Григорьевич – признанный мастер в джазе: талантливый аранжировщик, руководитель и организатор эстрадного коллектива, он поднял оркестр на новую высоту.

В стенах любимого училища для меня прошло более 50 лет жизни. Годы вдохновенной работы, поисков и разочарований, успехов и надежд. Мои ориентиры с юных лет не изменились: уважение к личности, свобода инициативе, доброта и справедливость, профессионализм, личный пример, честность к себе и профессии. Вся система организации творческой, музыкально-просветительской, общественной жизни коллектива и каждого преподавателя преследует эти цели. Смело могу сказать, что я никогда не нарушал заветных правил и очень счастлив этим. Счастлив в своей судьбе и в музыке. Этим принципам я старался следовать всю жизнь: как среди товарищей в годы учебы, так и в дальнейшем, как преподаватель, позже как руководитель среди своих коллег. В каждом ученике я ценю его индивидуальность, и с одинаковым терпением и трепетом я всегда старался заинтересовать, развить лучшие способности и задатки ученика. Принцип «делай как я, делай лучше меня», которому я следовал в работе, предполагает, что ученик должен превзойти учителя в дальнейшем. Поэтому я рад успехам своих учеников.

На пороге своего 80-летия хочу пожелать молодым людям, которые выбрали профессию музыканта, перефразировав слова нашего известного русского классика Константина Сергеевича Станиславского: «Цените не себя в искусстве, а искусство в себе». Это поможет преодолеть все преграды и разочарования, и наш замечательный дом – Ульяновское музыкальное училище – навсегда останется притяжением радости и счастья!

Фотографии разных лет из архива автора

«НЕ СМЕЙТЕ ЗАБЫВАТЬ УЧИТЕЛЕЙ...»

Эта строчка из стихотворения Андрея Дементьева звучит как призыв, как напоминание. Приходит время, когда в сердце особенно остро отзываются эти слова.

Прошел год, как не стало замечательного учителя Джульетты Рафаэловны Кулаковой, представителя славной когорты симбирских интеллигентов.

Джульетта Рафаэловна Кулакова – учитель русского языка и литературы, заслуженный учитель Российской Федерации. Родилась 1 июня 1931 года в городе Торжоке Грузинской ССР. Окончила филологический факультет МГУ. В 1954 году Джульетта Рафаэловна с мужем Львом Константиновичем Кулаковым (впоследствии – замечательным преподавателем Пединститута) приехала в Ульяновск и приступила к работе учителем русского языка и литературы единственной тогда в Железнодорожном районе школы. Ярким событием того периода истории «старой» 46-й школы стал поход с учениками в Прислониху к художнику Аркадию Пластову. Джульетта Рафаэловна решилась попросить у художника картину в дар школе, Пластов же предложил написать портрет одного из учеников. Выбор пал на Катю Шарапову, председателя совета отряда. Мгновения этой работы мастера запечатлены на фотографиях. С открытием новой школы (№ 50) Джульетта Ра-

После окончания университета. Лев Константинович и Джульетта Рафаэловны Кулаковы

Встреча с А.А. Пластовым, 1959 год.
Прислониха

фаэловна Кулакова перешла работать туда. Она была увлечена литературным краеведением и сумела привить эту любовь своим ученикам. Именно здесь она создала при поддержке П.С. Бейсова первый в области литературно-краеведческий музей. В 1979 году после расформирования школы № 50 Д.Р. Кулакова перешла работать в школу № 46, где продолжала трудиться еще 30 лет. Многие годы возглавляла методическое объединение учителей-словесников. На своих уроках Джульетта Рафаэловна прививала детям любовь к родной литературе, родному краю. Умерла Д.Р. Кулакова 27 августа 2017 года.

Как не стоит село без праведника, так и школа не стоит без учителя-подвижника. Такие талантливые педагоги – просветители были, есть и будут. Счастье для учеников встреча с таким Учителем.

А.А. Пластов рисует портрет ученицы Д.Р. Кулаковой – Кати Шаровой

ВСПОМИНАЮТ ВЫПУСКНИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Маргарита ПОДЫМОВА (Петанина), преподаватель ДШИ №4

«Невероятно, обидно быстро летит время жизни. Совсем незаметно пролетели сорок три года с того времени, как я и мои одноклассники окончили нашу замечательную школу № 50, простились с педагогами, вложившими в нас всю свою душу, наполнив знаниями, намного превосходящими школьную программу. Становясь взрослее, мудрее, мы это понимаем все острее и сильнее. Сегодня хочется поделиться воспоминаниями о любимом учителе словесности. Джульетта Рафаэловна Кулакова была и остается для нас мерилом добросовестного отношения к профессии, достоинства, эталоном поведения и общения. На уроках Джульетта Рафаэловна держала дистанцию так, что ей хватало только внимательного взгляда и сдержанного тона, чтобы привести в чувство непоседу. Она была безусловным авторитетом для всех. Своим высоким профессионализмом, кругозором (ответы мы получали на любые вопросы), она «принуждала» нас повышать свой уровень знаний. Стыдно, на самом деле было стыдно вдруг не ответить на вопросы по теме, которую накануне с таким увлечением на уроке раскрывал наш учитель. Мы, как зачарованные, слушали Джульетту Рафаэловну на факультативах, забывали про время, не хотели расходиться. Здесь уже атмосфера «урочная» разряжалась, мы становились ближе, были более от-

В гостях у Джульетты Рафаэловны. Выпускники 1975 года

крытыми. Это были незабываемые часы творческого и человеческого единения, которое мы пронесли через всю жизнь. Последние десять лет, теряя уже наших одноклассников, уходящих в мир иной, мы срываемся нашими классами (класс А, класс Б, выпуск 1975 года школы № 50) и непременно начало встречи посвящаем воспоминаниям о наших выдающихся учителях, где в первом ряду место отведено удивительному человеку и педагогу Джульетте Рафаэловне Кулаковой».

Светлана КАЗАРИНОВА, выпускница 1975 года

«Кулакова Джульетта Рафаэловна – наша классная мама. Без кавычек, без преувеличения. Мы учились у нее с 1968 – 1975 гг. За эти годы она научила нас понимать, что такое добро и справедливость. Привила любовь к стихам и прозе, к музыке и живописи. Джульетта Рафаэловна, как никто другой, понимала нас. У нее не было любимчиков, она одинаково переживала за каждого из нас. Мы жили в то время, когда родители работали почти без выходных, и все воспитание ложилось на плечи учителей. Огромное спасибо им! После окончания школы я каждый год поздравляла Джульетту Рафаэловну от лица нашего выпуска с днем рождения и с другими праздниками. И когда однажды, спустя много лет, я получила ответное поздравление. Поверьте, это было счастье!».

Ольга КОТЕЛЬНИКОВА (Василькова), выпускница 1973 года, редактор газеты «Карсунский вестник»

«Учитель... Как много сейчас дискуссий на просторах Интернета о том, какими были прежние учителя и какими стали нынешние. Вот и я на страничке в «Одноклассниках» нечаянно увидела фотографии, выставленные выпускниками нашей «полусотки» – школы № 50, которая когда-то располагалась в новом жилом микрорайоне возле Винновской рощи (сейчас этот номер передан школе в Заволжье). На фотографиях – класс Джульетты Рафаэловны Кулаковой и слова в комментариях: «Светлая память выдающейся женщине, превосходному педагогу, любимой Джульетте Рафаэловне», «Именно Джульетта Рафаэловна сделала из нас ЛЮДЕЙ!».

Да, 27 августа исполнился год, как не стало Джульетты Рафаэловны.

Я давно живу не в Ульяновске и видела Джульетту Рафаэловну несколько лет назад, когда приезжала в школу № 46 на юбилей литературно-краеведческого музея, организаторами которого были в 50-й школе именно Джульетта Рафаэловна и профессор Ульяновского педагогического института Петр Сергеевич Бейсов. Мы тогда долго разговаривали, вспоминали то время, когда наш музей только начинал собирать свои материалы.

Я не была ученицей Джульетты Рафаэловны, училась у другого учителя, но любовь к литературному краеведению, умение гордиться своими талантливыми земляками пришли ко мне именно от нее. В 1970 году по предложению П.С. Бейсова и под руководством Д.Р. Кулаковой небольшая группа девочек-старшеклассниц объединились, чтобы начать собирать материалы для будущего литературно-краеведческого музея. Было написано огромное количество писем в государственные архивы, писателям, чье творчество было связано с ульяновской землей, их родственникам. Надо было видеть нашу радость, когда начали приходить ответы – небольшие посылки с письмами, фотографиями, книгами. В зимние каникулы мы стали участниками большой конференции школьников, участвовавших во Всесоюзном патриотическом движении, в Москве, летом – в Пушкинских горах Псковской области. Много ездили по литературным местам Ульяновской области. И наконец, когда было накоплено достаточное

С учениками

В окружении учеников.

Крайняя слева стоит Ольга Василькова

Петр Сергеевич Бейсов, Джульетта Рафаэловна Кулакова, Ольга Василькова и члены совета музея

В литературно-краеведческом музее школы № 46.

В центре – Джульетта Рафаэловна Кулакова.

Крайняя справа – Ольга Василькова (Котельникова)

количество материалов, нам выделили отдельный большой и светлый кабинет, на уроках труда мальчишки под руководством учителя изготавливали витрины и стенды. Летом 1972 года в новеньких аудиториях только что построенного здания педагогического института мы встречались с П.С. Бейсовым, слушали его пожелания о том, каким должен быть наш первый в Ульяновской области школьный литературно-краеведческий музей. Джульетта Рафаэловна очень волновалась на открытии, а мне, как председателю совета музея, было предоставлено право провести первую экскурсию для гостей. Это был для всех нас праздник.

В 1973 году я окончила школу и поступила на филологический факультет педагогического института. Моя первая педагогическая практика была в

родной школе в классе у Джульетты Рафаэловны. Она была строгим, принципиальным, но очень мудрым наставником: учила буквально всему – как правильно написать план урока, какой иллюстративный материал подобрать, как сформулировать вопросы для учеников, как заполнить журнал. После каждого урока мы подолгу обсуждали все его моменты. И вторая практика на выпускном курсе тоже была у Джульетты Рафаэловны, и вновь ее мудрые подсказки, ненавязчивые советы помогли мне и эту практику пройти на отлично.

Уверена, что все, кому посчастливилось быть учениками Джульетты Рафаэловны Кулаковой, будут помнить ее школьные и жизненные уроки и сохранят в душе великую благодарность этому Учителю».

Дмитрий ЭСМАНТОВ, заведующий сектором непрерывного образования отдела по координации деятельности библиотек области ОГБУК «Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова», учился в школе №46 у Д.Р. Кулаковой с 2002 по 2005 гг.

ДЖУЛЬЕТТА

Фото А.П. Рассадина

Ранним, промозглым утром птицы ежились на электропроводах возле старой трамвайной остановки. Моросил легкий колкий дождь... Вокруг почти никого не было – слишком рано, лишь несколько человек спешили пересечь узкую улицу, чтобы скорее ворваться в двери первого же трамвая, который, к слову, не спешил появляться на мутном, туманном горизонте. Щурясь и съеживаясь от холода, я вдруг заметил

поодаль от себя невысокую пожилую женщину, она перебиралась через трамвайные пути, опираясь на палочку, ее вид мне показался знакомым, хотя в тот момент я не мог бы сказать наверняка, почему именно у меня возникло подобное ощущение. Она плавно перешагивала через трамвайные шпалы и, хотя в ней не было ничего особенно приметного, по сравнению с остальными людьми почтенного возраста, именно она привлекала мое внимание.

Глядя на ее седую, не покрытую платком голову и осторожные движения, я почувствовал что-то близкое, знакомое, но, кажется, уже почти забытое. Я быстро перебирал в голове все возможные варианты, попутно допуская возможность собственного изначального заблуждения, а тем временем к остановке с тихим скрипом двигался трамвай. Вот двери распахнулись, и я машинально вошел внутрь, в салоне прогремело: «Осторожно двери закрываются! Уважаемые пассажиры, покидая вагон, не забывайте свои вещи». В этот момент кусочки мозаики в моей голове сошлись в единую яркую картину, и я узнал: это Джульетта Рафаэловна Кулакова, учитель русского языка и литературы школы, в которой я учился. Мгновенно возник порыв выбежать

из вагона, подойти, поздороваться, спросить о состоянии здоровья, настроении, но с приходом этих мыслей пришли и сомнения: «А вдруг она меня не вспомнит; как завязать разговор; должно быть я выгляжу глупо и т.д.». Тем временем двери плотно закрылись, словно металлические ставни и трамвай медленно начал движение...

С тех пор прошло несколько лет и уже сейчас, вспоминая все это, я знаю, что моего учителя уже нет в живых. Вот так, словно последний трамвай, проносится жизнь каждого человека на земле, оставляя лишь нечеткие воспоминания, калейдоскоп событий, проносящихся за стеклом убегающих вдаль вагонов.

Тогда и сегодня, словно ожившие тени мне представляются дорогие сердцу картины моего обучения в школе на уроках литературы и русского языка, и должно быть именно сейчас лучший день для того, чтобы вспомнить заслуженного учителя Российской Федерации, чуткого педагога и тонкого человека – Джульетту Рафаэловну Кулакову. Если бы тогда, в далекие школьные годы мне сказали бы, что когда-нибудь мне выпадет честь вспоминать о ней на страницах журнала, то я ни за что не поверил бы в подобную возможность, ведь я вовсе не был отличником.

Джульетта Рафаэловна всегда пыталась понять каждого своего ученика, она смотрела на нас не как на класс (что делают большинство педагогов), а видела в каждом из нас отдельную личность. Она всегда понимала своих учеников, учитывала способности каждого ребенка. Сейчас подобную педагогическую методу называют дифференцированным подходом, только вот тогда подобный термин никто не употреблял, но тем не менее она так работала.

На этот счет я могу вспомнить еще один случай, как-то раз на очередном занятии подводились итоги диктанта. Естественно, что многие нервничали, боялись оказаться в числе самых безграмотных и поэтому подведения итогов ждали с большой опаской. В числе подобных учеников был главный «колошник» нашего класса. Джульетта Рафаэлов-

на сидела за столом, окруженнная кипами зеленых тетрадей, и перебрасывала их из одной стопки в другую. Она не отрывала взгляда от своей работы и весь класс в тишине ожидал начала оглашения вердикта. Наконец рука учителя остановилась на одной из тетрадей: «Вот (имя) отлично написал диктант, куда лучше, чем обычно, большой моло-дец. В следующий раз я жду от тебя еще большего результата». Тут она раскрыла другую тетрадь, и все увидели большую жирную двойку, которую педагог поставила нашему «кольшнику», на что весь класс разразился громким смехом, а учитель быстро уго-момила нас, не позволив смеяться над товарищем, поясняя, что большой успех приходит постепенно, и что для каждого человека этот успех измеряется по-разному.

Несмотря на то, что Джульетта Рафаэловна умело использовала всю пятибалльную систему, ставил кол (единицу) не реже двойек, пятерок и четверок, все же точно учитывала способности каждого ученика. Она умела прекрасно мотивировать учеников на достижение больших результатов, знала, когда вовремя похвалить, отчего становилось тепло на душе, никогда не ставила клеймо на того или иного ученика, не осуждала за незнание. Она прекрасно умела заинтересовать литературой и книгами даже тех, кто никогда не любил читать. Она умела преподнести книгу как увлекательное досуговое занятие. Сейчас, когда я работаю в библиотеке, ценность этого осознаю еще больше, за что хотелось бы сказать спасибо дорогому сердцу учителю. Именно учителю, потому что она учила, а не оказывала образовательные услуги.

Вспоминается еще один случай. Шел конец четверти, почти все оценки были выставлены, за литературу на тот момент я совершенно не переживал, так как пропустил всего несколько занятий по причине болезни. На пропущенные дни были соответствующие медицинские справки, и я знал, что проблем в получении итоговой оценки у меня возникнуть не должно. Каково же было мое удивление в тот момент, когда Джульетта Рафаэловна сказала: «Так, ты пропустил в ноябре несколько дней, а мы как раз всем классом тогда читали «Евгения Онегина», пожалуй, в зимние каникулы походишь на внеклассные уроки ко мне вместе с остальными, чтобы я удостоверилась, что ты знаешь это произведение». И, действительно, потом я ходил на эти внеклассные занятия.

Она хотела, чтобы мы знали литературу, чтобы мы ее любили. Она большими усилиями создала литературно-краеведческий музей, он размещался в классе, где мы занимались, и разработала собственную литературно-образовательную программу за-

В литературно-краеведческом музее школы № 46

нятий с использованием экспонатов этого музея. И сейчас редко можно найти такого учителя, который в счет своего свободного времени занимался бы с детьми только для того, чтобы каждый ученик знал материал в полном его объеме. Она читала нам вслух, она читала «взрослым детям» вслух, как любящая мать младенцам, а после спрашивала каждого про те или иные моменты в тексте, умудряясь за урок спросить всех, чтобы удостовериться внимательно ли мы ее слушаем. А слушали мы и без того очень внимательно, а, ее голос в моих ушах до сих пор звучит будто радиоспектакль. Это было удивительно; странно, что ярче подобные моменты осознаешь только становясь старше.

Джульетта Рафаэловна поощряла знания, поощряла, как сейчас говорят, креатив, особенно если он был связан с литературой, и юмор к тому же был ей далеко не чужд. Однажды она дала задание выучить каждому из нас по стихотворению Александра Блока, но выбор стихотворений оставила за нами. В то время на телевидении было популярно одно из таких стихотворений – «Ночь, улица, фонарь, аптека...», оно звучало в рекламе сотового оператора. Весь наш класс в шутку, и чтобы дополнительно не готовиться (ведь следующее занятие по литературе было уже на следующий день), решил представить именно его. На следующий день каждый из нас начал цитировать «текст из рекламы», но оказалось, что далеко не каждый из нас знал его, что называется на зубок. Тогда Джульетта Рафаэловна, улыбаясь, сказала: «Жаль, эту рекламу чаще не показывают, тогда бы вы наверняка Блока лучше запомнили», но все же положительные отметки тем, кто прочел Блока без запинок, поставила...

Вот такой мне запомнилась Джульетта Рафаэловна Кулакова, добрая и чуткая учительница, строгая и с чувством юмора, ратующая за литературу и русский язык.

«УЧИ МЕНЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ, УЧИ МЕНЯ НАСТОЙЧИВО И СТРОГО...»

Эти стихи я посвятила своему любимому Учителю. Джульетта Рафаэловна, склоняю голову перед вашей памятью. Любовь к литературе, к поэзии вы передали своим ученикам. И это то, что стало делом моей жизни. «Люби всё это так же, как и я, и мы с тобой не сможем разлучиться!». Посвящаю вам не только книгу стихов, но и все труды на литературном поприще посвящаю вашей светлой памяти. Высоко светит мне ваш пример, ваша душа. Мы знаем: «Литература – это радость встречи, поверх барьера, выше облаков!». Всё, как вы учили.

Елена Кувшинникова, выпускница 1980 года.

ПЕСНЯ В ПОДАРОК

Я хотел бы подарить вашему городу (через ваш журнал) свои стихи – лирическую песню про Ульяновск. Мой отец родом из Ульяновской области, тетя в годы войны была секретарем Ульяновского горкома партии, потом – директором швейной фабрики, в детстве нас из Заполярья привозили к ней на лето, и мы жили в ее доме недалеко от ул. Гончарова на ул. Красноармейской. Память сохраняет самые светлые воспоминания о тех днях. И рождает мысль (ответ на зов большой родины) сделать что-то доброе. В Ульяновске был несколько раз и позже... О себе – живу в Эстонии с 1952 г. Там окончил школу, потом – ФИНЭК в Ленинграде. В Москве в 1991 г. защитил докторскую диссертацию. После развода Союза остались в Эсто-

нии по многим причинам, хотя для нас, как и для многих русских, это была катастрофа, рана от которой не заживает до сих пор. Автор многих книг по экономике и управлению, в том числе – по психологии творчества и управления персоналом. Большинство из них есть в Ленинке. Себя не считаю поэтом или писателем, хотя в школе писал... Написал еще песню на конкурс «Я на Крымском мосту побывать бы хотел...». Она есть на одноименном сайте. Музыка моего одноклассника Юрия Золотарева. Мысленно представляю, как «Ульяновский вальс» с задором исполняет певица на фоне Венца, Волги, танцующих пар...

С лучшими пожеланиями – Александр Сергеевич
Лукьянов, Таллин

УЛЬЯНОВСКИЙ ВАЛЬС

А. Лукьянов

Ю. Золотарев

1. Добрый день, город мой над рекою,
Не могу не гордиться тобой –
Я с тобой просыпаюсь и снова
Тебе песни пою про любовь.

Над Свиягой и матушкой-Волгой
В старину встал Симбирск мой родной,
Много тайн твои улицы помнят,
Поделись ими, город, со мной.

Припев: Я сегодня к тебе на свиданье
На Венец в лучшем платье приду,
Приглашу мой Ульяновск на танец,
В вихре вальса его закружу.

Ветер с Волги нам музыкой станет,
Ее волны подхватят мотив,
Ты расскажешь мне все твои тайны,
И признаюсь я в давней любви.

2. Тайны разинских вспомни отрядов:
Не смогли они взять твоих стен,
Не тебе ли доверил Ульянов
Свои думы о счастье людей?...

По Венцу и аллеями парков,
По бульварам твоим я брожу,
И мне кажется, будто в объятьях
Твоих нежных, мой город, плыву.

Припев:

3. Утром ранним на берег высокий
Мы с тобой выйдем встретить рассвет,
Ты подаришь мне алые зори,
Как цветов необъятный букет.

Красоту и такие просторы
Не ищи, их нигде не найти,
И за них я люблю этот город –
Мой Ульяновск, мой город мечты.

Принев:

Ульяновский вальс

Александр Лукьянов Юрий Золотарев

Guitar 8 Доб - рый день, го - род мой над ре - ю - ю, Не мо - гу не гор -

Guit. 6 дить - ся то - бой Яс то - бой про - сы - па - бу - юсь, и сно - ва те - бе

Guit. 13 пес - ни по - ю про лю - бовь Над Сви - я - гой и ма - туш - кой - Вол - гой

Guit. 20 Вста ри - ну встал Сим - бирск мой род - ной, Мно - го тайн тво - и

Guit. 26 у - ли - цы пом - нят, По - де - лись и - ми, го - род со мной. Я се -

Guit. 33 ГОД - НЯ кте - бе на сви - дань - е На Ве - нец влuch - шем плать - е при - ду

Guit. 40 При - гла - шу мой Уль - я - новск на та - нец, Вви - хре валь - са - е

Guit. 46 ГО за - кру - жу. Ве - тер с Вол - ги нам му - зы - кой ста - нет, Е - ё

Guit. 53 Вол - ны под - хва - тят мо - тив, Ты рас - ска - жешь мне все тво - и тай - ны,

Guit. 60 И при - зна - юсь я вдав - ней люб - ви.

«ЭТОТ ГОРОД ДОСТОИН ЛЮБВИ...»

В августе-сентябре 2018 года в Музее изобразительного искусства ХХ-XXI вв. экспонировалась персональная фотовыставка Сергея Юрьева «Этот город достоин любви... Ульяновск. Лица», посвященная 370-летию города.

На открытии выставки присутствовали сотрудники музея, коллеги-журналисты, сотрудники библиотек, ульяновские художники, барды, друзья автора, культурная общественность.

Недаром в названии есть пояснение: «Ульяновск. Лица».

Главными героями выставки являются жители нашего города. В дни, когда Ульяновск отмечал юбилей со дня своего основания, горожане могли посетить музей, осмотреть экспозицию и встретиться лицом к лицу со своими знакомыми и незнакомыми земляками.

Сергей Станиславович Юрьев – мастер портрета. В этом может убедиться каждый, кто видел эти фотографии.

В рамках проведения выставки был организован концерт под открытым небом во дворе музея. Среди слушателей и участников были и герои фотографий.

Со вступительным словом выступила заведующая Музеем изобразительного искусства ХХ-XXI вв. Елена Сергеева. Ведущим концерта был автор выставки Сергей Юрьев. Выступали: Вера Одинокая, Александр Тимаков, Федор Горобцов, Наталья Ливанова и Ольга Малахова, Елена Андреева, Евгения Носок, ансамбль «Трижды три», Константин и Татьяна Николаевы. На мероприятии присутствовало более 100 человек, среди них художники, представители творческой интеллигенции и студенческая молодежь.

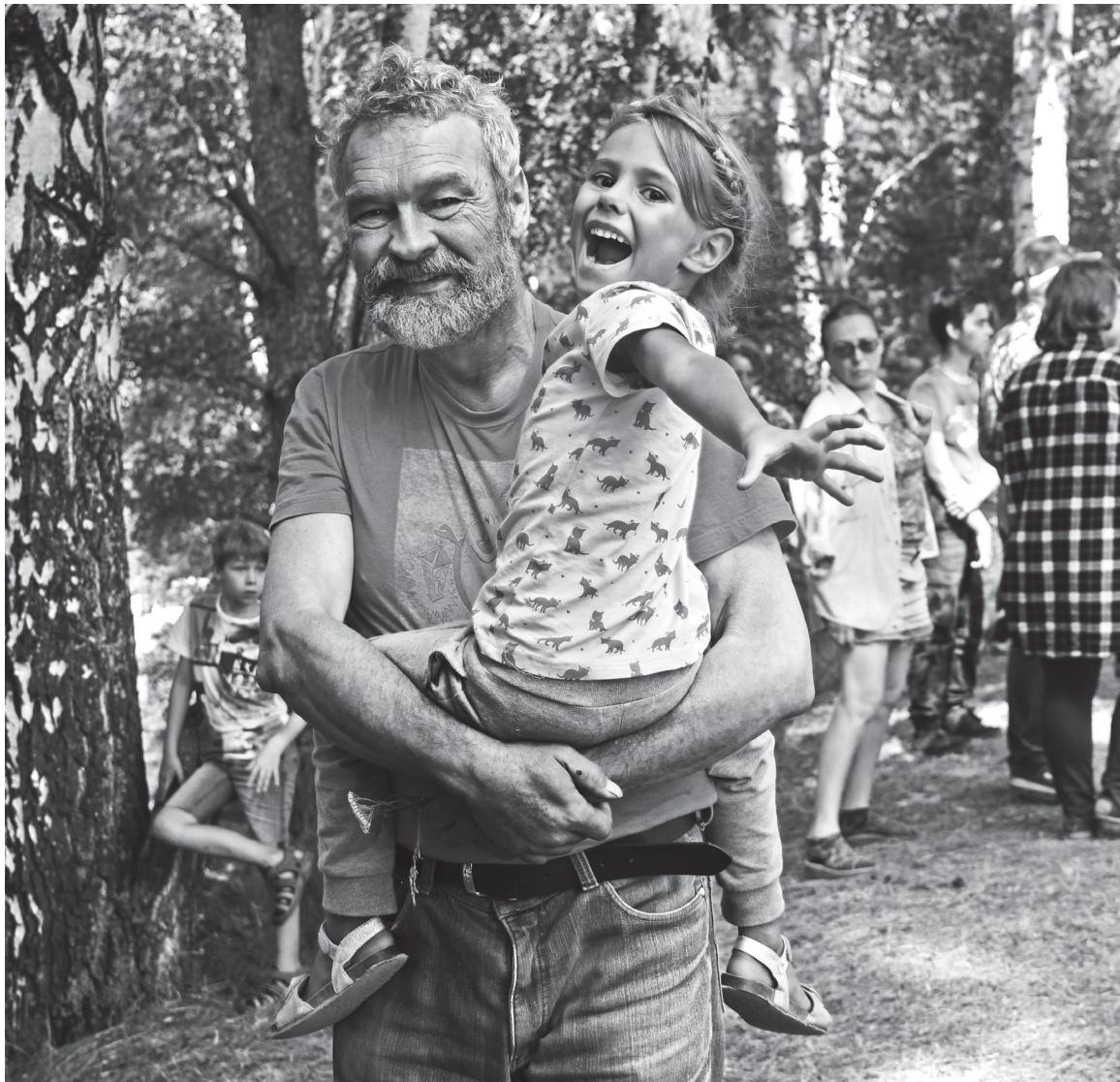
Наша справка

Юрьев Сергей Станиславович – родился 6 октября 1959 года в г. Уржум Кировской области. С 1962 года проживает в Ульяновске. Фотоаппарат впервые взял в руки в 1967 году. Служил в Советской армии, работал слесарем-сборщиком, стражем, дворником, художником-дизайнером, строителем, директором сельского дома культуры, пастухом, воспитателем в школе-интернате, преподавателем истории и обществоведения в сельской школе, педагогом дополнительного образования в Ульяновском областном центре детско-юношеского туризма, литературным редактором детского журнала, редактором и обозревателем других печатных СМИ. В различных московских издательствах опубликовано несколько его фантастических романов. В 2012 году награжден медалью «Н.В. Гоголь – за сказочную литературу» от НП «Неправительственный инновационный центр». С фотоаппаратом не расставался никогда, где бы ни работал. Снимки публиковались в различных ульяновских печатных СМИ и нескольких столичных журналах – «Фотодело», «Огонек», «Сельская новь».

Лауреат нескольких областных фотовыставок. С 2009 года несколько лет подряд в Ульяновске проводились его персональные выставки. В 2013 году участвовал в выставках ульяновских фотографов в Париже и Бордо (Франция).

ЛИЦОМ К ЛИЦУ ФОТОГРАФИИ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВА

Константин с внучкой. Фестиваль «Ломы-2017»

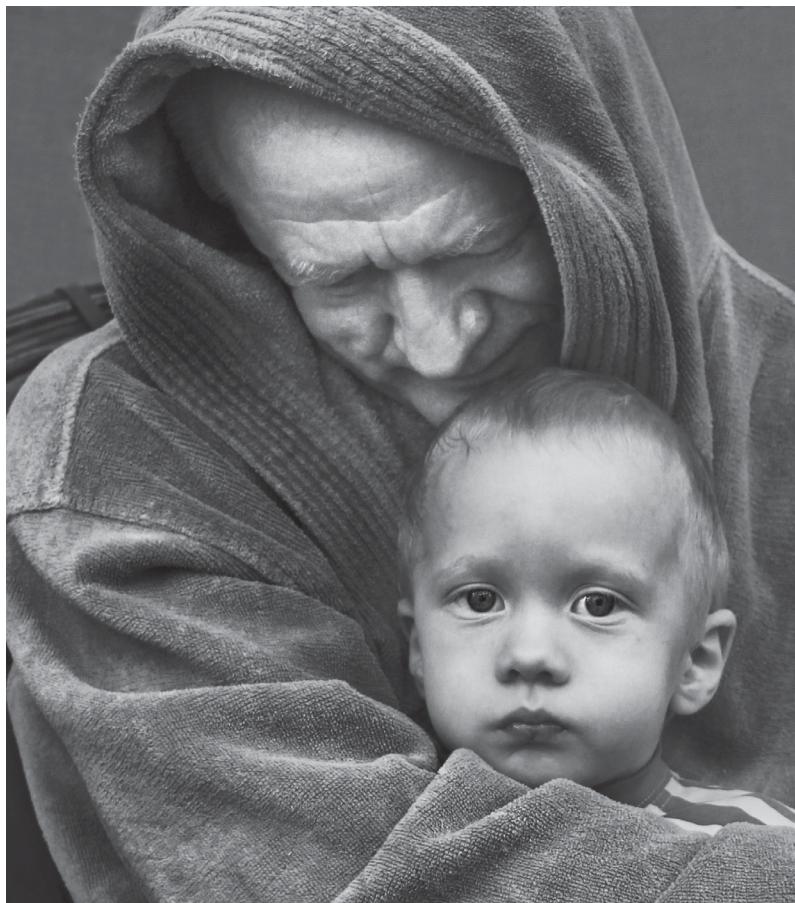
Вот так художник Борис Склярук отмечал своё 80-летие

Вселенная во взгляде

Симбирская Мадонна

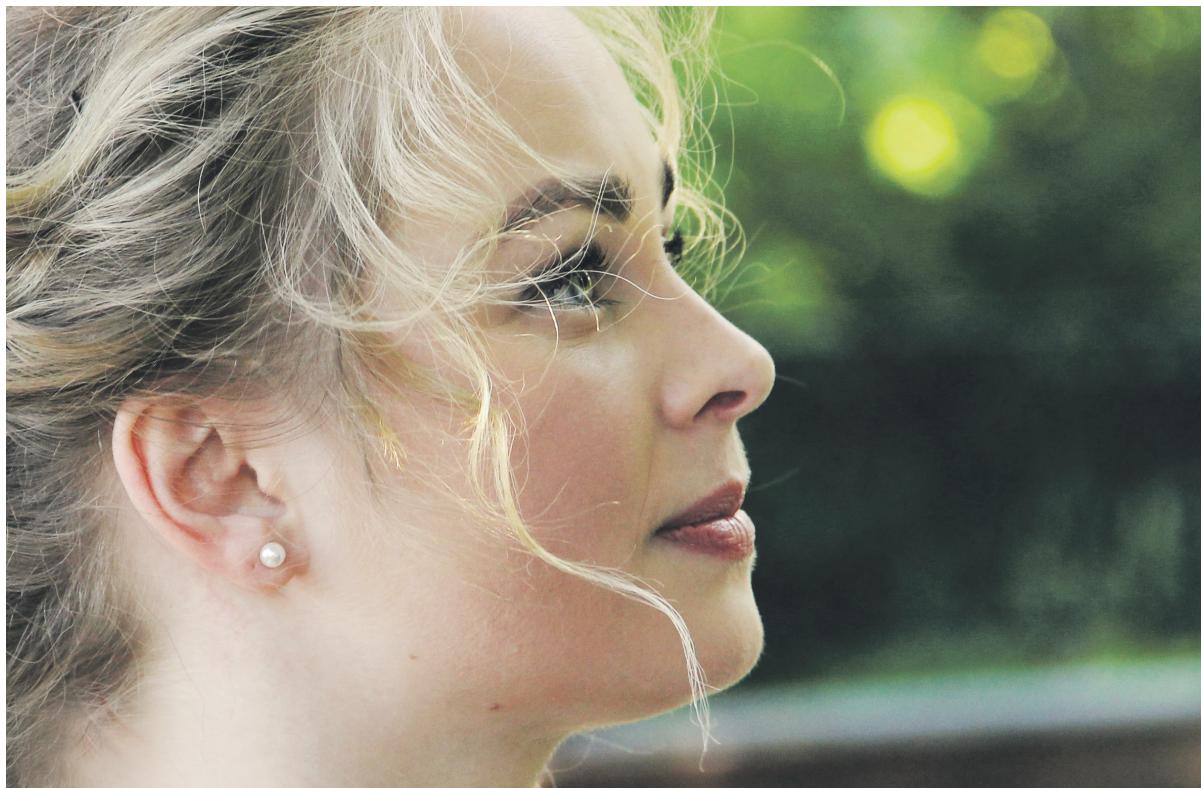
*Рыцарь правосудия
(адвокат Фёдор Горобцов
с внуком)*

*Фотолетописец
Ульяновска Борис Тельнов*

Скоро «вылетит птичка»

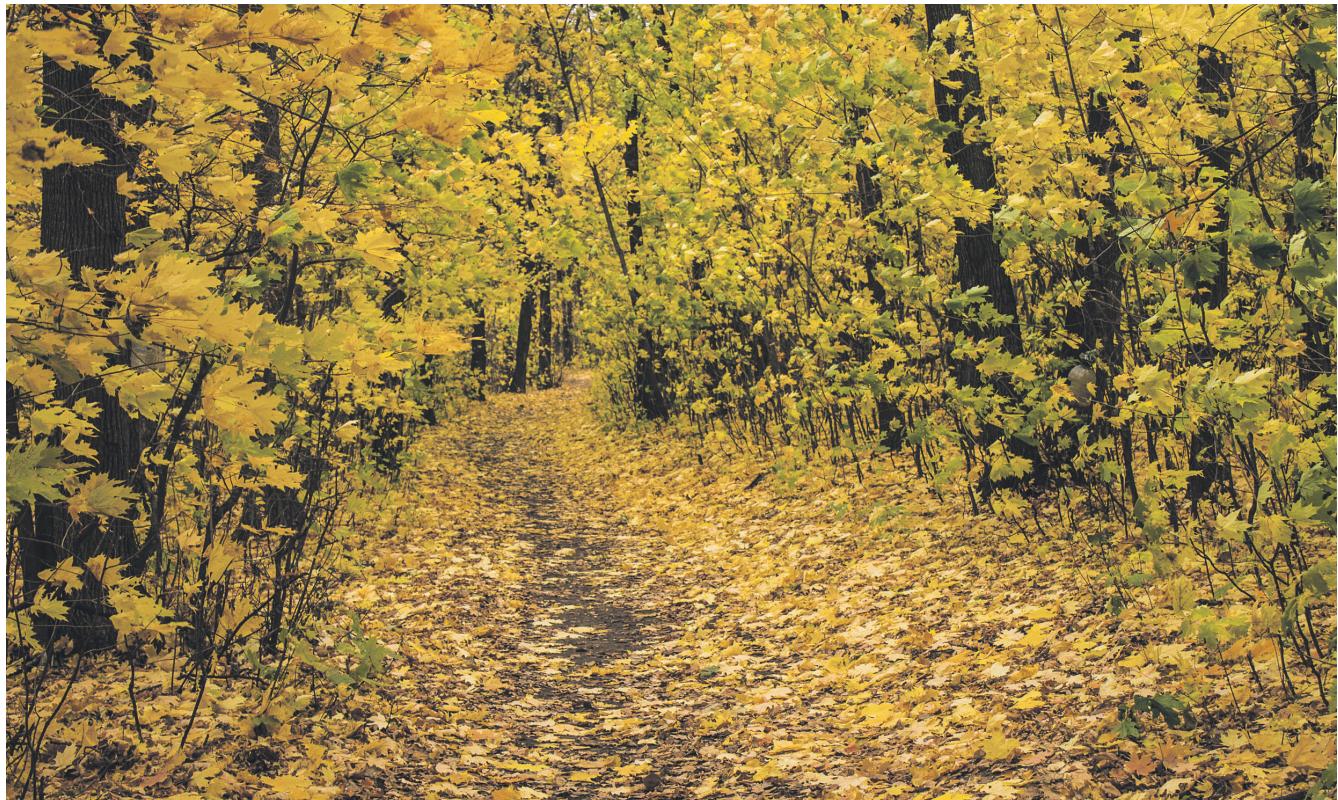

Актриса Маша Прыскина

«Сирано де Бержерак» – спектакль Ульяновского театра драмы

«ЗДЕСЬ ВОЗДУХ САМ ПОЭЗИЕЙ ПРОПИТАН...»
СИМБИРСКИЕ ФОТОГРАФИИ
АЛЕКСАНДРА ЧЕТВЕРКИНА

Кристина РОМАНЧЕВА

БЕРДНИКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

«В жестокой битве на Курской дуге росли мои неокрепшие крылья...»
В.Ф. Бердников

23 августа 2018 года в Больших Ключицах в третий раз состоялся Бердниковский литературно-патриотический фестиваль. В этот же день была проведена торжественная церемония присвоения имени фронтовика Василия Федоровича Бердникова Большеключицкой взрослой библиотеке.

Неслучайно для фестиваля была выбрана эта дата, 23 августа отмечался День воинской славы в России – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве в 1943 году. В парке собрались участники праздника: жители Больших Ключиц, дети и взрослые, руководство района и гости из Ульяновска. Торжественную церемонию открыл председатель Совета ветеранов Ульяновской области Сергей Николаевич Ермаков. С приветствием к собравшимся обратились также глава муниципального образования Ульяновского района Владимир Борисович Кузин и глава администрации муниципального образования Ульяновского района Сергей Олегович Горячев. Состоялось торжественное вручение свидетельства о присвоении Большеключицкой взрослой библиотеке имени

Василия Федоровича Бердникова заведующей библиотекой Марине Михайловне Беловой. От имени ОГБУК «Дворец книги» библиотеку поздравила заведующая отделом развития Областной научной библиотеки им. Ленина Вера Петровна Долматова.

Праздник посетил внук Бердникова – Василий Николаевич. Состоялась торжественная церемония возложения цветов к памятнику погибшим воинам. В ходе фестиваля работали интерактивные и информационные площадки. Это мастер-классы «Танки», «Небесные ласточки» и «Гвоздика памяти», выставка «Реконструкция боя» и выставка картин Татьяны Федоровичевой. Кроме того, на литературной площадке выступили гости праздника, ульяновские поэты – Елена Кувшинникова, Александр Тимаков, Александр Дашко, Вера Долматова, Александра Фомиченко, Татьяна Федоровичева. В этот торжественный день также наградили школьников – победителей литературно-патриотического конкурса «Никогда не забудется прошлое». Лауреатами стали: Арина Загорнян, Наташа Дореева в номинации «Я на холсте напи-

Для справки:

Василий Федорович Бердников родился в 1921 году в селе Большие Ключици Ульяновского района Ульяновской области. Умер 8 января 2017 года. В.Ф. Бердников – участник Великой Отечественной войны, поэт, учитель русского языка и литературы, жил и работал в Больших Ключицах. Как фронтовик, участник Курской битвы, стрелок-радист летного экипажа проводил большую военно-патриотическую работу среди школьников.

шу о войне», Юлия Дырочкина в номинации «Я хочу, чтобы все это помнили», Земсковы Елизавета и Матвей. За активное участие в конкурсе «Никогда не забудется прошлое» диплом вручили реабилитационному центру «Восхождение».

На празднике выступил коллектив «Родные напевы» под руководством Бориса Трусова, который подарил зрителям много душевных песен, а также выступлением порадовали самые юные артисты – студия «Арлекино», солист группы «Соловушка» Матвей Гиятов. Стихи и песни тронули слушателей, а танцы маленьких ребят вызывали улыбку и умиление. Литературно-патриотический фестиваль прошел ярко и разнообразно.

Фото Екатерины Чичайкиной.

*Продолжение.
Начало в журнале «Симбирскъ» №8 – 2018.*

Камиль ЗИГАНШИН, Уфа

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

повесть

ЧАСТЬ II
ТОП

Стреляя в зверей, мы стреляем в свои души

Глава 14 **Ермил. Спасение росомашат**

Дед Ермил, несмотря на то что уже не единожды давал зарок завязать с промыслом, как только открывался сезон, начинал метаться по дому. В конце концов не выдерживал и уходил в тайгу, обещая жене, что лишь на пару недель, душу отвести. Но никогда не держал слово. Вот и нынче, хотя в его меховой копилке было уже девять соболей и пора было в Верхи, да и суставы разболелись так, что по утрам, прежде чем подняться с нар, по полчаса массировал колени и поясницу, старый охотник все же решил продолжать охоту, дабы довести счет до пятнадцати хвостов. Тогда уж никто не скажет, что Ермилу пора на покой.

Но верно в народе говорят – человек предполагает, а Бог располагает. Вечером у него начались страшные рези в животе. А стоило съесть чего-нибудь, даже просто выпить чайку, так боль становилась нестерпимой. Похоже, открылась давно забытая язва. Два дня лечился травами, но ему становилось все хуже и хуже. Надо было срочно выбираться в жилюху.

Отправился в путь налегке – взял лишь шкурки соболей и несколько сухарей. В село вошел в середине ночи. Как ни странно, в его избе теплился огонек.

– Батюшки! Неужто чует, что иду? – обрадовался Ермил.

Как только стукнул калиткой, дверь отворилась. Маленькая, придавленная годами жена всплеснула сухонькими ладошками:

– Господи! Слава Богу, живой! Чего только не передумала – сны плохие видела.

– Не зря видела. Чтой-то совсем плохо мне, мать. Еле дошел.

– Может, сбегать Степу разбудить?

– Угомонись. Утро вечера мудренее... Динке лучше поесть дай...

К утру деду похужело, и Степан отвез его в город в больницу.

Прощаясь, отец сказал:

– Сынок, похоже, я тут надолго. Ты уж сходи, сбери мои капканы, да пасти с кулемками опусти.

– Не волнуйся, батя. Все сделаю. Ты, главное, поправляйся.

* * *

Сразу же выбраться на отцовский участок Степану не удалось. Все время задерживали какие-то дела. Попал уже в марте. На первом путике снял трех соболей и одну норку. Вернее, только ее переднюю часть: сохранилось то, что находилось в воде. Остальное мыши съели. На втором в кулемки угодила пара огненно-рыжих колонков. Третий, последний, путь – Ермиловский угол – был самым длинным, но из семидесяти ловушек порадовала только одна пасть, стоящая в самом конце у «чайного» родника. Уже издали было видно, что самолов сработал. Степан непроизвольно прибавил шаг. Однако пасть оказалась пуста.

По остаткам шерсти на бревне и уже оплывшим под солнцем следам охотник определил, что в ловушку угодила росомаха. Сильный зверь сумел выбраться из-под тяжелого давка и, оставляя на снегу борозду (со стороны казалось, будто протащили мешок с песком), уполз в сторону скалистого нагорья.

По характеру следа Степан понял, что у зверя не действовали задние конечности. Это обнадеживало: значит, ушел недалеко! Однако, к удивлению опытного охотоведа, ему пришлось, несколько раз теряя и вновь находя борозду, идти три километра, прежде чем она уперлась в зажатую между каменных глыб снежную нору. Овал лаза от частого посещения был отполирован до блеска.

– Ах вон оно что! К детям ползла.

Степан принял топором вскрывать канал, но никак не мог добраться до жилой камеры. Выручил Мавр – его чуткое ухо что-то уловило и пес, дрожа от возбуждения, принял раскапывать сугроб метрах в пяти от Степана. Тот бросился на помощь.

Когда истончившийся купол обвалился, охотовед увидел шерстистый ком. Степан отпрянул было, но ком не шелохнулся.

В голове пронеслось: «Мертвая! Где же детеныши?».

Шерстинки посреди шубы слегка зашевелились. В густом меху охотовед нашупал двух щенят. Отощавшие малыши едва слышно пищали. Они были так слабы, что, когда пытались поднять головки, их начинала сотрясать неудержимая дрожь. Тем не менее лобастый щенок открыл пасть и даже попытался оскалиться. Второй, напротив, смотрел доверчиво, с надеждой.

Малыши были такими худыми, что сквозь нежную шубку прощупывалось каждое ребрышко и улавливался стук сердца. Вид крошек растрогал охотоведа. Он, как никто другой, понимал: еще день-два, и им конец.

– Давайте-ка сюда, заморыши! Тут тепло! – Степан сунул малышей за пазуху.

Затем вытащил из норы и росомаху. Увидев, что та без хвоста, ахнул:

– Батюшки, старая знакомая!

Придя в зимовье, Степан растопил железную печь, развел в кружке с горячей водой сухое молоко и налил его в пластиковую бутылку. Пометавшись в поисках подходящей соски, отрезал от кожаной перчатки мизинец и, проткнув шилом дырку, надел на горлышко. Выпив теплого молока, малыши подняли тупые мордочки и запищали, требуя добавки. В итоге каждый выхлебал граммов по триста.

– Сколько ж дней вы, ребятки, голодали?! – оглядывая росомашат, произнес Степан. Сознание того, что он спас их от смерти, наполнило его сердце радостью. Вернувшись домой, первым делом спросил жену:

– Вера, ты не знаешь, у кого в деревне ощенилась сука?

– На что тебе?

– Да вот росомашат на отцовском участке подобрал. Мать померла. Пристроить надо.

Степан вынул из-за пазухи найденыш.

– Ой, какие хорошенъкие! – воскликнула жена.

– В рубашке, похоже, родились. Пока ты ходил, у нашей Натальи Аська ощенилась. Что интересно, один из щенков – копия твой Мавр.

Степан вздохнул с облегчением: его двоюродная сестра Наталья – добрый человек. Уж у нее-то росомашата не пропадут.

Дверь открыл муж сестры – Николай. Этот поджарый, жилистый мужик объявился в поселке лет пять назад после отбытия срока в колонии. Человеком он оказался мастеровым и безобидным. Сойдясь с вдовой Натальей, жил тихо: рыбачил, плотничал по дворам, частенько помогал отцу Сергию. Это он вырезал из сосновых плах Царские врата и обрамление для иконостаса. Как бы оправдывая свою необычную фамилию Пуля, делал он все быстро и ловко.

Степан показал Николаю спящих в корзинке малышей.

– У них мать погибла. Вера сказала, у вас Аська ощенилась. Возьми, пожалуйста. Выкормить надо.

– Щенки-то чьи?

– Росомахи.

Николай напрягся.

— Я, конечно, не охотник, но слышал, что росомаха вредный зверь. Мол, в тайге она главный мародер, чуть ли не подручная сатаны. Даже...

— Зачем всех слушаешь? — перебил раздраженно Степан. — Если что интересно, у меня спроси. Про любого зверя расскажу. На самом деле росомаха очень даже полезный и разумный зверь. А главное — необходимый тайге.

— Ну ладно, коль так. А долго выкармливать?

— До осени. Потом на зообазу сдадим. На росомах всегда большой спрос.

— Айда! Попробуем Аську обмануть.

Пуля взял росомашат и, обсыпав их сенной трухой, устилавшей пол хлева, сунул их прямо к брюху собаки. Та тщательно обнюхала пополнение. Запах не чужой, но ее малышами не пахнет. Зарычала было на всякий случай, но голодные росомашата уже успели прилепиться к соскам. Материнский инстинкт не позволил лишать их пищи. Тем более что потягивали они до того жадно и энергично, что Ася даже задремала от блаженства (ей нравилось, когда так активно опустошались ее сосцы).

Перед уходом Степан наклонился и ласково погладил собаку.

— Умница! Спасибо тебе.

После живительного сна росомашата сели и зазирились: куда это они попали? Вокруг светло и просторно, рядом на мягкой подстилке копошатся незнакомые щенки. Вместо темного косматого живота перед ними вздымался белый и довольно гладкий. От него не пахло матерью. Все чужое. Зато тепло и сытно! Но где же мама?!

Тут что-то заскрипело, и стало еще светлей. Над ними склонился большой зверь. Лобастый предупредительно ощерился. Наталья, а это была она, осмотрев малышей, запричитала:

Бедняжечки! Какие вы худенькие! Ну ничего, я вас откормлю, вы только кушать не ленитесь.

Мелодичные звуки издаваемые незнакомкой и нежные прикосновения были до того приятны, что по телу росомашат пробежала сладкая дрожь.

За месяц найденыши окрепли и освоились. Теперь они не лежали часами под боком Аськи, а резво бегали по двору, участвовали в общих играх и потешных потасовках. Лобастый в азарте подчас так злобился, что горлышко начинало дрожать от хриплых звуков, и игра переходила в драку. Николай с Натальей от души смеялись, видя, как неуклюже переваливается на бегу с лапы на лапу убегающий от него брат. За эту комичную походку они назвали его Топом.

Добродушный малыш всем улыбался. Кто-то возразит: «Росомаха не может улыбаться!». Ну да, не может. А вот Топ мог, причем так искренне, что ему тоже начинали улыбаться в ответ.

Несмотря на упитанность, он в этой дворовой команде был самым подвижным и любопытным. Вскоре Топ знал в лицо обитателей не только человечьего логова, но и большинство соседей. Его удивляло то, что на них нет теплой, пушистой шерсти. Еще больше удивляло пристрастие людей к ходьбе на двух лапах. Он тоже так умел, но на четырех-то удобней и быстрей.

Топ различал двуногих не только по внешнему виду, но и по голосам. Грубые, хриплые принадле-

жали самцам. У самок голоса были нежнее и мягче. Особенно приятный был у пышнотелой коротышки, кормившей их.

Запахи, шедшие от нее, приветливый взгляд говорили: ее не надо бояться, ей можно доверять. Выражая свою симпатию, Топ частенько покусывал мягкие пальцы кормилицы, а во дворе, не отступая ни на шаг, пугался под ногами. Тут же постоянно крутилась коза Манька. Она все норовила пожевать подол юбки. Топ из ревности запрыгивал козе на спину и, больно кусая загривок, отгонял подальше.

Поскольку молока у Аськи на всех не хватало, Коротышка стала подкармливать малышей кашами. Больше всего накладывала увальню Топу. Она же приучила его есть хлеб. Однажды, отщипнув кусок от еще теплого каравая, протянула его любимцу, ласково воркуя: «Ешь, Топушка, ешь!». Малыш опасливо обнюхал необычное угощение и отвернулся: запах приятный, но пробовать страшно.

— Глупенький! Это так вкусно! — Наталья демонстративно откусила кусочек и, аппетитно чмокая губами, снова протянула хлеб малышу.

Топ последовал красноречивому примеру, а разжевав, весело покачал хвостом: «Вкусно! Еще!».

Восхищенная понятливостью малыша, Наталья потрепала его за ушами: «Умница!» — и протянула кусочек побольше. Когда она попыталась также подкормить и приголубить Лобастого, тот сердито заурчал и попятился.

С того дня любимым лакомством Топа стал свежеиспеченный хлеб. Когда хозяйка пекла его и по двору расплывался пьянящий хлебный дух, он в ожидании теплой краюхи садился у двери, терпеливо дожидаясь угощения.

Со временем щенкам и росомашатам начали давать мясо, рыбу. При «дележе» лучший кусок, как правило, отхватывал Лобастый.

— Знатный добытчик из него выйдет, — заключила хозяйка.

— Не спеши. Дай клыкам вырасти, тогда посмотрим, — возразил муж.

Если Топ был общительным и дружелюбным, одним своим видом вызывал улыбку, то Лобастый постоянно демонстрировал свой недоверчивый и нелюдимый характер. Не дай бог кому-нибудь взглянуть на него в упор. Он тут же начинал злобно скалиться и рычать.

Топ, наоборот, сам тянулся к людям. Когда Наталья с Николаем разговаривали, он потешно наклонял голову, как будто пытался понять их. И, судя по его поведению, он действительно кое-что понимал. Если ему говорили: «Не хулигань!» — он отходил с виноватым видом, а когда говорили: «Молодец!» — подпрыгивал, восторженно виляя хвостом. И с каждым днем количество слов, на которые он разумно реагировал, росло.

Топ был любимчиком не только благодаря сме-калке и добродушию, еще и потому, что в нем, несмотря на полноту и обманчивую неуклюжесть, чувствовался крепкий внутренний стержень. У него были хорошие, ровные отношения со всеми, но признавал он только Пулю, Наталью и высокого двуногого, с «мордой», густо заросшей кудрявой шерстью, — Степана.

Тот навещал найденышней вместе со своим гро-

мадным псом, которого Топ запомнил, поскольку он был увеличенной копией его лучшего друга — Амура, тоже белого, с черными лапами пса. В этом сходстве не было ничего удивительного — Мавр был отцом Амура.

В очередной раз осматривая росомашат, Степан сказал Пуле:

— Поразительно, что Топ такой покладистый. Для росомах это нехарактерно. Почти все изучавшие и наблюдавшие их биологи отмечают агрессивность, необщительность этих зверей. Думаю, что, кроме присущего ему от рождения доброго нрава, этому способствовало то, что он попал к нам с сунком. А вот брат никак не раскроется. Жесткий характер. Два брата, а какие разные... Все как у людей.

— Ты, Степан, оказался прав: врут охотники про росомах. Сколько я за этими мальцами наблюдаю — ничего худого не заметил. Наоборот, по чистоплотности и вовсе всем пример. Вылизываются часами, в туалет ходят в одно и то же место.

— А ты все — дьяволы, дьяволы! Какие ж они дьяволы? Мы ведь их сами злобим. Помнишь, к моему бате одна повадилась? Так он же сам виноват — стрелял ее. Вот и мстила.

Мужики помолчали, думая каждый о своем.

— Николай, а ты не хочешь охотой заняться? — неожиданно спросил Степан. — Наши на пушнине и мясе хорошо зарабатывают. Участки свободные есть. Сейчас два пустует.

— Да нет. Не лежит у меня к этому делу душа. Курицу-то зарезать не могу.

— Понятно... Мне это знакомо...

* * *

Если Топ радовался всем и всему, то хитрован Лобастый был всегда сосредоточен, себе на уме. Как только хозяйка уходила из дома, он подсовывал когти под дверь и рывком открывал ее. Прокравшись на кухню, хватал, что глянется, и уносил добычу под кровать или за печь, где втихаря съедал. Когда маленького «медвежатника» застукали и попытались наказать, он принял такой покаянный вид, что гнев уступил место с трудом сдерживаемой улыбке.

Этот разбойник был до такой степени ушлым, что даже научился открывать холодильник.

Однажды он все же крупно проштрафился. С такой силой дернул нижнюю, запертую на замок, дверцу горки, что стоявшая на верхних полках посуда повалилась на пол. На грохот разбившихся тарелок, чашек и рюмок вбежала хозяйка. Копившаяся десятилетиями посуда, частью оставшаяся еще от родителей, превратилась в груду осколков. В сторонке стоял, понурив голову, Лобастый. И хотя его взгляд выражал глубокое страдание, тут даже добросердечная Наталья не сдержалась и в гневе высыпала разбойнику на крыльце.

После этого случая входную дверь в летнюю кухню и избу стали запирать на двухстороннюю задвижку. Во дворе же «молодежь» ни в чем не ограничивали. Они устраивали потешные схватки, погони. Когда солнце особенно сильно припекало, отлеживались в тени.

Лобастый к общим играм и вылазкам присоединялся редко. Как правило, разгуливал в одино-

честве или отлеживался под крыльцом. Топ же с подросшими щенками, можно сказать, сроднился. А с Амуром они даже ночью не расставались: спали, прижавшись друг к дружке.

В четыре месяца росомашата хоть и не достигли размеров взрослых особей, но окрас меха уже ничем не отличался: буро-коричневая спина, та же подковообразная шлея от основания хвоста до предплечья. Ноги от ступней до колен в черной блестящей шерсти. Только у Лобастого, в отличие от брата, спина была намного светлей и по цвету почти сливалась со шлеей.

Степан частенько заходил и осматривал росомашат. Когда очередь доходила до Лобастого, Пуля предупреждал:

— Поосторожней! Он, черт такой, может и тяпнуть. Его и сдашь на зообазу. А Топа я оставлю. Привязались мы к нему. Особенно Наталья. Ласкун такой, умница!

— Да уж! Звери, как и люди, всяк со своим характером.

Глава 15

Рыбак

Пуля со временем стал неплохо понимать издаваемый Топом стрекот, урчание. Когда выходил из дома в громадных черных сапогах и приветствовал всех словами: «Кто сегодня со мной?» — Топ, комично мотая головой, тут же бежал к калитке и радостно стрекотал. Он знал: сейчас хозяин достанет из сарайя длинные гибкие палки, пахнущую рыбой брезентовую сумку и они пойдут на озеро или речку. Однажды Пуля ушел на рыбалку один. Так Топ до

того разобиделся, что забился за поленницу и, как ни пытались его выманить, просидел там до ночи.

Отец Сергей тоже любил порыбачить и, когда возвращался с уловом, всегда заворачивал во двор Николая Николаевича, чтобы угостить росомашат мелочью (специально оставлял для них). А случались и такие особенные дни, когда на рыбалку отправлялись все вместе: священник, Николай и Топ. Если Николай был занят (кому-то крышу перекрывал, ставни менял), а батюшка отправлялся на рыбалку, то он непременно брал с собой и Топа. Вот и нынче был такой день.

Выходя к излучине с глубоким омутом, отец Сергей бросил в воду ком каши и забросил удочку. С этого момента понятливый Топ не сводил с поплавка глаз. Увидев, что тот заиграл, вытянувшись в струну, подался вперед. Когда батюшка стал подтягивать бьющуюся рыбу к берегу, не выдержал — прыгнул в воду. Первый раз отца Сергея это умилило, но, когда с крючка сошло подряд два голавля, он шуганул «помощника». Расстроенный росомашенок ушел за прибрежный ивняк. Вскоре оттуда донесся шумный всплеск.

— Щука, что ли, играет? Надо бы живца там закинуть, — подумал батюшка. Обогнув заросли, он увидел Топа, доедавшего рыбку на торчащей из воды коряге. — Откуда он ее взял?

Притаившись, отец Сергей стал наблюдать. Недалеко от коряги плавал размякший кусок хлеба. Вокруг суетилась мелочь. Как только появилась рыба покрупнее, Топ резким движением выхватил ее из воды.

«Вот это да! Сообразительный, чертняка!» — подивился батюшка и тихонько вернулся на свое ме-

сто. Минут через десять росомашенок подошел к священнику с очередной добычей в зубах. Положив ее у ног, застенчиво отвернулся.

— Ай да молодец! Меня обловил! — похвалил отец Сергий, а про себя подумал: «И чего это ученые мужи пишут, будто звери разума не имеют? Создатель никого не обидел. Это мы самовольно возвысили себя над всем живым. Понимать, чувствовать божьих созданий не желаем».

Невольно припомнился недавний курьезный случай. Церковь в Верхах приземистая, а вот колокольню Пуля срубил высокую. Народ радовался, когда на праздник и после литургии благостный звон начинался. Селяне душой воспаряли. Как-то утром, еще и коров не выгнали, ни с того ни с сего по селу понеслось: «Бом-бом», потом опять: «Бом! Бом!». Что такое? Балует, что ли, кто?

Вышел и увидел, что на перилах колокольни вороны сидят. Некоторые важно прохаживаются. А одна со всей силы за веревку дергает. Пришлось подняться. Прогнал всех. Только спустился — опять: «Бом! Бом!». И не одна ворона — сразу две за веревки тянут. Дернут, отойдут, другие подходят. Так по очереди и звонят. Вот ведь до чего додумались! После этого, чтобы непорядок пресечь, веревки внахлестку к перилам стали привязывать.

* * *

Благодаря необычайно тонкому обонянию и слуху Топ лучше всех щенят ориентировался в изменчивой обстановке и мало-помалу приобрел такой авторитет, что его стали признавать вожаком.

Природная наблюдательность помогла ему понять, что прямоходящие отличаются друг от друга характерами. Потому и пахнут они по-разному. Внюхайся — и не останется никакой загадки. Его хозяин, например, судя по запаху, справедлив и добр: если провинился, может отругать, а отличился — дать что-нибудь вкусненькое.

Как-то, вернувшись с рыбалки, Топ не нашел во дворе брата. Это не удивило его: и раньше бывало, что Лобастый пропадал до вечера. Но шли дни, а тот так и не появлялся. Хотя они и не были дружны, Топ скучал, пытался даже искать брата, но безуспешно. Неудивительно — охотовед увез его в город.

Глава 16

Первая охота

Подошло время, когда Топ начал смутно сознавать, что мир, в котором он живет, не его мир. Что его настоящий дом — в лесу. Он был уверен, что именно туда ушел и брат. Теперь, когда его брали на рыбалку, он не следовал, как прежде, по пятам за двуногими, а, сворачивая с тропы, с каждым разом все глубже забирался в таинственную чащу.

Как-то рядом с ним из-под листвьев вынырнул зайчонок. Перебегая короткими рывками, он вздрогивал и надолго замирал, приюхиваясь дрожащим от страха носиком. Увидев громадного зверя, малыш бросилась наутек, однако Топ оказался прорней.

Схватив зубами бархатистый шарик, он съел свою первую добычу. В другой раз на него выбежал бурундук и изумленно уставился черными глазками-бусинками. Топ попытался схватить его, но стоило ему шевельнуться, как тот исчез: вроде только что был, а уже нет!

Набегавшись вволю, росомашенок возвращался к рыбакам.

Настал день, когда он отважился на самостоятельную вылазку. Верный ему Амур следовал рядом. Углубляясь в лес все дальше и дальше, друзья рыскали по чащобе, взбирались на скалы. В заросшем молодыми сосенками горельнике тонкое обоняние Топа уловило волнующий дух. Память предков подсказала, что это запах большого зверя. Свернув на него, он вскоре увидел торчащие из травы беловатые кончики рогов, вздувшийся бок лося.

Топ был потрясен — впервые видел столько мяса сразу. И все оно принадлежало ему и Амур. Это он нашел его и теперь никому не отдаст свою добычу! Молодой хищник наелся так, что живот стал похож на туго накаченный шар. Амур же не стал даже пробовать. Понюхав, сморщил нос и улегся с наветренной стороны. Топ никак не мог понять, почему его друг отказывается от такой вкуснятины.

Через день, вспомнив про гору мяса, росомашенок отправился к ней один. Но в этот раз пообедать не удалось. У туши пировала стая волков. Один из них, заметив Топа, грозно оскалил окровавленные клыки и, наклонив голову, сделал предупредительный шаг в его сторону. Топ понял, что ему лучше уйти. Так он узнал, что в лесу есть звери посильней его и их лучше сторониться. Возвращаться к двуногим не хотелось. Хозяйка, конечно, добрая и ласковая, но похлебка, которой его кормили, порядком надоела. Молодой организм хищника требовал мяса. Так что надо было искать новую поживу. Вскоре Топ набрел на заросли сочной, спелой малины. Ягоды выглядели столь аппетитно и от них исходил такой соблазнительный аромат, что он решил попробовать их. Пасть заполнила сладость. Топ ел и ел мягкую вкуснятину до тех пор пока его не затошили...

Для Топа это было важное открытие: оказывается, в лесу, кроме мяса, есть и иная пища. Радуясь съесты и свободе, он прилег на прогретую солнцем каменную глыбу недалеко от малинника. В какой-то момент боковым зрением засек вылезавшего из норы остромордого зверя.

— Вот это добыча!

Разглядев, что тот заметно крупнее его, Топ заскользил: стоит ли связываться? Но внутренний голос ободрял: не бойся, вперед! Сам того не ожидая, он резко развернулся и что есть силы застремился. Этот боевой клич пробудил в нем дремавший дух хищника. Барсук, а это был он, дрогнул и стал пятиться. Еще раз окинув оценивающим взглядом приземистого, плотно сложенного толстяка в североватой, отливающей серебром шубе, Топ опять засомневался — одолеет ли? Но охотничьи инстинкты уже завладели им: он ринулся в атаку. Барсук,

¹¹ Пестун — медвежонок предыдущего помета (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

проявив неожиданное проворство, пронзительно вереща, в три прыжка достиг лаза и скрылся в подземном убежище.

Эта неудача стала очередным уроком для Топа: возле норы нападать бессмысленно. Нужно дать намеченной жертве отойти от входа подальше и атаковать, перекрыв путь к отступлению.

Определив направление ветра, он залег в отдалении, но так чтобы был виден выход из норы. Потянулись часы ожидания. Сумерки медленно густели, звезды замерцали, как глаза невидимых зверей. Топ заметил за ними удивительное свойство: если задремлешь, то когда откроешь глаза, они оказываются в другом месте. По этим небесным светлячкам он впоследствии научился определять время. Днем делал это по солнцу.

«Когда же этот толстяк выйдет?! Так хочется есть! – страдал Топ, но тут же сам себя успокаивал. – Терпение! Терпение!».

Наконец белесая голова с черными полосками по обеим сторонам морды высунулась из норы. Оглядевшись и ничего подозрительного не приметив, барсук поковылял по косогору к ручью. – Пора!

Нагнав увальня, Топ с парализующим волю ревом запрыгнул на него сзади. Сомкнув клыки на шее, он вскоре почувствовал, как слабеет сопротивление жертвы... От ярости и непривычного напряжения челюсти свело судорогой. С трудом разомкнув их, он ощущал такую бьющую через край радость, что, издав счастливый стрекот, несколько раз высоко подпрыгнул над заслуженной добычей.

Никто никогда не обучал его охоте, а вот получилось! Для Топа стало откровением то, что мясо, добытое в борьбе, гораздо вкусней. Он решил не возвращаться к людям.

Услышав на следующий день голос хозяина: «Топ! Топ! Ау! Топ! Ау!» – он понял: его ищут! Хотел было побежать навстречу, и уже даже рванулся, но что-то остановило: понял – его дом здесь.

Однако не все в его новой жизни было легко и гладко. Уже на следующий день рысь отняла у него остатки барсука. Топ был молод, его мускусная железа, извергающая обезоруживающую струю, еще не созрела, а силенок противостоять крупной, поджарой кошке не хватало. Возмущенно урча, он удалился. Но голодать не пришлось: мясо беспечной куропатки оказалось даже вкусней барсучьего.

Без устали рысская по лесу, зверь учился различать звуки леса. Голоса пернатых подсказывали ему, где добыча, где опасность. А по тому, как бежит тот или иной зверь, Топ стал понимать, спасается тот или сам кого-то преследует. Вот и сейчас мимо него размашистой рысью пронеслись лоси. Все ясно! Кто-то их потревожил. Точно – вон и волки показались.

Поохотившись и нагулявшись, Топ отправлялся отдыхать на ближайшее продуваемое возвышение. Дремал, правда, чутко и при малейшем шорохе зорко осматривался, принюхивался, прислушивался. Однажды, нежась на обрывистом берегу, он услышал громкий треск сучьев. Из леса на плес вышла медвежья семья: мамаша, пестун¹¹ и медвежонок. Широколобая медведица с колышущимися от жира

боками и широкой спиной показалась Топу громадной глыбой. Ступала она сосредоточенно, лишь изредка бросая исподлобья взгляды по сторонам. Когда семейство подошла ближе, он разглядел выглядывающие из пасти мамаши желтые кончики клыков.

Покачивая головой в такт шагам, она вела своих деток к шумному, заваленному валунами порожку, соединяющему верхний и нижний плесы. Перейдя пенистый поток, медведица, уверенная, что пестун поможет братишке, направилась по травянистому косогору в лес. Но тот, не останавливаясь, побежал следом. Малыш же, напуганный шумом пенящейся воды, остался скулить на берегу.

Топ ожидал, что мать бросится ему на помощь, но ошибся. Медведица подскочила к пестуну и отвалаила ему такую затрещину, что тот кубарем покатился к реке. Урок пошел впрок: пестун, прыгая по мокрым валунам, подсобил братишке перейти порожек.

Ошалев от первых успехов, Топ настолько осмелел, что решил попытаться завалить лосенка, жившего с мамашей в затянутом молодью горельнике. Но как к нему подступиться? Лосенок всегда следил в двух-трех шагах от матери, а подставляться под удары ее мощных копыт Топу не хотелось.

Как-то, наблюдая за ними в отдалении, Топ увидел, что лосиха спрыгнула с крутого яра к воде, а малыш залег в траве. Тут уж молодой хищник не устоял. Заметив приближение бурой торпеды, лосенок, вместо того чтобы кинуться к матери, припал к земле и замер, чем и предопределил исход атаки...

Топ не стал сразу есть добычу. Сначала следовало успокоить рвущееся от ликования из грудной клетки сердце и насладиться сознанием своего могущества. Снизу донесся скрежет гальки. Это поднималась от ключа лосиха. Опьяненный победой, Топ приготовился было защищать добычу, но интуиция подсказала, что благоразумнее затаиться. Он быстро вскарабкался на дерево и распластался на толстой ветви.

Ждать, когда лосиха оставит бездыханное дитя, пришлось долго. Зато потом молодой разбойник столовался безбоязненно. Отдыхать заполз под буреломный отвал: там было прохладно. Но прежде, чтобы на жаре остатки недоеденной добычи не портились, перетащил все к ключу. Притопив мясо в родниковой воде, завалил его сверху валунами.

Всласть поспав, Топ потянулся во всю длину. Оттягивая задние лапы, широко зевнул, сощурив черные глазки и, взобравшись на поваленный ствол, прошел по прогретой коре. Еще несколько мощных прыжков, и он, перелетев кусты, оказался на уступе скалы. Отсюда удобно было обозревать окрестности.

Вдали за отрогом поблескивал край озера. Где-то там живут его кормильцы и верный друг – Амур. В глазах Топа мелькнула грусть, но окружающий простор, сознание того, что он может сам решать куда идти, чем заниматься, и припрятанная гора мяса не оставляли сомнений – он сделал правильный выбор!

Глава 17

Трагическая ошибка

Прошел год. Незаметно подкралась очередная слезливая осень. Топ возмужал и чувствовал себя на оконтуренном пахучими метками участке полно-правным хозяином. До совершенства отточив умение выслеживать, ловить и умерщвлять добычу, он редко голодал.

Погожие дни сменились ненастными. По небу лениво ползли низкие, лохматые, наполненные влагой тучи. То и дело начинал сеять мелкий, нудный дождь. Топ спасался от него под старыми елями – их покатые шатровые кроны не пропускали ни капли.

По утрам траву в распадках выбеливал иней. Заморозки с каждым днем крепчали. Отряхнули ржавый головной убор деревья. По оголившейся тайге свободно загулял стылый ветер. А вскоре и водоемы начали затягиваться тонким, стрельчатым ледком.

Ходить по лесу стало намного легче: траву прибили морозы, а листья осыпались. Теперь любое движение зверя и птицы бросалось в глаза, зато и сам Топ стал более заметным для тех, к кому подкрадывался. Приближение стужи его не страшило: пышная зимняя шуба была надежной защитой.

Иногда ему вспоминалось теплое логово вскоривших его двуногих, но ни разу, даже мимолетно, не возникло желания вернуться в него. Наоборот, хотелось расширить пределы освоенной территории. Разведать, какое там зверье и сколько его. Особенно манила трехгранная вершина, венчающая соседний, оскалившийся зубастыми скалами кряж. Однажды любознательный Топ не удержался и отправился к ней.

Поднимался не спеша, попутно заглядывая в самые буреломные места. На отдых устроился под каменным козырьком посреди склона.

Проснувшись, зажмурился от брызнувшего в глаза света: бурая еще вчера земля была покрыта белым, искрящимся в лучах солнца одеялом. Тайга хоть и посветлела, но стала гуще. Даже тоненькие веточки, облепленные снегом, выглядели теперь толстыми сучьями. Накрытые белой ризой, елочки разом подросли и торчали островерхими конусами. Воздушной мягкости пушинки привели росомаху в состояние восторга – Топ любил зиму. Еще бы! Ведь на снегу хорошо видны все следы, а это так помогает в охоте.

Он то и дело нюхал, подкидывал лапами невесомую массу. Потом зарылся по брови в ее толщу, с удовольствием хватая пастью холодные снежинки. Отфыркавшись, проурчал что-то радостное, восторженное. После этого целиком закопался в сугроб. Освежившись, чистоплотный зверь занялся чисткой шубы: елозил по снегу животом, переворачивался на спину, долго перекатывался с боку на бок. Завершив купание, отряхнулся. Да так мощно, что снежинки окутали его алмазным облачком. Чистые волоски распушились. Теперь при каждом прыжке мех перекатывался плавными волнами.

Зайцы и куропатки еще не успели сменить летний наряд на зимний и были хорошо заметны на белой пелене. Это еще больше облегчало охоту на них. Урожай шишек кедрового стланика в этот год

выдался богатым. Трескучие кедровки срывали с выступающих из снега веток шишечки и уносили каждая в свою «столовую». А под переплетениями гибких стволовиков сновали неугомонные мыши. Топ вынюхивал их подснежные ходы и безошибочно пробивал снег лапой именно там, где в этот момент находился шустрый обладатель бархатистой шубки. Добыча мелкая, но в начале зимы мышей было так много, что Топ некоторое время питался только ими.

* * *

Сосед Пули, самый фартовый промысловик госпромхоза, пятидесятидвухлетний Карп Силыч, завершив обход путика, размашисто скользил на лыжах к своей заимке. Несмотря на чувствительно пощипывающий мороз, у него было прекрасное настроение. Еще бы! Снял за день трех соболей. Одного – на подрезку, остальных – на приманку.

До избушки оставалось не более одной версты, как вдруг с ближнего кедра черным вихрем сорвался глухарь и спланировал в ельник, стекавший по склону темно-зеленой лентой. Наметанный глаз промысловика засек его характерный силуэт между качнувшихся зеленых лап.

«Подкова за одного глухаря платит, как за пятнадцать рябчиков. Грешно не воспользоваться. Если обойти справа, то под прикрытием деревьев можно приблизиться на верный выстрел», – рассудил Силыч и свернулся с лыжни.

Выщелив петуха, нажал на спуск. Краснобровый гигант, беспорядочно хлопая воронеными крыльями, закувыркался вниз, сбивая с ветвей комья снега. В последний момент он все же сумел выпрявиться и, медленно набирая высоту, потянул через курумник к соседнему ельнику.

Промысловик успел-таки пальнуть вслед. Промах! Расстроенный неудачей, рванул вдогонку. Выехав на присыпанные снегом угловатые глыбы, понял, что на лыжах курумник не проскочить. Скинув их, побежал, расчетливо прыгая по выступающим из снега камням. Тем временем глухарь отлетел еще дальше. Охотник, обзываая себя нелестными словами, прибавил ходу. И тут нога, соскользнув с камня, с хрустом провалилась в щель. Карп Силыч сгоряча попытался встать, но от пронзительной боли потемнело в глазах.

Перелом! Эта мысль обожгла сердце промысловика.

«Без паники! Бывает! Зимовье рядом. Доберусь! Надо только шинки наложить, иначе боль не даст двигаться, да и кость может сместиться», – успокаивал он себя.

Стиснув зубы, охотник осторожно подполз к торчащим из снега веткам кедрового стланика и вырубил тесаком шесть плашек. Ошкурив, просунул их по очереди под голенища меховых унтов и туго стянул ремнем. Пошевелил ногой – терпеть можно.

Теперь следовало добраться до лыж, оставленных на краю каменной россыпи. Силыч лег на живот и, толкаясь здоровой ногой, помогая руками, пополз. Лежащие в беспорядке глыбы оказались довольно серьезным препятствием. Выискивая удобные проходы, охотник постоянно менял направление. Запыхавшись, вынужден был скинуть рюкзак,

рядом воткнул ружье. Ползти стало легче. Добравшись до лыж, улегся на них и стал пробиваться к пущи. Когда выехал на до блеска укатанное полотно, заскользил намного быстрее. Теперь Сильч ругал себя за оставленные одностолку и рюкзак с соболями. Когда еще вернется?! За это время вездесущие мыши могут состричь ценный мех для утепления своих шарообразных спален. А его ружью вообще цены не было. На вид невзрачное, зато легкое, с резким, кучным боем. Да Карп Сильч и не гонялся за красотой. Наоборот, стволы, чтобы не блеснули на солнце и не выдали его присутствия, снаружи не чистил. Зато внутренность содержал в идеальной чистоте: концентрические кольца сияли так, что смотреть было больно.

Наконец начался уклон. Значит, речка близко, а там и зимовье. Промысловик облегченно вздохнул и вытянулся во весь рост, чтобы отдохнуть перед последним рывком. Восстановив дыхание, привстал на здоровое колено. Над руслом парила наледь. Она появилась с неделю назад и с каждым днем росла в размерах. Даже по сравнению с утром темная лента пропитанного водой снега заметно расширилась.

Вообще-то наледи в этих краях – обычное явление. Горные речки и ключи зачастую промерзают до дна и грунтовая вода, выпираемая внутренним давлением через береговой галечник, струйками стекает на лед. Тонкие пленки, раз за разом нamerзая, быстро наращивают его толщину. В итоге к концу зимы наледь может достигать двухметровой толщины, а то и больше.

Охотника встревожило то, что вдоль противоположного берега ползла со зловещим шуршанием ледяная каша. По всей видимости, пробился наружу мощный ключ.

«Ну и денек! Сначала перелом, теперь наледь поперла! Ее бы обойти сверху, но ползти по целине уже нет сил... Ну да ладно, как-нибудь одолею. Не сахарный, не растаю... Печь затоплю и обсохну», – решил Сильч. Уж очень хотелось ему поскорее в тепло. Он с надеждой глядел на белеющий в сумерках взлобок, на котором призываю чернела его избушка.

С берега промысловик съехал, как на санках. До середины русла тоже дополз легко. Дальше материнский лед на протяжении пяти-шести метров покрывала медленно ползущая «каша». Превозмогая боль, Карп Сильч встал на четвереньки и решительно зашел в нее. Он не знал, что под слоем мелкой шуги прячутся промоины, перекрытые слоями истонченного течением льда. Когда промысловик благополучно преодолел большую часть крошева, лед не выдержал, хрустнул, и правая рука провалилась по локоть в воду. Охотник оперся на левую, но та провалилась еще глубже: туловище почти целиком оказалось в воде. Острые кромки льда секли руки, но он не чувствовал боли: пока полз, они так закоченели, что из порезов даже кровь не выступила.

Собрав остатки сил, промысловик сумел-таки выбраться на материнский лед. Тело тряслось от перенапряжения и холода. Со стоящего на четвереньках охотника ручьями стекала вода. Сделав через силу с десяток неуверенных «шажков», Сильч остановился отдохнуть. Подняв голову он поглядел на совсем близкую избушку. Представилось, как совсем скоро

он растопит железную печурку и будет отогревать у докрасна раскаленного железного бока застывшие внутренности горячим чаем из чаги. От этих мыслей ему стало хорошо, тепло... Веки сами собой смыклились... Мороз тем временем крепчал...

Проснулся, будто от толчка. Попытался «пойти», но не тут-то было: не смог даже шевельнуться – руки и колени намертво примерзли ко льду, а мышцы так застыли, что не подчинялись командам. Что за чертовщина! Промысловику казалось, что прикрыл глаза всего на минуту. На самом же деле он простоял более получаса. На потемневшем небе уже проклонулись первые звезды.

Обездвиженный охотник от ужаса завыл на всю округу, но прийти на помощь было некому...

Глава 18 Странный двуногий

Освежая в очередной раз пахучие метки, Топ увидел на заснеженной полянке с десяток тетеревиных лунок. Тихонько ступая, он подкрался и прыгнул на крайнюю. Но не угадал – сама спаленка оказалась с другой стороны. Снег вокруг сразу вздыбился фонтанами взрывов выпадавших птиц. Заснеженный пенек под кустом тоже ожил: это был вовсе и не пенек, а притаившийся заяц. Когда он побежал, черный нос и черные кончики ушей выдали его. Топ был не настолько голоден, чтобы гоняться за быстроногим беляком, и отправился искать добывчу подоступней. Со стороны ключа донеслась гортанская перебранка воронья. А там где они, – там всегда пожива.

Выйдя к речке, он увидел черных пернатых, что-то долбивших железными клювами у противоположного берега. Несколько выше темнело логово охотника. Еще несколько ворон, сидя на снегу и на низко склонившейся березе, негромко переговаривались: то ли ожидали, когда освободится место, то ли уже наелись.

Птицы кормились без опаски. Правда, когда он приблизился, они, недовольно галдя, отлетели, и Топ увидел стоящего на четвереньках человека, наполовину вмерзшего в лед. Его зад был выклеван местами до костей. Подойдя вплотную, зверь обнюхал двуногого и застыл в замешательстве: это был запах человека, жившего рядом с его кормильцами. Топ отвернулся морду – есть человечье мясо ему не позволял генетический страх.

Зверь поднялся на берег и, обойдя избушку, убедился в отсутствии свежих следов. Зато на задах обнаружил десятки ободранных беличьих и собольих тушек.

«Так тут можно и пожить! Этого мяса надолго хватит!».

(Если б он знал, к каким последствиям приведет это решение, он обошел бы зимушку за версту.)

Съев за один присест двух мерзлых белок, довольный Топ побарахтался в снегу. После такой ванной его и без того блестящая шерсть заструилась, заиграла на солнце.

Безмятежно гостевал Топ здесь больше недели. Прожил бы и дольше, но в один из погожих дней с устя распадка донеслись скользящий шорох и поскрипывание лыж. Топ встал на задние лапы – ни-

кого не видно. Взобрался на макушку кедра. Сквозь хвою разглядел идущего по тропе человека. Всормленный людьми, Топ не испугался, но от этого двуногого исходила непонятная угроза. Он спустился с дерева и ушел в горы.

* * *

Сын Карпа Сильчика – Антон, работавший в Верхах мотористом дизельной электростанции, встревоженный тем, что отец на Новый год не вышел, договорился с напарником о подмене и отправился в тайгу. К избушке подходил на исходе дня. При виде бурого силуэта на речке сердце парня бешено заколотилось от страшной догадки. Спустившись на лед, он осталбенел. Перед ним на четвереньках стоял отец с обглоданным до костей задом. У Антона перехватило дыхание, горький ком подкатил к горлу. По многочисленным отпечаткам росомашьих лап вокруг избушки парень понял, что повинен в гибели отца.

Вырубив изо льда тело, завернул его в брезент и погрузил на стоящие у зимовья наряды. К этому времени совсем стемнело. Возвращаться в село было жутковато. Всю ночь Антон пил спирт, плакал, вспоминал отца. Впадал в тревожное забытье, а проснувшись, вновь пил, рыдал. Ни как не мог поверить в то, что такое могло случиться именно с его отцом – опытным промысловиком.

Утром, впряженный в сани, Антон повез скорбный груз домой. В дороге, сквозь непросыхающие слезы, заметил идущего по гребню увала косматого зверя. «Росомаха!!! За мной следит?». Парень невольно стиснул цевье ружья и прибавил шаг. Скорей бы добраться до села!

В теплой избе тело Карпа Сильчика за ночь оттаяло, и, когда его раздели, по шинам, наложенным на голень, селяне поняли, что у охотника была сломана кость, и к зимовью он не шел, а полз. Позже это подтвердил и бугристый след, приведший людей к ружью и рюкзаку. Посему у первоначальной версии появилось уточнение: кровожадная росомаха загрызла обессиленного и беззащитного человека в двадцати метрах от избушки.

Почему-то не обратили внимания на то, что у охотника ни на лице, ни на теле не было следов ни от зубов, ни от когтей. Репутация у росомах такова, что селяне легко согласились с вынесенным в первый же день приговором: убийца Карпа Сильчика – росомаха. Были все же и те, кто не поверил, но их не слушали. Макарыч и тот засомневался:

– Навряд ли это росомаха. Пакостливая, конечно, зверина, но не слышал, чтоб на людей нападала.

– Вас послушать – добрей росомахи зверя нет. Еще волков в друзья запишите, – огрызаясь Антон.

– Да при чем тут волки? Ты же видел росомаху, что у Пули жили. Вполне дружелюбные звери.

Глава 19

Месть

За неделю весть о том, что росомаха загрызла человека, облетела не только деревню, но и все охотничьи участки. Кто-то поверил, кто-то нет, но в разгар промыслового сезона, который кормит семью весь год, отвлекаться на облаву мужикам было

не с руки. С жаждущим возмездия Антоном согласился пойти лишь его одноклассник Михаил.

Горбушка солнца едва пробила горизонт, а парни уже шагали по заваленной снегом лесной тропе, по очереди пробивая лыжню. Шли молча и, лишь пройдя километра три, сели на поваленный ствол передохнуть.

Настороженно прислушиваясь к шебуршащим по березовой коре поползням, прикидывали, где может находиться росомаха. Сошлись на том, что она, скорее всего, на гряде, на которой ее видел Антон. Поднявшись на нее, сразу наткнулись на старые росомашьи следы. А спустившись в долину соседнего ключа, обнаружили и свежие.

– Сытая, – уверенно заключил Антон.

– С чего ты взял? – удивился товарищ.

– Отец ведь из меня охотника хотел сделать. Всегда рассказывал о повадках зверей. Голодный зверь к каждому кусту, к каждой валежине подходит, обследует, а этот прямо тянет.

Только начали тропить, как на них выскочил лось. От неожиданности он на миг оцепенел, а когда сообразил, что надо бежать, и стал разворачиваться, две пули с глухими шлепками вошли в подставленный бок. Одна из них, как потом выяснилось, пробила сердце. Тем не менее лось пробежал еще метров сто. Лишь перед подъемом на косогор ткнулся в сугроб.

Разделав непредвиденный трофей, ребята вонзили голову с лопатообразными рогами в развилику ольхи. Пока прилаживали, одна «лопата» отвалилась. Мясо сложили на наряды. Половину требухи оставили на снегу, а остальное порубили на кусочки и разбросали поблизости. Чтобы наверняка привлечь внимание зверя к приваде, протащили шкуру по пойме там, где следов росомахи было больше всего. Потом спустились по ключу километра на два и поставили палатку. Затопили походную жестянную печурку. Остаток дня жарили печенку, гоняли чаи.

Ближе к вечеру оделись потеплее и отправились к останкам лося – караулить росомаху. Взобравшись по сучьям на кряжистую сосну, устроились на широких развилках так, чтобы были видны все подходы к приваде.

Полная луна хорошо освещала проплешину, на которой лежали шкура и внутренности сохатого. В томительном ожидании прошло несколько часов. Ночная тишина никем не нарушалась. Ребят стала одолевать дрема. Вдруг будто незримая рука коснулась Антона. Открыв глаза, он увидел мелькнувший между стволов темный силуэт. Сердце забилось учащенно. Росомаха! Пришла-таки!

На самом деле это были волки. Они трусили по ароматному следу, оставленному потаском. Впереди – мощный, широкогрудый предводитель.

В это же время к приваде приближался, только с другой стороны, и Топ. По густой насыщенности приносимого ветерком запаха он знал, что впереди его ждет много мяса и, предвкушая обильную трапезу, то и дело слатывал заливавшую рот слюну. Но что это за тени? Ого! Да это же волки! Первый – его старый знакомый – вожак. Топ затаился. И тут раздался чуть слышный металлический щелчок. Матерый волк, вонзив настороженный взгляд в то место,

откуда донесся таящий смерть звук, застыл.

Таким и остался он в памяти росомахи. Грязнуль гром. Молотя по снегу сильными лапами, волк попытался вскинуться и побежать, как обычно, легко, стремительно, но тело не подчинилось. Второй выстрел прекратил его конвульсии...

Топ бросился наутек. Ему вслед гремели выстрелы. Рядом с ухом что-то просвистело, и стоящая впереди береза вздрогнула от удара. Росомаху обьял ужас. Лишь одолев изрядное расстояние, перепуганный зверь взобрался на перевал и прилег. С этого места был хороший обзор, а к нему никто не мог подойти незамеченным. Топ был потрясен: люди, которые всегда были так добры к нему, стреляли в него!

* * *

Обойдя на рассвете окрестности вокруг привады, молодые охотники обнаружили убитого волка. По следам поняли, что росомаха тоже подходила, но ушла огромными прыжками. Разыскивать ее без собак не было смысла – перепуганная она теперь будет втройне осторожна. Вернувшись в село с горой мяса, Антон все же не оставил мысли о мести. Через неделю он вновь предложил Михаилу повторить попытку, но уже с собаками.

– Где ж их возьмем?

– У Николая Николаевича Пули, отцова соседа, попросим. Он мужик не прижимистый, даст...

* * *

– Дядя Коля, я к вам. Выручайте! Лаек на несколько дней надо бы.

– На что тебе?

– Без собак росомаху не взять.

Пуля посмотрел на парня не то с состраданием, не то с сочувствием.

– Извини, Антоша, не дам. Во-первых, я не уверен, что именно росомаха загрызла твоего отца. Прикинь, если бы она и в самом деле загрызла, как бы он мертвый на четвереньки встал? Потом на теле ни единой раны, ни от когтей, ни от зубов. Даже царапин нет! Я же сам его обмывал. А зад, видно же было, вороны расклевали... Давай тогда и их всех перестреляем... Перебьем всех в лесу – что ж в том хорошего? Лес без зверей и птиц – мертвый, увечный! Так что, извини, собак не дам. Потом росомаха никуда не может попортить.

– Эх вы! Часовой природы! А отец считал вас лучшим другом! – Парень усмехнулся и пошел на выход.

Тут Пулю осенило: «Дам-ка ему Амура. Если та росомаха и в самом деле Топ, то он его в обиду не даст».

– Постой, Антон! Не кипятись! Амура выделю...

Поскольку Михаил, и сам Антон не сильны были в зверином промысле, они уговорили пойти с ними Лукьяна: невзрачного, щедрого мужичишку с рыжей, всклокоченной бородкой. Он, оставив участок под присмотром сыновей, вывез на собаках две туши оленей и, сдав их втихаря Подкове, отсыпался дома.

На просьбу ребят промысловик откликнулся с радостью: Антон обещал в случае успеха подарить

отцовское ружье. У Лукьяна имелись и две собаки, правда, староватые.

Откладывать выход не стали. Отправились на следующий же день.

В дороге бывалый охотник, радуясь тому, что появились благодарные слушатели, не закрывал рта:

– Я всякого зверя добывал, а росомаху не довелось. Хитрющая бестия! У меня на Крутом нынче попались два соболька и одна норка. И что думаете? Росомаху как будто кто вел – вышла точно на них. А ведь там больше пятидесяти капканов стояло. И ведь до чего вредная: есть не ела, а мех подрала... Ну ничего! Нынче сделаем ей козью морду.

Глава 20

Повезло

Укрытая снежным покрывалом тайга спала. Топ же в последние дни почти не смыкал глаз. А когда задремывал, сон был поверхностным. Неясная тревога поселилась в его сердце. Хоть и немного у него врагов, он всегда начеку: нос нервно подрагивает, небольшие ушки ворочаются, как локаторы, сообщая хозяину о малейших изменениях в окружающем мире.

Что это треснуло? Топ приподнял голову и оглядел вырубленный еще во времена леспромхоза склон. Среди стволов молодого подроста мелькали темные силуэты людей. Они шли, выставив вперед громобойные палки. Рядом молча трусили собаки. Две передние были незнакомы ему, а вот последняя похожа на Амура. Точно, Амур! Настороженность несколько ослабла.

Выйдя на росомаший след, собаки с лаем понеслись, не разбирая дороги, сквозь кустарник. Амур по запаху давно понял, что они идут по следам Топа, и радовался скорой встрече с ним. По его разумению, ему предстояло догнать и привести друга домой. Однако в поведении охотников чувствовались иные намерения: от них исходил запах злобы.

Характер лая псов насторожил Топа: в нем слышалась жажды крови. Кого это они преследуют? А лай тем временем приближался. Наконец Топ понял, что зевластые псы бегут по его следу.

Надо уходить!

И тут он совершил ошибку. Вместо того чтобы рвануть вниз, где снежный покров намного глубже, Топ помчался вверх. На покатом, почти безлесом увале, резко обрывающемся в соседний ключ, снег выдуло почти до земли, и собаки живо нагнали тихоходную росомаху. Возмущенно фыркая на предавшего его друга, Топ отступил к стоящему на краю обрыва кряжистому кедру и обнажил клыки так, что стал походить на свирепого демона. Лукьяновские псы отпрянули и, наращивая яростный лай, стала поджидать охотников. Амур же, пытаясь подойти поближе к другу детства, попал под зловонную струю и, дико вереща, закрутился на снегу. Топ, воспользовавшись моментом, забрался на дерево и застыл в гуще крон.

Когда подбежали люди и принялись высматривать его среди хвои, он осторожно спустился с

обратной стороны кедра и, спрятав голову между передними лапами, покатился меховым шаром по откосу вниз. Лукьянские лайки кинулись было следом и почти настигли, но на дне узкой, заваленной снегом долины завязли в пухлой перине.

Вдогонку Топу загрохотали беспорядочные выстрелы. Одна пуля со звуком лопнувшей струны прозвенела совсем рядом. Зверь инстинктивно отпрянул в сторону, но бежать продолжал в своей излюбленной манере: несколько боком и как бы сутулясь. При этом выбирал участки с самым глубоким снежным покровом. Достигнув устья ключа, он опять поднялся в горы и залег в курумнике. Топ был в смятении. Он не понимал почему его хотят убить?

* * *

Росомаху по такому снегу не догнать, – объявил Лукьян. – Ей-то что – лапы широченные.

Пытаясь ободрить Антона, добавил:

– Не расстраивайся, утро вечера мудренее. Завтра чего-нибудь придумаем.

– Думай не думай, а за Амура мне от Пули попадет, – пробурчал подавленный Антон.

Ветер тем временем сменил направление, мороз крепчал. Пар от дыхания густо оседал на суконных куртках и меховых шапках мелкими кристалликами, взъерошенная шерсть собак заиндевела. У Антона с Михаилом побелели носы.

Короток зимний день. Еще короче сумерки. Замерзшие охотники спешили найти затишок для ночевки. Остановив выбор на береговом кармане, Лукьян скинул котомку, расправил уставшие плечи.

– Шабаш, ребята! – выдохнул он. – Теперь можно и чайку испить. Воды, Миша, набирай в пропаине, из снега чай невкусный. А я пока костром займусь. Продрог чтой-то.

Воткнув наклонно ореховую палку с вырезанной зазубриной на конце, Лукьян повесил над огнем котелок, наполненный ключевой водой. Смахнул с валуна снег и, положив на него рукавицы, уселся, как на лавке. Ребята накидали лапника, расстелили меховые спальники и устроились рядом.

Антон достал из котомки хлеб, сало, лук. Крупно нарезал и разложил на чистой холстине. Лукьян торжественно водрузил в центр «стола» бутылку водки.

Перехватив удивленный взгляд Михаила, пояснил:

– Подкова иногда подкидывает... Сегодня мне пятьдесят три стукнуло. Отметим?

Не дожидаясь ответа, отработанным движением набулькал в кружки. Выпили, крякнули, закусили. После второй Лукьян достал мерзлой оленины и настрогал тонкие перламутровые завитки.

– Налетай! Лучше закуси нет! От сырого мяса вся сила! – приговаривал он, с наслаждением отправляя в рот строганину, щепотка за щепоткой.

Выпив третью, промысловик разоткровенничался:

– Я ведь чего из тайги вышел? В последнее время не могу тушки обдирать. Принесу пару, а то и три хвоста, вроде радоваться надо – хорошие деньги, а как представлю, что нужно шкурку снимать, так меня воротить начинает. Рука не поднимается...

– Дядя Лукьян, это вы к чему?

– Да так... о своем... Давай еще по маленькой.

Вот и вторая бутылка опустела. Наскоро поставив палатку, забрались в мешки спать. Похмелившись утром, весь день так и провалялись: дремали, гоняли чаи из чаги.

– Ребята, – заговорил Лукьян, наполняя очередную кружку живительным напитком. – А росомаха ведь в чем-то похожа на нас, промысловиков. Тоже из конца в конец по тайге мотается. Ежели за кем пошла, будет преследовать, пока не уморит вконец. И участки у нее не меньше наших. Только охотится больше в сумерках, а мы посветлу.

– Да уж! Ходок она непревзойденный, – проговорчал Антон.

– Знаешь, Антоша, не люблю я этих вредин, но, ежели честно, очень сомневаюсь, что росомаха винна в смерти твоего отца. К мертвому, конечно, могла подойти, а чтоб на человека напасть, даже раненого, это вряд ли.

– Сговорились вы что-ли?! Сначала Пуля мозги мне парил, теперь вы, – вспылил Антон. – А меня понять кто-нибудь может?

– Сынок, успокойся. Тебе ум застила боль от потери отца. Думаю, он не одобрил бы... Так ведь и зайца можно обвинить, ежели тот вокруг побегал.

– А я слышал, что ханты росомаху очень даже почитают. Говорят, что она одичавший снежный человек, – неожиданно изрек Михаил.

– Все, довольно! Закрыли тему. Не хотите помогать, не надо! Без вас разберусь, – разозлился Антон, хотя уже и сам начинал сомневаться в своей правоте.

– Ладно, не обижайся, – Лукьян, примирительно похлопал Антона по плечу. – Давай лучше спать...

Ночью выпал небольшой, воздушной мягкости снежок. И утром с низких облаков продолжали лениво падать невесомые снежинки. Идеальные условия для тропления! Позавтракав, охотники возобновили поиски. Во второй половине дня, пройдя километров десять, вышли на свежий, еще не застывший след.

Гоняя ночью зайцев, Топ исколесил пойму в этом месте вдоль и поперек.

– Больно много следов. Может, еще какая забрела? – предположил Михаил.

– Не! Одна набегала. А топанины много, оттого что росомахи по своим следам не ходят, все по целине, – пояснил Лукьян.

Промучившись до вечера, охотники так и не смогли найти выходной след. Темнело. Опять подошла пора вставать на ночевку.

К рассвету снег усилился. Видимость упала, следы засыпало. Высунув голову из палатки, бывалый промысловик почесал бороденку:

– День пропал. Что делать будем, робя?

– Так, может, домой? – с робкой надеждой подал голос Михаил.

– Я что? Как Антон Карпич решит.

Антон, непривычный к походной жизни, уже и сам думал лишь о том, как, не осрамившись, выйти из щекотливой ситуации, в которую сам себя и загнал. Мерзнуть еще одну ночь в палатке в отсыревшем спальнике было выше его сил.

– Пугнули мы росомаху изрядно. Теперь она

людей за версту обходить будет. Будем паковаться.

— Верно мыслишь, — поддержал Лукьян и, видя, с каким облегчением вздохнул Михаил, едва сдержал улыбку.

Глава 21 На промысле

Подкова уже который год пятого и двадцатого числа каждого месяца приезжал с автолавкой в Верхи. Сегодня как раз был один из таких дней. Раздав почту, пенсию и то, что было заказано в предыдущий приезд, он не остался ночевать в поселке у приятелей, коих у него было немало, а поехал на свой промысловый участок.

По дороге в село он уже побывал там: проверял капканы, расставлял на тропках и у привады новые. Снял двух соболей, а всего с начала сезона на его счету было уже пять хвостов. Сейчас же на участок торопился из-за ночного снегопада, завалившего капканы на подрезку.

Ехал на пониженной передаче: дорогу снегом выровняло так, что колея едва угадывалась. Ориентировался по подступавшим с двух сторон деревьям.

Крутя барабанку, гадал: «Попался ли кто за прошедшие сутки или нет?..». И сам себе отвечал: «Вряд ли. Штатные говорили, что в снег ни колонок, ни соловья не ходят».

Подъехав к ключу, по берегу которого вилась к зимовью расчищенная им тропа, заглушил двигатель, надел окамусованные лыжи, закинул за плечи рюкзак и широко зашагал. Выйдя на прямой участок заснеженного русла, обратил внимание на две скачающие черные точки. На фоне красновато-буровой коры кедра они на миг превратились в беляка. За ним пробежала росомаха.

Это был Топ. Увидев человека, он от неожиданности присел и, сгруппировавшись, пружиной метнулся обратно. Сзади громыхнуло. Резкая боль ожгла голову. Кровь начала заливать глаза. Чтобы стереть ее, Топ на ходу тыкался в снег. Остановился, только когда отбежал достаточно далеко. Опершись передними лапами на присыпанную снегом валежину, прислушался. Убедившись, что погони нет, закопался в мягкую, сыпучую перину.

События последних дней с завидным постоянством убеждали Топа в том, что люди стали жаждать его смерти. Он на всю жизнь запомнил круглое лицо ранившего его двуногого.

Обнаружив через две недели, Круглолицего на своем участке, Топ решил понаблюдать, чем этот человек занимается в его владениях. Проходив за ним весь день, росомаха поняла, что он прячет мясо по пещеркам, устроенным в снежных кучах, и около них закапывает какие-то железки. Когда стало смеркаться, обидчик вернулся в бревенчатое логово, а утром прошел к широкой тропе и уехал на огромном рычащем дымом чудовище в сторону бесконечной равнины.

Это обрадовало Топа. Охота не ладилась, а в схronах двуногого было припрятано много мяса. Теперь можно было безбоязненно съесть его. Настороживало только то, что Круглолицый всегда оставлял возле своих тайников какие-то железки. Интуи-

ция подсказывала — в них может таиться опасность.

Подойдя к ближайшей снежной куче, Топ тщательно обнюхал вход в пещерку. Пахло смолой и мясом. Запаха железа не было. Он успокоился — значит, двуногий здесь железку не поставил — и уверенно шагнул. В тот же миг снег вспучился, и переднюю лапу пронзила боль. Зверь отпрянул, но железная челюсть не отпускала. Охваченный ужасом Топ рванулся что было силы и, сдирая шкуру, освободил зажатые пальцы.

Ему повезло — этот капкан предназначался для поимки более мелких зверюшек. Тронь он мясо в следующем амбарчике — не сдобривать бы ему. В том, что росомаха не учудила запах железа, не было ничего удивительного. Подкова, по совету бывалых промысловиков, перед установкой капканов опускал их в кипяток с расплавленной смолой. После такой процедуры покрытая янтарной глазурью ловушка железом уже не пахла.

Потрясенный Топ стал обходить стороной кладовые Круглолицего. Его неприязнь к этому человеку переросла в ненависть.

Глава 22 ЧП на дороге

Промысловый сезон близился к завершению. Охотники вразнобой возвращались в село. Кто с богатыми трофеями, кто с не очень. Но в целом план по пушнине и заготовке мяса госпромхоз выполнил. Сдав охотоведу добытые за четыре месяца меха, промысловики получили небольшой аванс и занялись накопившимися за зиму в домашнем хозяйстве делами. А для Степана Ермиловича настала самая напряженная и ответственная пора. Он тщательно разбирал и сортировал принятую пушнину по цветам, сортам. Складывал получившиеся «пачки» в мешки. Как только сошел паводок и дорога чуть подсохла, загрузил все это богатство в коляску служебного мотоцикла «Урал» и поехал в город сдавать мягкую рухляедь на меховую базу.

Дорога через марь местами была размыта вешними ручьями. Степану приходилось останавливаться и заваливать эти промоины травянистыми кочками и сушинами. В итоге до города добрался лишь под вечер. Переночевав у однокурсника-кинолога, со вторника по четверг занимался сдачей пушниной. Спорил, добивался справедливых цен по каждой шкурке, оформлял передаточный акт, уточнял график расчетов. В итоге удалось почти полностью отстоять не только сортность и цветовые категории, но и получить приличный аванс. Договорились, что полный расчет будет произведен после завершения пушного аукциона.

В пятницу полдня пробегал по кабинетам областного охотуправления: выписывал бланки для летнего и зимнего учета, журналы ежедневных наблюдений, а главное — получил, наконец, свою зарплату за три месяца. Степан на радостях накупил полную коляску продуктов и всевозможных городских вкусностей к предстоящему совершеннолетию дочери. Пообедав в столовой, выехал в Верхи.

Степан любил прокатиться с ветерком. Но отвести душу была возможность лишь на пятнадцати-километровом участке от города до моста. Прямая,

как стрела, дорога в этом месте шла по высокому лесистому берегу. Доехав до заветного места, охотовед крутанул ручку газа до упора и помчался так, что в ушах засвистело.

И надо ж было такому случиться – наперерез ему из чащи выскочили лосиха с лосенком. Чтобы избежать удара Степан вынужден был резко взять влево. «Урал» занесло, и груженая коляска стянула его на край обрыва. Мотоцикл полетел кувыркаясь в воду. Степана спасла хорошая реакция – успел спрыгнуть. Вскочив на ноги, он побежал к обрыву.

Напористое течение уже подхватило «железного коня» и со скрежетом волочило по камням. Впереди наперегонки неслись, исчезая и вновь выныривая, пакеты, коробки. Степан побелел: там же сумка с деньгами!

Хватаясь за кусты, он скатился вниз. Тем временем «Урал», вытолкнутый мощным сливом на столообразный валун, застыл на нем, как корабль на рифах. Пробежав вперед, Степан обогнал плывущие коробки и, не раздеваясь, кинулся им наперерез. Выхватывая их из прозрачной воды, перекидал на берег. Пристально всматриваясь, он простоял в ледяной воде еще минут пять, но сумка с деньгами так и не появилась. По дну притащило лишь батон колбасы.

«Сумка тяжелая, могла застремлять между камней или зацепиться ремнем за корягу или выступ», – прикинул Степан и двинулся вверх по руслу, внимательно оглядывая каждый сантиметр дна. Нашел еще пару банок консервов, а вот сумки нигде не было.

«Может, она так и лежит в коляске?».

Подойдя к подрагивающему от напора воды верно прослужившему двенадцать лет мотоциклу, охотовед заглянул в люльку. Фартук разорван, внутри пусто. Даже сидушку вышибло. Не доверяя глазам, Степан прощупал рукой каждую выемку, как будто сумка могла спрятаться в них.

«Наверное, она выпала и застряла на месте падения», – предположил охотовед и пошел вверх по течению, тщательно осматривая дно. На месте при воднения мотоцикла обнаружил лишь деревянный ящик с инструментом. Почувствовав в ногах ломоту от студеной воды, Степан вышел на берег и побежал к шумевшему в метрах двухстах мелкому галечному перекату – если сумку унесло течением, то она должна была застремлять на нем. Увы, на гальке белела лишь размокшая коробка с зефиром.

Степан прошелся еще несколько раз по речке вверх, вниз. Безрезультатно. Ноги опять нестерпимо заломило. Выйдя на берег, надергал сухой травы и сунул ее под кучу сучьев нанесенных в половодье. Доставая из нагрудного кармана зажигалку, нашупал похрустывающую пачку – там была его зарплата. Приободренный Степан вздохнул: хоть эти деньги уцелели!

Через минуту костер полыхал в полную силу. Развесив на веткнутых в песок палках штаны, носки, сапоги, охотовед собрал уцелевший груз и разложил его вокруг огня для просушки. Все делал автоматически, без конца поглядывая на речку: вдруг сумка проплынет.

Согревшись, опять зашел в воду, но в косых лучах заходящего солнца она вглубь уже не просма-

тривалась. Стало ясно, что поиски придется отложить до завтра. А пока солнце не совсем село, лучше осмотреть мотоцикл: можно ли восстановить его?

Осмотр еще больше расстроил Степана. Удар был настолько силен, что выбило половину спиц из колес. Проржавевшую раму в двух местах разорвало, руль погнуло, а бока искорежило так, будто по ним кувалдой били.

«Даже на запчасти не сгодится... Ну с «Уралом» как-нибудь разберусь, а вот деньги мужикам где взять?.. Деньги немалые... Нет, завтра, как солнце поднимется, буду искать, пока не найду. Не иголка же... А если не найду?.. Придется занимать. У кого?.. Как не вовремя все это. Послезавтра у Маруси день рождения!» – проносилось в голове.

Степан вышел на берег и нервно заходил взад-вперед. Мысленно перебрав всю родню и знакомых, он пришел к выводу, что занять можно будет только у Подковы. Тот частенько ссужал сельчанам под проценты. Но даст ли он такую крупную сумму?

Надев подсохшую одежду, Степан задумался: где ночевать? До города километров тринадцать. Если быстрым шагом – часа два. А на попутке вообще минут десять. Правда, шансов на нее мало – за все время лишь две машины прошумели.

Поколебавшись, Степан все же решил идти в город: ведь и начальству надо доложить о случившемся. Спрятав выловленный груз в кустах, он поднялся на дорогу.

* * *

Начальник охотовправления рассказал Степана об аварии и порче бланков выслушал на удивление спокойно.

– От беды, Степан Ермилович, никто не застрахован. Слава богу, сам цел. Бланки вообще не проблема. Мы их в типографии сразу на три года отпечатали. Да и мотоцикл твой давно пора списать – два срока отслужил. Все уж поменяли, а ты все ездишь... Пиши объяснительную, дальше моя забота. Начальник ГАИ свой человек. Думаю, с учетом снижения без проблем. Вот только дать тебе взамен пока нечего.

Степан не верил своим ушам: так просто разрешилась одна из двух проблем. Он почему-то сразу уверовал, что, вернувшись, найдет и сумку. Вододушевленный тем, что не придется обращаться к Подкове, он заторопился к речке. Но, как в народе говорят, лишь черта помяни, он тут как тут. Сзади послышалось натужное урчание мотора, и из-за поворота выкатился на малом ходу знакомый ГАЗ-66.

Увидев охотоведа, Семен Львович притормозил.

– Здравствуйте, Степан Ермилович! Какими судьбами?

– Пушнину сдавал.

– На вас лица нет. Заболели, что ли?

– Да нет... Мотоцикл вчера угробил... В речку с обрыва слетел. Иду посмотреть, что на запчасти можно снять.

– Неприятная история. Сочувствую! Далеко идти-то?

– До поворота на мост.

– Садитесь, подброшу.

Вода в реке за ночь поднялась и сильно помут-

нела: похоже, в верховьях прошел обильный дождь. Искать что-либо в такой муты было бесполезно. Оставалось одно – просить деньги у Подковы. Степан не стал ходить вокруг да около и откровенно рассказал ему о своей беде.

Когда озвучил необходимую сумму, экспедитор аж присвистнул. Вообще-то он обрадовался, но виду не подал. Причина радости была проста. Подкова давно мечтал заполучить лайку охотоведа. И неудивительно – Мавр имел столь выдающийся экстерьер и навыки, что редко с какой выставки возвращался без медали. К Степану он попал щенком от того самого одногруппника, у которого ночевал в городе. Его отец, известный в стране кинолог, всю жизнь занимался селекцией западносибирских лаек.

Семен Львович понимал, что охотовед ни за что не продаст своего медалиста, а тут такой подходящий момент. Теперь главное грамотно подвести Степана к нужному решению. Что-что, а вести переговоры прожженный коммерсант умел.

– Да-а уж! Влипли вы, Степан Ермилович, как кур в ощип! – Проникновенно вздохнув, Подкова продолжил. – Вот вы, поди, думаете, Семен деньги лопатой гребет. А я ведь в Верхи иной раз в убыток езжу. Знаешь, сколько бензина за рейс жгу? Так он еще каждый квартал дорожает. А я за все годы ни разу закупочные цены не снизил... А машина! Удивляюсь, как она на таком бездорожье до сих пор не развалилась! Да что тебе объяснять – сам ездишь... Двигатель давно пора менять, но никак не наберу нужной суммы. Все по мелочам расходится. То резина облысела, то радиатор потек, то аккумулятор сдох. Контора-то на ремонт ни копейки не дает. Говорят, ты на хозрасчете.

– Семен Львович, я все это понимаю, но больше не к кому обратиться! Выручай! На тебя вся надежда. Не подведу. За год, максимум за два рассчитаюсь с процентами.

Подкова, выдержав паузу, пошел в атаку:

– Ермилыч, ты же знаешь, охотник я зеленый, а участок на отшибе. Вокруг ни души. Страшновато одному. Толковая собака хотя бы на первое время позарез нужна. Вот если б ты Мавра на годик дал, я бы тоже постарался.

Степан опустил голову. Задумчиво водя рукой по лицу, зашуршал щетиной. Собака для него была главной отрадой. Любил он ее до дрожи в груди. И Мавр отвечал безоглядной преданностью. Сколько раз, рискуя не только шкурой, но и жизнью, выручал! Но, похоже, выхода нет: придется согласиться! «Не навсегда ведь», – уговаривал он сам себя, а вслух сказал:

– Семен Львович, ты ж понимаешь, собака – это не ружье и не машина. Собака – существо особое. Она привязанность имеет. Не знаю, примет ли тебя?

– Ты не переживай. Я цену Мавра знаю, уж как-нибудь подлажусь.

Степан опять задумался, взвешивая все за и против. Он понимал, что занять такие деньги больше не у кого. После недолгой внутренней борьбы произнес осевшим голосом:

– Согласен. А как быстро ты всю сумму сможешь набрать?

– Часть у меня есть, а остальное, думаю, друг даст. К нему съездим и сразу в Верхи...

Глава 23

Предательство. Побег

Когда автолавка подкатила к степановскому дому и во двор уверенно зашел Подкова, у Мавра почему-то похолодело в брюхе. Пес нутром почуял беду. Улыбчивый, с розовой лысиной человек в потертом синем халате, противно пахнущем одеколоном, ему никогда не нравился. Его неуловимый, скользкий взгляд вызывал у Мавра озноб, словно от сквозняка. Особенно встревожило лайку то, что хозяина будто подменили: он непривычно ссутулился, взгляд был хмурый и каким-то потерянным. Собака заглянула ему в лицо: «Что случилось? Чем помочь?» – спрашивала она и, виляя хвостом, демонстрировала готовность исполнить его любое желание.

Степан отвел глаза и, тяжело вздохнув, прошел в дом. Вернулся с красной папкой. Мавр сразу узнал ее: с ней они всегда ездили на собачьи выставки.

«Значит, ничего страшного, куда-то поедем».

Но хозяин почему-то передал ее Лысому, и они сели за стол под кустом обильно цветущей сирени. Сначала что-то писали, потом долго считали, складывали в пачки разноцветные бумажки. Мавр знал, что за них хозяин получит от Лысого кучу разных пакетов. В одном из них обязательно будут любимые им сладкие камушки.

Он с нетерпением ожидал этого момента. Бумажек много, значит, угощение будет щедрым. Но хозяин почему-то унес их все в дом. Вернувшись, подошел к Мавру, обнял за шею, погладил по спине. Поцеловав в нос, прошептал:

– Прости, Мавруша, но по-другому никак.

Степан встал и подвел лайку к столу, за которым сидел Подкова.

– Это твой новый хозяин! Слушай его, – отчего-то, с расстановкой произнес он.

Мавр, поняв, что его отдают в чужие руки, возмущенно зарычал, резко попятился: «Я не согласен!». Пес был уверен, что хозяин одумается и отменит свое решение: ведь он всегда служил ему верой и правдой!

– Гляди-ка! Понял! – пробормотал Подкова.

Взволнованный Степан, едва сдерживая дрожь в голосе, твердо

повторял:

– Иди, Мавр! Иди! Иди!.. Теперь он твой хозяин.

Не головой, а необъяснимым сверхчутьем Мавр понял, что должен выполнить команду. Он приник к ноге Степана, потерся об нее плечом – это означало: «Тяжело, но подчиняюсь».

Охотовед благодарно потрепал лайку за загризок и, передав поводок Подкове, решительно подтолкнул растерянного пса к калитке.

Семен Львович чтобы расположить его, хотел было погладить пса, но, заметив в его глазах сатанинский блеск, передумал.

– Не укусит? – спросил он с тревогой.

Как вести себя будешь, – горько улыбнулся Степан. Помолчав, добавил, напирая на каждое слово.

– Главное, не обижай. Собака существо преданное. Ее обидеть – большой грех.

– Не беспокойся! Притремся! – заверил Подкова и осторожно, как бы проверяя настрой Мавра, все

же провел рукой по спине. Лайка внутренне напряглась, но стерпела.

— Я тут намордник на всякий случай прихватил. Надену пока.

— Валяй, коли взял.

Намотав на руку поводок, прикрепленный к рабином к ошейнику, Семен Львович повел собаку к машине. Мавр не сопротивлялся, но у калитки обернулся, все еще надеясь, что хозяин его позовет. Но его уже не было.

Посадив лайку в кабину, Подкова без задержки выехал из Верхов. Ему надо было еще заехать на участок. Подремонтировать там крышу промысловой избушки.

Оставив, как обычно, машину прямо на дороге (кроме него и Степана, тут мало кто ездил), закинул на спину рюкзак с провиантом, на плечо — обернутый полиэтиленом рулон рубероида и, взяв на поводок Мавра, зашагал к зимовью.

Когда переходили ключ, из-под поваленной осины выскоцила лиса. Ринувшийся за ней Мавр с такой силой дернул поводок, что Подкова, влекомый тяжелым рулоном, со всего размаха впечатался лицом в сырую землю.

Очищаясь от налипшей грязи, он прохрипел: «У, сука, убью!». Эти слова Мавру не были знакомы, но в их интонации слышалась такая злость, что шерсть на загривке вздыбилась, а в горле вскипело рычание. Момент был серьезный.

— Ты чего?! Виноват, а еще крысишься! Раз такой прыткий, сам тащи эту дуру!

Подкова достал из рюкзака веревку, сложил ее пополам. Свободные концы привязал к рулону, а петлю, накинув на загривок собаки, пропустил под мышками передних лап. Приученный таскать нарты, Мавр спокойно потянул черное «бревно» по лесной тропе. Оно то и дело застrevало между стволов, и тогда Подкове приходилось подправлять рулон. В одной из низинок рубероид скатился в зарытую лужу и засел в ней столь крепко, что Мавр, пытаясь вытащить его, порвал веревку. Подкове пришлось лезть в болотину, связывать ее, и вместе с собакой вытягивать рулон.

Весь перепачканный, он, срываю раздражение, со всей силы пнул пса. Тот, обнажив два ряда острых зубов, зарычал и посмотрел с такой угрюмой свирепостью, что Семена Львовича будто огнем опалило. Это окончательно вывело его из себя. Притянув лайку за поводок к стволу березы, он отломил от сухостоины увесистую ветвь и стал наносить собаке удар за ударом. Один из них пришелся по чувствительному носу. Мавр аж взывал от боли.

Еще удар, еще!

— Не смей так смотреть!.. Не смей так смотреть! — орал Подкова, в ярости брызжа слюной.

Пес понял — если не смириться, то Лысый может забить до смерти. Он опустил голову и заскулил. Человек удовлетворенно просипел:

— То-то!

Немного поостыл, добавил:

— Давай шагай, осталось немного...

Мавр никогда не симпатизировал Лысому, но после этого инцидента просто возненавидел его. Подкова же, довольный результатом воспитания, шел в приподнятом настроении.

— Ну вот и прибыли! — произнес он, по-хозяйски оглядывая избушку, лабаз.

Привязав собаку под пихтой, бросил ей кусок ливерной колбасы и принялся за работу. Подправил дверь, оббил тонкой жестью четыре столба, на которых стоял лабаз, — дабы мыши не могли возвращаться до сложенных на нем припасов. После этого перекрыл новым рубероидом порванную упавшим деревом крышу. трубы замазал глиной. Закончив работу, сварил кашу, поел сам и поставил полную миску лежащей под деревом лайке. Но та даже головы не повернула. Ливерная колбаса также лежала нетронутой.

В город выехали утром. На разбитой, рассекающей заболоченную марь, дороге тряслось и бросало так, что Мавр едва сдерживал приступы рвоты. Наконец дорожное полотно стало ровней, и собака перевела дух. Город с лесистой гриవки открылся неожиданно и сразу весь от края и до края. Запахи, рокот от проносящихся машин, множество тесно стоящих многоглазых домов Мавру были знакомы. Здесь он с хозяином уже не раз бывал.

Поселили его не в конуре, а в чистом сарайчике на краю обширного двора. Пол застелен войлоком, у двери две кастрюли. Одна с водой, вторая с похлебкой, заправленной кусками мяса. Рядом несколько сахарных косточек. Такая щедрость удивила Мавра. Да и самого Лысого словно подменили. Заходя в сарай, он безостановочно что-то ласково бубнил. Что именно, пес не понимал — еще не привык к его голосу. Все это для Мавра было странным и необъяснимым.

Причина такой перемены в поведении была проста. Если б Мавр мог посмотреть на себя со стороны, то он непременно восхитился бы совершенством своего экстерьера. Подкова и взял лайку не столько для охоты, сколько для заработка на слuchке. Прекрасная родословная и девять медалей, из них четыре — золотые, на региональных выставках гарантировали хороший доход от Мавра как производителя.

На пятый день непривычного внимания и мясного изобилия к дому Семена Львовича подкатила сверкающая машина. Из нее вышла солидная парочка с молодой, изящной лайкой на поводке. Подкова надел Мавру намордник и повел через двор к гостям.

Послушно следя за ним, пес изучал обстановку: калитка закрыта, забор невысокий, лес рядом. На светло-серую сучку и стоящих рядом с ней людей глянул мельком. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы не упустить удобный момент для побега.

Хозяева лайки внимательно осмотрели кобеля. Мужчина, от которого исходил дурманящий запах, попросил Подкову открыть собаке пасть. Тот, погладив Мавра, снял намордник. Пес без слов понял, что от него требуется, и с гордостью продемонстрировал ослепительно белые, здоровые зубы. Все довольно заулыбались. Семен Львович — шире всех.

— Умница! — не удержался, похвалил он. Струящаяся улыбка не сходила с его лица. — А нюх у него такой, что любую вещь найдет. Сейчас убедитесь.

Подкова дал Мавру понюхать ключ и, накинув ему на голову платок, отбросил его метров на пять-

надцать. Отстегнув поводок от ошейника, приказал:
— Ищи!

Мавр понял, что удобный момент настал. Он прижался к своему обидчику боком и, задрав заднюю лапу, помочился на брюки. Ошеломленный Семен Львович принужденно засмеялся:

— Какой шалун!

Пес тем временем триумфально прошествовал мимо осталбеневших гостей и одним махом перепрыгнул через ограду.

Скорей, скорей в спасительный лес! Скорей, скорей под его защиту!

Оказавшись в зеленой чаще, Мавр понесся, перепрыгивая через валежины, пни, огибая кусты. Вот и дорога. Она была знакома — тут они несколько раз проезжали с хозяином, а совсем недавно — с Лысым. Ободренный пес побежал по обочине прочь из города. Сзади послышался знакомый гул — Лысый?!

Мавр сиганул в кусты. Точно — он! Машина пронеслась, оставив за собой пыльный хвост.

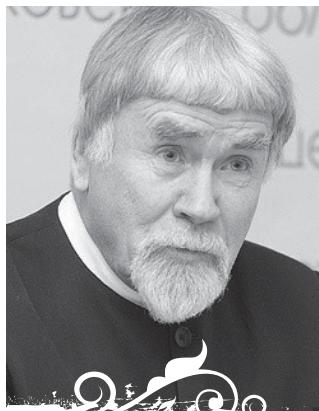
«Значит, в селе появляться нельзя. Ничего страшного, у них с хозяином есть избушка в лесу. О ней Лысый не знает. Поживу там. Буду охранять его. Когда хозяин придет и увидит, что дом цел, он поймет, что Мавр самый лучший, самый надежный друг, и больше Лысому его не отдаст», — такая цепь рассуждений пронеслась в голове лайки.

Дождавшись, когда пыль осядет, Мавр вышел на дорогу и затрусиł по обочине. Вот и речка зашумела. Сразу после моста вправо должен быть съезд на старую лесовозную дорогу. Все верно — память не подвела!

Пес был горд собой: удались и месть, и побег! Теперь можно передохнуть.

*Продолжение следует
Рисунки Андрея Чушкина*

Валентин КУРБАТОВ родился 29 сентября 1939 года в семье путевых рабочих в селе Старый Салаван Мелекесского района Куйбышевской области (ныне поселок Новочеремшанск Новомалыклинского района Ульяновской области). После войны переехал в город Чусовой Пермской области, где окончил школу. С 1962 года живет в Пскове. Работал грузчиком, корректором и литературным сотрудником в местных газетах. Окончил факультет киноведения ВГИК (1972). Литературный критик, литературовед, прозаик, академик Академии российской словесности (с 1997). Автор книг «Виктор Астафьев» (1977), «Миг и вечность» (1983), «Михаил Пришвин» (1986), «Валентин Распутин» (1992), «Крест бесконечный» (2003), «Уходящие острова» (2005), «Подорожник» (2006), «Батюшки мои» (2013) и многих других. Член Союза писателей СССР (с 1978). Секретарь Союза писателей (1994 – 1999) и член правления Союза писателей России (с 1999). Член редколлегий журналов «Литературная учеба», «Русская провинция», «Роман-газета» и др. Лауреат многих литературных премий, в т.ч. имени Л.Н. Толстого (2000), имени Павла Бажова (2007), Горьковской (2009) и Новой Пушкинской (2010).

НАШЕ НЕБЕСНОЕ ОТЕЧЕСТВО

Книга эта родилась из пяти экспедиций, охвативших пока малую часть святынь, сияющих в христианской истории России и мира. Она рождена порывом и любовью немногих, и ее недостаточная историческая и богословская вооруженность, наверно, будет очевидна каждому глубокому уму, знающему материал полнее нашего. Но нам не терпелось поделиться радостью открытия, не терпелось сказать о чуде живого и остро ощущимого здесь свидетельства молодости и силы христианства.

В разные поездки мы порой проходили одними

и теми же местами. Мысль шла той же дорогой, но видела другое. Душа не узнавала своего прежнего переживания, потому что росла, потому что прибавлялось новое знание, и сама жизнь не стояла на месте. Дороги истории долги, и на них может не хватить жизни, но все они, если чувствовать их верно и выходить с зоркой душой, ведут нас к себе, к своему Господню образу.

Мы выходим в наше небесное отчество, чтобы вернуться к преображеному земному.

Продолжение.

Начало в журналах «Симбирскъ» №5,6,7 – 2018 год.

III

ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ

Единое на потребу

На этот раз ехать было тревожно. И не очень хотелось. Мы уже немного пришли в себя после того, как узнали, что поставленного нами в Мирах Ликийских в 2000-м году Святителя Николая сняли с постамента на городской площади и перенесли к стене храма, уже отошли от первого потрясения. И хоть сердце болело, но ведь мы и с самого начала знали, что гладкого пути нам никто не приготовил. Надо было жить дальше, продолжать освоение «нашой» Византии. Мир не останавливался. Христианство, слава Богу, не уходило в безопасные пределы «мировой культуры», как настойчиво его туда натиснят.

По газетным фотографиям мы видели, что изгнанный с площади Святитель все благословлял входящих в храм и не оставлял своей безмолвной проповеди. И значит, надо было поперек нежеланию ехать, побывать с ним, пройти его дорогами, ободрить его и себя, убедиться, что земля его родины не уступила его труда окончательному забвению и следы его служения не поглощены временем без возврата. Это было нужно не ему, а нам самим.

Мир делает свою работу, исподволь опустоша-ет слова, которыми вовеки стояла душа. Да и саму душу потихоньку ссылает в пустой лирический словарь, в резервацию музейного благочестия. Мы перестали бояться Божьего гнева и даже, страшая друг друга концом мира, про себя уверены, что это не более, чем поэтический образ, что мы-то, во всяком случае, еще поживем. И поживем без усилия, которого требует Христос и которого требовал идущий Его дорогой Святитель. Мы и церковь готовы сделать местом потребления духовной «поликлиникой», записываясь в зависимости от потребности к разным «врачам» и определив каждого по своим «кабинетам» – от слепоты, от глухоты, от сглаза... Забыв «единое на потребу» для нечаянного детского многобожия.

Это усталость неизбежная и естественная, но потакать ей грех. И, значит, надо опять «подниматься на корабль» и править к отцам, к молодой поре горячего становящегося христианства, к неутомимо идущему впереди, родному и «русским русскому» правилу нашей веры – Святителю Николаю.

Под шум дождя

А все-таки сразу-то в Миры мужества поехать не хватило. Из наших низин сразу наверх подниматься опасно. И мы провели день в Анталии. Благо и денек оказался не февральский (а мы приехали в начале февраля), а русско-осенний, с мелким дождиком с утра, с сереньким родным светом, который не разбивали даже лампочки апельсинов и лимонов в садах и на улицах. И после стылой Москвы в грязных снегах и автомобильных пробках так хорошо было видеть притихшее море между домами, слу-

шать, как в мохнатых пиниях возятся русские воробы, провожать взглядом горлиц, которые летят ровно настолько быстрее голубей, насколько слово «горлица» стремительнее слова «голубь».

А там разошелся и настоящий ливень с веерами воды из-под колес, заплаканными светофорами и странным чувством грустного счастья, которое охватывает в такие дни в южных городах. Ливень чуть приглушает краски роскошного, яркого, словно из кубиков собранного города и на минуту вспоминается пименовская «Москва майская» – молодая и детская. В такую погоду хорошо ходить по музейным залам. Дожди быстрее собирают мысль. Да и нам, чтобы войти во времена Святителя, надо отступить на семнадцать столетий назад, когда мраморное человечество Афродит и Аполлонов едва не превосходило реальное.

А музей здесь прекрасен! Артемиды и Лето, Венеры и Тихе смотрят невидящие в свою слепую, на-всегда ушедшую вечность и нежные их лица «не иска-жены» ни одной мыслью. Зачем и о чем думать, когда они так прекрасны, и история с ее страданиями и переделками мира писана не для них. Разве что Немезида «взглядывает» остро и умно, отменив время, так на то она и судьба и справедливость, чтобы быть посредницей между Олимпом и земной историей. Зато лица Траянов, Адрианов, Диоклетианов и Коммодов жестко исчерчены заботами империи и политики и, кажется, при всей внешней уверенной силе предчувствуют, как непроста будет их посмертная жизнь, в которой их слава потемнеет и станет страшна, и их статуи могут разбить, как статуи звавшего себя «сыном бога» Домициана, в царствование которого не зря явился «Апокалип-сис», а пышные саркофаги бросить в море, как сде-лали это с саркофагом мучителя Диоклетиана. И вот они каменеют с надменными лицами, вечные римляне, убежденные, по слову Э.Ренана, что «кто не богат и не хорошего происхождения, тот не может быть честным человеком». Но уже не могут скрыть от себя, что их репутация гуманистов и философов будет, как у того же Траяна, навсегда замарана кро-вью разорванного при нем на арене римского цир-ка Игната Богоносца, или развеяна дымом костра, на котором сожгут Поликарпа Смирнского, как у Марка Аврелия. Так что и красота мраморов скоро покажется зла и враждебна. Создатели экспозиций не думают об этом, но христианское сердце в эф-фектных рядах императоров, богов и героев читает свои тексты. Глядя на изорванного в куски и насилиу составленного Марса, поневоле не без тайной иронии думаешь, что он попался «на растяжке» соб-ственной войны и, поди, завидует легконогому Гер-месу с пустым лицом торжествующего покровителя потребителей. Этот целехонек и уверен в долгой власти над ненасытным миром.

И опять, как в давнюю уже поездку, когда мы смотрели музеи Антиохии, останавливают монеты с теми же высокомерными Веспасианами и Галери-

ями – динарии кесаря, которые Господь велел отдавать кесарю, оставляя Богово – Богу. И почему-то вспоминается давний любимовский «Гамлет» – как Высоцкий показывал королеве-матери свой медальон с изображением короля-отца, а затем выхватывал из кармана монету с изображением короля-отчима: «Вот два изображенья – вот и вот. На этих двух портретах лица братьев...». Одно, на груди, – навсегда личное, единственное. И другое, на монете, – безлично множественное, ничье, захвачанное руками торговцев. И опять ранит, что скоро империя заговорит о симфонии церкви и государства и научится чеканить монеты с изображением Спасителя и тем смешает Богово и кесарево, то ли из лукавого желания уравняться, то ли по благочестивому неразумию, не ведающему, что когда кесарю отдают Богово, то готовят только падение Константинополя.

А напоследок в музейном уголке – бедные мосхи Святителя, оставшиеся от Барийских и Венецианских «спасателей». Только на месте прежнего образа русского провинциального письма над ними – целый алтарь икон разных лет и школ, как нарядный, но мало вразумительный привет русскому туристу – так в отелях выставляют на специальной полке забытые гостями книги – нечаянный портрет отдыхающего ума.

И когда выходишь из музея, отчего-то уже и дождь не мил и «грустного счастья» ни следа. И вдруг поймаешь себя на том, что уткнулся взглядом в налившееся у входа озерцо воды с отражением одноногого Августа, смотришь, как по-русски пятнает его дождь, и чувствуешь плечом, что рядом смотрят на эту рябь генералы Чарнота и Хлудов из булгаковского «Бега». И мокрая собака поднимает на тебя печальный взгляд товарища по изгнанию. И пальмы покажутся сделанными из жести, и горы вокруг не объятием, а угрюмой тюремной стражей. И все это будет как-то таинственно связано с пусто-глазым отрядом императоров, которые, ты уже чувствуешь, потянутся за тобой.

Ну вот, теперь можно и в Миры.

Под пеплом культуры

Разбудит, как в прежние приезды, без четверти шесть муэдзин с соседнего с гостиницей минарета, а там они пойдут подхватывать друг друга, как эхо по горам, – от мечети к мечети. Попытаешься продлить еще темное утро, но тут за тебя возьмутся петухи, которые с деревенской ответственностью будят страну от Стамбула до Анталии, одинаково звонкие и повсеместные в мегаполисах и деревнях, как, верно, будили императора Константина и Мехмета Завоевателя, потому что, в отличие от меняющихся языков и цивилизаций, жили здесь всегда.

Выйдешь на галерею – за ночь дождь ушел, горы розовеют. Утро сверкает. Но радости хватает только до площади, которая семь лет назад сверкала счастьем и праздником. Кипели флаги, пели дети, смеялась музыка, падал с бронзовой фигуры белейший шелк и восходил над площадью под призыв к намазу и нашу и греческую молитвы (так уж сошлось) вернувшийся в родной город Святитель. Мы не стыдясь, плакали тогда и радовались достой-

ному началу нового века. И вот...

На высоком белом корабле постамента, на котором возносился Святитель, неуместно и стыдно для глаза, как все неуместное, веселится, звонит в облупленный немой колокольчик яркий пластмассовый Санта Клаус в ядовитом наряде. Вчера торжественный корабль Святителя, плывший в мир надежды и взрослеющего человечества, закачался в стоячей воде шутовской игрушкой. Выросло рядом электрическое дерево стеклянным фейерверком, встал здоровенный столб освещения, вышла на траву гипсовая сборщица хлопка или винограда с корзиной, повыросли камни с разной ложной пышной информацией. Лавки обступили площадь теснее прежнего со своей восточной мишурой, пестрым разгулом ненужного товара, крикливой цветистостью, возбуждающей притупившееся зрение праздногого туриста. И боязно поднять глаза на храм, милосердно закрытый деревьями. И тем больнее видеть, что среди лавок-то вон уж и «Святой Николай» и «Сувениры» и даже «Скидки». И когда присмотришься, там и там посреди кальянов, шальваров, шелков и эротических игрушек отовсюду бумажные, писаные, металлические, деревянные, греческие и русские, а то уж и своего рукоделия Николы, Николы, Николы... А уж Санта Клаусов тыквенных, которые семь лет назад покачивались на веревках перед всеми лавками, почти и нет совсем.

Обрадоваться бы, что теперь и русский, и европейский турист увидит родное лицо Святителя, а вот не радуется. Когда бы он сам стоял на площади, то оно бы и понятно, и естественно – его город, его кафедра, его вера, его лик. А вот под Санта Клаусом и лик уже мнится товаром. И сердцу слышится отчетливое оскорбление. И чем больше всматриваешься в суровое лицо Святителя, изо всех окон глядящего на площадь, тем явственнее чувствуешь остроту столкновения духа веры и духа торга, проявившихся здесь с чистотою символа.

День разгорается. Лавок открывается все больше. И все больше Никол смотрят из витрин, как у нас дома, в России, где и поговорка давно готова «нет икон, как Никол» – столько их было в лучшие дни. И понемногу убеждаешь себя, что их совместная молитва однажды сама вернет нашего Николу на место. Никто и ставить не будет. Проснутся жители утром, а он стоит (для его великой силы это и не чудо), и постамент разом забудет бесчестье и «капитан» снова радостно поведет свой корабль на встречу любви и памяти.

Чтобы укрепиться в этой мысли, мы идем в храм поглядеть, каково там нашему Николе. Он стоит на южной стороне во дворе против древнего входа, видного на плане реконструкции, так что когда храм был бы восстановлен, паломник получал бы благословение прямо при входе. Стоит чуть кривовато на небольшом мраморном кубе из местной каменоломни. А в начальные дни ссылки стоял прямо на земле. Значит, дело понемногу идет. И значит, действительно до возвращения на пьедестал недалеко. Святитель всегда умел постоять за себя и за веру.

Солнце уже высоко, но тень еще падает на его лицо, и в этом тоже мерещится печальный символ. Но ведь солнце не остановилось, поднимется еще выше – и воссияет и Лик.

А храм умыт, утренне свеж. Это тоже новость. Прежде за ним так не ухаживали. Мозаики на полу от этого радостно чисты и ярки. Фрески подсвечены. Раньше мы Евхаристию в жертвеннике едва освещали телевизионной лампочкой на камере. А теперь она вспыхивает «сама», едва вступаешь под своды, и душа, зная свою неправоту, читает во всех апостолах за Петром и Павлом идущего к Христову причастию Святителя (так искушают к этому прекрасные и такие знакомые по русской иконографии белобородые лица причастников). И чего и предложить было нельзя – в притворе стали различимы отцы Первого Вселенского Собора – строгое единство сложителей «Символа веры» – «отцев славная красота», ясно и навсегда сказавших о богочеловечестве на месте все время пытающегося утвердить себя человекобога.

А в правом приделе и вовсе открыты новые фрески с сюжетами жития Святителя. Работы еще не кончены и паломникам только предстоит увидеть это чудо. Но уже и сейчас видно, какой славный был мастер, как любил он Николу – везде самого живого с молодыми глазами, детской ясностью и бесстрашием, и с почти слышной речью – такой же простой и бодрой. Как уже отлился за первые столетия в совершенную формулу этот образ – и слепой узнает! Фрески путеводитель относит к XI веку, и значит, автор еще не знал прекрасного Акафиста Святителю, составленного уже в XIV веке константинопольским патриархом Исидором. Но как уже виден здесь «светильник всесветлый и вселюбимый»! И «образ кротости духовной», который «яко по воздуху легкими благодатными крылами на вык сущих в бедах предваряти». Эти крылья читаются во взгляде и жесте, в самом ритме фресок, в непрерывном полете и вездесущести Святителя. А по молодым горячим глазам легко увидеть, что кротость кротостью, но как до стояния за веру дойдет, то тут может и затрецина оказаться хорошим вразумляющим и вполне духовным аргументом, потому что и противник не прост. Так что и в Акафисте эта энергия явлена без смущения – «радуйся Ария взбесившегося от Собора святых отгнавый». И уже лучше понимаешь и сплоченность отцов в притворе, может быть, той же руки – тут война за человека и Бога, за спасение Духа в его правильной полноте.

И все ходишь, кружишь, не в силах уйти – по двору с лесом сложенных «в уголок» колонн (мраморную часовню хватило бы «срубить»), по храму, поешь само излетающее «правило веры и образ кротости, воздержания учителю». И не хочется на улицу, где это «воздержание» попирается так победно. И так понимаешь отца Валентина с истока Волги, который в первый наш приезд просился остаться здесь на ночь и молился тут один о России, о нас, грешных, о своем малом волжском храме на острове Божье Дело.

Опять дивишься высоте «культурного слоя» вокруг храма – под самую кровлю. Век за веком «культура» погребает под собой христианство, несет пыль и прах столетий. И опять по осыпи великих камней Месопотамии, Греции, Византии, которые засевают здесь поля и долины, как в первый раз убеждаешься, что пыль – это только прошедшее время, уносящее в забвение недостроенную Вавилонскую

башню, Артемиду Эфесскую, цирки и театры, отчего под порывом несущего эту пыль ветра так болят, будто забитые слезами глаза.

Время и с христианством хотело бы сделать то же и во многом на этой земле успело, что мы уже видели и еще увидим в бедных останках наших храмов, но только не зря русским человеком сказано, что «церковь не в бревнах (хотя бы и мраморных), а в ребрах». И вот он стоит – храм Святителя Николая! И река Мирос, заносившая его век за веком, сама пересохла до голого дна, акрополь выветрился до чуть читаемых границ, барельефы гробниц выточились ветром до плоского рисунка, сменились народы и культуры вокруг, а он, потеряв главную святыню – гробницу Святителя стоит в царственной красоте и все собирает народы. Не пластмассовый Санта Клаус (стал бы народ ездить на поклонение кукле, а все он – Никола Мирликийский (Барийский, Можайский, Зарайский), победитель народов. Подлинно – победитель!

Идут по России крестные ходы к его храмам и явленным иконам, съезжаются в Барии по весне паломники – поклониться мощам, унесенным отсюда под благим предлогом 920 лет назад. И если не ожесточаться первым душевным движением, то разве за одними сувенирами приезжает в Миры православный человек и увозит отсюда Николу в Россию, Болгарию Сербию? Нет, как ни горько видеть обезображенную площадь, а Фонд «Синергия», установивший здесь семь лет назад памятник Святителю, свое благое дело сделал. Санта Клаус напрасно звонит в свой пустой пластмассовый колокол. Ему уже не заглушить победного молчания Святителя, который вернулся в Миры домой. И если уж до конца договорить, то и лавочники, переменившие в таварах расписную тыкву на образ, незаметно стронули что-то в своей душе. И я опять с улыбкой вспоминаю притчу Милорада Павича о строителе мечети Сулеймание, о ее архитекторе, который так долго смотрел на константинопольскую Софию, пока строил свою соревнующуюся с нею мечеть, что однажды проснулся христианином.

Не потому ли, когда я выхожу из собора и обрываюсь, мне кажется, что Святитель улыбается, провожая нас в порт Андрияке, который навсегда прописался теперь в его «Житии».

Живые цветы и мертвые камни

Здесь он останавливал египетские суда с хлебом, чтобы спасти Ликию от голода. И, верно, хлеб сгружался вот в этот увенчанный портретами Адриана и его жены Сабины гранариум, высящийся над портом два тысячелетия, неподвластный в своей тяжести ни морским ветрам, ни землетрясениям. Как неподвластны им оказались и вынутые прямо из скалы и мощно и державно дочерченные из камня той же скалы цистерны для хранения драгоценной дождевой воды под торговой площадью – тоже теперь вечной Плакомой. Здесь Святитель успокаивал слишком решительных солдат, идущих из Константинополя во Фригию усмирять мятееж и посланных бесцеремонно отнимающих провизию у мирных ликийцев. Отсюда летел спасать от смерти оболганных богатыми чиновниками Евдоксием и

Симонидом невинных людей. Имена лжецов, к части справедливой истории, сбереглись в назидание другим поколениям доносчиков и лжецов.

На одной из русских житийных икон Святитель летит к месту казни на тут же кем-то предложенной лошади и епитрахиль развеивается по ветру, не поспевая за его страдающим сердцем. И как чудно говорит «Житие»: «восполнив бессилие старости сердечным пылом, он скоро достиг места казни». Вряд ли, конечно, на лошади – это уж русский изограф, возгоревшись душой, помогал Святителю поскорее остановить несправедливость и голой рукой, как в сотнях других икон, удержать меч.

Плакома затянулась травой и кустами, и только горят всегда поражающие на этой земле алые, как молодая кровь, цветы, как горели они для нас в Пергаме в мае, в Сардах в декабре, и вот сейчас в феврале, словно они цветут всегда. Я вспоминаю чудесную метафору отца Валентина, когда он на месте первой проповеди апостола Павла в Антиохии Писидийской клал руку на последние уходящие в землю камни его храма и говорил: вот этот камень Петр, а этот Павел, а этот Андрей Первозванный, а вот эти, помельче – другие апостолы от семидесяти, а совсем крошечные – это просто поколения христиан и мы с вами, которые вместе и есть церковь. И тут, глядя на эти кровавые капли цветов под солнцем на земле, давшей сонм мучеников и свидетелей веры, я думаю, что такие цветы надо заслужить. И что они тоже и здесь, и в Пергаме, и в Фиатире, и в Каппадокии каждый помнит свое имя: этот цветок – ликийский мученик Кристент, этот – пергамский страстотерпец Антипа, этот – филадельфийский Германник. А эта пылающая поляна – двадцать тысяч никомидийцев, сожженных в храме при Диоклетиане, при котором страдал и Святитель Николай.

А гавань пуста. Суда вынуты из воды. И каждое легко и прекрасно. Это уже не работники моря, не те, что возили отсюда апостола Павла в Рим, а Святителя в Константинополь. Эти ждут туристического сезона и пока редко вспоминают христианское величие этой гавани. Но, как и прежде, берегутся Николай Морским в бес покойных водах.

К вечеру море и правда расходилось, и нас ждал в Мирах на берегу еще один нечаянный символ. Море так и кидалось на берег страшными волнами, опадало с громом и как-то одушевленно бросалось на тебя, если ты дерзал подойти слишком близко. И особенно яростно билось о какие-то молодые, странно знакомые мраморные камни, цепочкой уходящие с берега в воду и брошенные, видно, еще не так давно, не успевшие замыться ни песком, ни илом. Пока мы не вспомним, что это тоже наш памятник. Работа того же скульптора Григория Потоцкого, который делал памятник Святителю. Онставил этот символический монумент через год после святого Николая в начале пешеходной улицы в напоминание порога, который перешагнуло человечество. Памятник назывался «миллениум» (тогда это нарядное слово было модно). Это были две стелы (два тысячелетия), каждая из пяти блоков (пять континентов, пять основных религий), скрепленных вверху ненадежной связью человеческого стремления к единству. Один из камней явственно окликал мусульманство вынутым сбоку полумесяцем.

Монумент был поставлен в мае при радостной помощи всего города, а 11-го сентября того же 2001-го года в Нью-Йорке самолеты Бен Ладена протаранили башни Торгового Центра, странно похожие на две стелы Григория Потоцкого именно на той высоте, где на его памятнике был вынут полумесяц. И памятник неожиданно стал страшным напоминанием и укором, словно был поставлен после трагедии. И город благоразумно бросил его в море, чтобы не поверить, что памятники иногда сбываются

Я не хочу додумывать мысль о торговом центре, о Санта Клаусе, который, очевидно, стоял там на каждом окне символом достатка и благополучия, а здесь попирает чужой пьедестал. История сама строит свои сюжеты, сама знает, когда приходит время собирать, а когда разбрасывать камни. И в конце концов останавливается на справедливом варианте. Только отмечаю, как длинны в чужих краях даже короткие февральские дни и как история жадно вплетается в жизнь и мысль, словно только и ждет, когда на нее поднимут глаза.

Поражение и победа

Ответный взгляд истории порою бывает тяжек. Мы уже говорили об этом когда-то в Каппадокии, в городке Гюзелез, заселенном мусульманами Македонии на место узевенных отсюда в Македонию при Ататюрке греков. Новая вера не узнает единого родства и обращается с оставленными христианами храмами хуже, чем с хозяйственными постройками, отдавая их скоту или на игры детям, которые чаще играют здесь в вечную взрослую войну, истребляя изображения святых как безответных пленников. А поводом к воспоминанию об этом было то, что мы решили сразу уехать в самый западный город Ликии Телмес – нынешний Фетхие, и уже оттуда, на обратной дороге и смотреть потихоньку землю Святителя, как если бы он сам надумал оглянуть свою митрополию таким образом.

Фетхие прекрасен, как многие города Средиземноморья и опять воскрешает в памяти Александра Степановича Грина, который в 60-е годы был нашей романтической библией и который сам никогда не видел таких городов, рисуя их с пыльной Феодосии. Они звались у него Лисс и Зурбаган и были полны парусов, ветра, старых моряков и прекрасных девушек с небывалыми именами. Вот и тут достаточно было первым утром по приезде выйти на балкон отеля, чтобы сверкнуло небесной синевой море, закачался лес мачт, и каждая яхта показалась вымыта накануне с мылом и готова встать под алые паруса.

Но мы оставляли эти открыточные красоты, потому что ехали не за ними. На выезде из старого Телмеса мы еще успевали взглянуть на неизменные здесь театр и скальные гробницы. Театр медленно уходил в землю, зарастал, словно на него натягивали по окончании спектакля дерновый ковер, и сбивался больше уже на какой-то запущенный деревенский стадион. А гробницы еще кичились имперскими именами, ионическими колоннами, вытесанными в скале, иллюзией кованых врат. Но, как повсюду, в этой стране, да, верно, и в других тоже, ворота были разбиты, и взгляду за фасадом этой ро-

скоши представляла жалкая нагота тесной, часто загаженной пещеры, ничем не отличающейся от бедных гробниц рядового ликийца.

Это на земле и при жизни ты император и тебе ставят статуи в соседстве с Зевсом. И возливают вино и воскуряют фимиам, как, по описанию Плиния Младшего, положено было перед статуей Траяна. И посылают твоим изображениям воздушные поцелуи обожания (на замеченного в уклонении от таких поцелуев – тотчас донос с обвинением в христианстве и доносчику – имущество обвиненного). А там, за последней колоннадой и царственными вратами, тебя встретит тот же Харон, что перевозит через Лету и последнего бедняка. А христианин, так и вовсе знает, что именно последние будут первыми в свете нетления, а первые еще неизвестно где.

Это честолюбивое соревнование гробниц неожиданно вызывает в памяти нынешние русские кладбища, где «новые русские», убитые еще по дороге в тюрьму, тоже отмечаются чуть не имперскими надгробиями, выставляя на мраморных стелах свои мерседесы и загородные дома, словно надеясь унести их с собой. Богатые люди схожи мышлением даже и через две тысячи лет.

А торопились мы в старый греческий город Кармелисос, на календаре которого нет даты рождения, ибо она теряется в дохристовой тьме, но есть дата смерти – 30 июня 1923 года, когда город с двадцатипятитысячным населением в один день оставил свои очаги и переехал в Грецию. Ататюркстроил новую единую Турцию и не мог позволить грекам, как они того хотели по праву долгой жизни в этих местах, отнять у себя западную Анатолию. Бескровно, но непреклонно греки были возвращены в родимую землю, которой они могли не помнить, потому что пришли сюда еще с Александром Великим.

Что можно унести с собой в один день из двухтысячелетней истории? Только свое вчера и сегодня. Добро заберет пришедший сюда новый человек, а память возьмет земля. Турки не стали селиться в оставленном городе, понемногу обживаясь внизу у его подножия. А город отдали ветрам, дождям, зною, жестким кустарникам, травам и камню, который здесь убедительнее всего доказывает, что расстет так же естественно как дерево.

Мы потом часто будем видеть в руинах античных и византийских городов, как дерево и камень то любящие, то враждебно врастают друг в друга, становясь какой-то новой природой, автором которой может числить себя история. Здесь камни растут скорее деревьев в опустевших домах, где чернеют в левом углу (в правом была икона) иногда чудно украшенные очаги, вокруг которых шумели поколения. Рождались и росли дети, дремали старики, а ночами грели старые бока греческие домовые. Еще нет-нет мелькнет нарядная ставенка, измытый дождями стул или половинка двери да вечный спутник жилья – битая глиняная посуда. Но больше дома уже используются как загоны для овец, коз и коров и оживляют этот некрополь только птицы, пролетающие сквозь окна, крики петухов, да иногда страшное мычание запертого быка, как архангельская труба все длящегося здесь Страшного суда.

Турки украсили эту нечаянную Хиросиму поэтическим именем «Долина безмолвных фей». Днем

солнце милосердно загораживает трагедию веселым теплом и светом. Но с приходом темноты город становится призраком, вскипает неслышными слезами, задыхается от воспоминаний и делается понятно, почему новые хозяева земли не хотят воспользоваться его стенами. Феи этого города безмолвны, потому что онемели от ужаса. И запоздалый прохожий старается не смотреть в сторону этих стен. Люди на ночь покрепче запирают двери и погарче зажигают лампы, чтобы холодные тени не затопили их улиц и не отняли сна.

Часовни разбежались по городу и встали стражей на самых высоких местах. Путеводитель предпочитает французское слово «шапель» в угоду Ататюрку, которому французский был вторым языком. В них еще читаются фрески, чьи-то некогда спасительные лики, но плесень уже пожирает их. Два храма (Верхний и Нижний, как они зовутся на нынешнем плане города – прошло только восемьдесят лет, но уже не у кого узнать их имен) переглядываются поверх крыш. Они собирались служить долго, потому что в Верхнем еще летит над входом нежный мраморный серафим и чистой почти новой галечной мозаикой украшен двор. Мастер подписал его 1910 годом. До трагедии оставалось только тринадцать лет, и мозаика еще не успела вытереться, как вытерлась в Нижнем храме, где то ли той же руки, то ли той же традиции такой галечный греческий ковер двора подписан 1881 годом. И видно, что ковер этот «постлан» поверх другого, еще более раннего и уже изношенного. Даже, кажется, того же рисунка. Значит, все-таки дело не в мастере, а в традиции этого места «ткать» эти черно-белые галечные дорожки, как ткут их русские деревенские женщины, украшая ими деревенские храмы. Они и мягки по-деревенски, потому что положены поверх друг друга и нога чувствует шаг, как привет прежних молитвенников, как всегда чувствуешь тепло и любовь, вступая на какой-нибудь круглый коврик у входа сельской церкви. Или когда кладешь его под коленки на первой неделе Великого Поста, когда читается Канон Андрея Критского и поется печальное и воскрешающее «Душе моя, душе моя, восстаний, что спиши – конец приближается...».

В Нижнем храме еще и алтарная преграда жива и праздничный чин на месте поздней итальянской руки – хоть завтра служи. Но в разрезе окон уже чудится Восток, шамаханская раскосость – жили-то рядом. Только кресты в «наличниках» византийски чисты, не то споря с мавританским рисунком окон, не то говоря: обнимемся, мы одной земли.

Поднимаюсь на первый, еще не рухнувший этаж колокольни, и вздрагиваю – так мертв этот открывающийся сверху термитник. Смерть проточила пустые окна и двери в стройном порядке и зачем-то бросила этот труд посередине. Подлинно – заповедник человеческого нетерпения, как, слава Богу, понимают его сами турки. Правда, понимают уже вполне в нынешнем духе, делая из него туристическую приманку – магазины и ресторанчики заманивают греческими именами и учатся мифологии, но вместе и понимая, что такой способ решения политических проблем не к чести человеческой истории.

А мы оглядываемся на выезде на городские часы, остановленные в час исхода, и молимся, что-

бы этот «заповедник» так и остался заповедником, а не примером для решения сегодняшних проблем так часто вспоминаемых нами в эти поездки Палестины и Косова, Осетии и Абхазии, Израиля и Ливана. Кажется, это первый город, из которого уезжаешь без сожаления и боишься оглянуться, чтобы он не кинулся за тобой.

Со смущением вижу сейчас, когда пишу эти строки, что ни разу не вспомнил, что и это митрополия св. Николая и он вполне мог быть здесь в начальные христианские дни этого города. Так все далеко от него – «звезды незаходимой», как зовет его одна из никольских служб. И вспоминаю об этом только уже по дороге на остров св. Николая, куда мы торопимся, чтобы уврачевать сердце, отойти от увиденного.

Дорога в чудных пиниях и каком-то «шишкинском» свете долго карабкается наверх и спускается с перевала, показывая на несчетных поворотах то снежные вершины обступающих гор, то синенький платочек моря, то пропасть неба, в котором на минуту чувствуешь себя летящим. Пока не выкатываешься к малой бухте прекрасного залива, в котором и покоятся цель нашего приезда – остров Святого Николая.

Я смотрю на фотографию, сделанную в тот день, и не могу наглядеться. Длинные лодки готовятся выйти в море. Живописные люди что-то носят с берега и на берег. Бочки, тюки, корзины. Алья рубахи, пестрые жилеты, непременные флаги страны на мачтах, яркая зелень кустов и сосен, как на итальянских картинах Сильвестра Щедрина. И бархатной туфлей – остров за мысом на фоне синеющих гор, где на вершине ноготком чертится апсида церкви. Что-то из раскрашенных гравюр XVIII века с контрабандистами, горячей речью, воздухом опасности и запретной свободы. Будто наткнулся на иллюстрацию из каких-нибудь пожелтевших за столетие мемуаров. Так подлинна, длительна, недвижна эта жизнь из столетия в столетие.

Скоро наш неизменный хранитель в этой поездке, как был и в прежних, нянька, путеводитель и гид Нихат сторговал для нас лодку (как и следовало в этом «недвижном» мире, по мобильному телефону) и мы поспешили к острову. Я поставил икону Святителя, с которой не расставался все дни, в нос лодки под ветер и брызги – ведь это были его воды, его море, которое он знал во всех состояниях. И мы все улыбались. И конечно, на безлюдном острове с малым причалом и какой-то хозяйственной хижиной к нам уже летели наперебой рыжие кошки всех оттенков, чтобы проводить первые несколько метров и махнуть рукой, видя, что с нас нечего взять.

Говорят, Святитель жил здесь некоторое время. И благословил это место уединения, хотя благ тут никаких. Остров едва ли в километр длиной. Камень, неизменный терновник, одичавшие оливы. Ни воды, ни леса. Тропа Сразу круто стремится к вершине, и скоро нас встречает первая, наполовину, как почти всегда здесь, иссеченная в скале церковь пятого века. Как всегда безымянная – первая и все. А там, повыше и вторая с роскошной чашей одной сохранившейся апсиды, которая без опоры стен, кажется, гудит как парус. Три прекрасной формы окна все утверждают единство и неслияность Троицы,

напоминая, что споры вокруг этой непостижимой разумением неслитной нераздельности шли не на одних вселенских соборах. А вот и по таким к скитам, и на стадионах, и ипподромах, часто оканчиваясь кулаками, потому что вера была не благочестивым понятием, а делом прямого личного спасения, и тут уж было не до дипломатии. Крест прорезан в вершине апсиды, как знамя исповедание, и небо в нем бездоннее и синее, чем остальной свод. И почему-то на минуту кажется, что здесь и не было никаких стен. Или землетрясения и время сами отряхнули их, чтобы и это море, и горы вокруг, и малые села рыбаков там, на материке, и путники, и дороги вошли под парус апсиды для общей молитвы. И не надо возгревать воображения, чтобы, встав перед утраченным престолом и еще живым горним местом, услышать эту молитву вод, лесов и небес и понять, что она никогда не переставала здесь все пятнадцать веков.

Я ставлю Николу на верхнюю ступень синхрона, зажигаю свечу перед ним, и она не гаснет на открытом всем ветрам месте, потому что апсида бережно обнимает ее и образ, как мы, когда прикрываем свечу чашей ладони.

А еще через сто метров – третья, самая верхняя здесь церковь. Дотошные японцы, которые ведут здесь раскопки, сосчитали, что она находится на 99-м метре над уровнем моря (в скобках поневоле вздохнешь, что неисчерпаемую Турцию копают все, кроме нас). У этой, напротив все стены, кроме восточной, целы. Она открывается сверху (иначе к ней не подойдешь) с праздником мозаичных полов, мрамором амвона, ясным местом престола в охране колонн, от которых остались одни базы, и упругим луком горного места. Остров за ней опускается, и она плавает в небо. Здесь апсида, наверно, мешала бы открытому полету. Здесь свечу и Николу ограждают стены. Пламени почти не видно на горячем солнце, зато икона сияет драгоценным камнем, откликаясь мрамору и мозаикам. Это церковь седьмого века. Икона в это время еще стоит в храме, но над ней уже нависает опасность – скоро на нее начнется гонение, которое продлится без малого столетие. Ее назовут идолом и начнут повсеместное истребление (в империях уж так – сразу и везде), лишив нас великого наследия живописного свидетельства Истины первых христианских веков. Глядя сейчас, как радостно светит Никола под родным солнцем, я думаю, как затруднена была бы наша молитва и как холодна и умозрительна без этого живого диалога со святыми, Спасителем, Девой Марии и как хорошо, что мы приняли христианство уже в торжестве и победе иконы. Малым эхом этой победы и горит сейчас наш Никола на палубе летящего в небо храма. Храма его, его имени, ведь не зря в мозаике пола первым твоему невежественному в греческом языке глазу бросается слово Николао. Потому, верно, и остров его имени – по этой красавице церкви, начавшейся еще при Юстиниане Великом, который хотел бы сделать церковью весь мир, чтобы в нем звучало сочиненное им и по сей день победное и прекрасное песнопение Литургии оглашенных «Единородный Сыне». Церковь рождена одной любовью к Святителю, потому что другого строительного материала тут нет. Не из чего было сложить это

чудо благодарности и поклонения.

Кто-то из отцов основателей и великих клириков и лег здесь, под полом, что обнаруживают две малые гробницы, вернее два тесных склепа, выбитых в скале. Они и там, за второй церковью таковы же – бедные ладьи, перевозящие через Лету, – пустые, залитые дождевой водой и давно используемые под поильни для скота. Здесь знали временность смерти и ложились без пышности, не тщась унести с собою мир. И, может быть, как на нынешнем Афоне, и ложились по истлении брата в одну и ту же могилу – нет здесь лишней земли и могила в камне трудна. Так что и нетление не благо, а повод к удвоенной молитве. И те-то, имперски пышные, оставленные нами в Телмесе, пусты, потому что разграблены и кости брошены за ненужностью, а обитатели этих воскресли.

Поместится на острове за церковью св. Николая еще малая часовня, и через долгий каменный коридор в мерно идущих аркадах, согласивших в себе легкость и мощь, – последняя церковь, чтобы обрваться над морем гранариумом и цистерной.

Как же тесна и напряжена была жизнь этого крошечного, скорее всего, монашеского государства, которое без противоречий можно удержать только любовью и молитвой! Как высока и серьезна, как честна и тверда перед Богом! Беден и мал

остров, но было, значит, кому молиться в этих четырех храмах, возделывать на голом камне сад и потом ложиться в этот камень со спокойной верой в восстание.

Не знаю, почему я думаю здесь о только утром оставленном мертвом Кармелитоссе – заповеднике нетерпения. И там и тут руины, но те мертвы, а эти животворящи. И вертится в памяти смешная северная присказка «От Холмогор до Колы тридцать три Николы». Эти наши тридцать три пошли от здешних четырех, как сам Никола от этих горных снегов ушел к нашим долгим равнинным разделить страдание с самыми «труждающимися и обремененными», как он навык «сущих в бедах предваряти».

Умерли, уходят в землю четыре «Николы» на малом острове, но восходят на нашей земле от Холмогор до Колы новые тридцать три Николы. И как не вспомнить евангельское «если зерно не умрет, не даст плода». Омертвел этот некогда живой камень, но созиждется на нем, хоть не в этой земле (хотя почему не в этой – вся земля Господня!) новая церковь, засевается новое поле жизни. И когда мы возвращаемся, Святитель снова на носу лодки глядит, глядит на оставляемый нами свой дорогой остров.

Илик его светел.

Продолжение следует

В журнале «Симбирскъ» № 8 за 2016 год, мы публиковали отрывки из дневника священника Сергея Петровского (сына убиенного в 1919 году диакона Петра Петровского), а также очерк краеведа из Майны Владимира Кузьмина «Унесенные ветром» о судьбе этой семьи. Мы возвращаемся к этой теме. В с. Репьевка – Космынка Майнского района недавно был освящен Поклонный крест, в память о новомучениках. В журнале «Симбирскъ» № 5 – 2018 год – были опубликованы воспоминания Марии Андреевны Растворгувой (внучки Петра Петровского) и подборка ее стихов.

Сегодня публикуем статью Евгения Старостина об освящении Поклонного креста и стихотворение Марии Растворгувой с описанием трагических событий 1919 года.

Евгений СТАРОСТИН, р.п. Майна

СВЯТО МЕСТО НЕ ПУСТО

В конце августа в селе Репьевка-Космынка состоялось освящение Поклонного креста, установленного в июне этого года на месте храма во имя Архангела Михаила, разрушенного в начале прошлого века.

Расправа

Много воды утекло с тех пор, как село лишилось храма. Построенная в далеком 1894 году на средства прихожан и помещиков, местная церковь получила имя Архангела Михаила. Будучи не первым храмом, возведенным в Репьевке, по стечению исторических обстоятельств она же оказалась последним. Храм разрушили через несколько лет после установления советской власти. А предшествовали этому событию не менее трагические как для жителей Симбирского уезда, так и страны в целом.

Во время Чапанного восстания 16 марта 1919 года здесь, на улице, на глазах у своей семьи, был расстрелян диакон Михаило-Архангельской церкви Петр Петровский вместе с псаломщиком Николаем Николаевым. Расправу над ним в чем не повинными священнослужителями учинил конный отряд красноармейцев, приехавших из соседнего села Каменка (Ртищево-Каменка, нынешнее Полбино – **прим. ред.**). Каратели не предъявили никакого обвинения и никому из ошеломленных очевидцев не сказали, за что. Поговаривают, жертвам предоставляли выбор – отречься от Бога, вступив в коммуну, однако оба наотрез отказались. И поплатились за это жизнями.

Завещание

О разрушенном впоследствии храме почти сто лет напоминали остатки фундамента, по периметру которого выросли деревья и ничто уже практически не напоминало о том, что когда-то именно на этой улице, почти в самом ее конце, стояла церковь, куда по зову души тянулись прихожане и где велись службы.

– Здесь и школа напротив была, и стадион, но это позднее, в детстве мы на лошадях отсюда через Тамбы в Майну ездили, – вспоминает житель Репьевки-Космынки Анатолий Старостин. – Было и старое кладбище.

Подтверждая сказанное, глава администрации Гимовского поселения Адип Низамутдинов расска-

зал – когда копали траншею под новую ветку водопровода, который провели совсем недавно, с два мешка костей накопали. Все перезахоронили.

Идея установить Поклонный крест на месте церкви пришла из Москвы. Ее автором выступила Мария Растворгева, правнучка диакона Петровского. Родственница священнослужителя, ныне проживающая в столице, сделала это на собственные сбережения, исполняя волю бабушки. Инициативу поддержали жители села, которые сохранили о батюшке добрую память и передали ее своим детям. Необходимое содействие оказала местная администрация. Сообща территорию бывшего храма очистили от разросшихся деревьев, кустарника, бытового мусора, насколько было возможно, облагородили. На месте предполагаемого захоронения диакона Петра и матушки Пелагеи Петровских на старом сельском кладбище восстановили их могилы и установили пятиметровый памятник там, где когда-то возвышался храм. Крест создан по проекту фабрики «Мастер» (руководитель П.К. Минеев). Изготовили его, действительно, опытные мастера Николай Алексеевич Скарьков, Николай Иванович Ерасов. Только общие усилия, добрая воля многих людей позволили воплотить этот благой замысел.

Веру не убить

25 августа его освятил митрополит Симбирский и Новоспасский Анастасий. Владыка сначала посетил Знаменскую церковь соседнего села Ляховка, совершив в ее стенах Божественную литургию. Его сопровождали священнослужители Майнского района, в том числе настоятель Знаменского прихода игумен Варсанофий (Беспалов), а также благочинный Вешкаймского округа протоиерей Анатолий Капранов и духовенство Симбирского и Вешкаймского благочиний.

Обращаясь к прихожанам, митрополит отметил:

– Этот памятник – напоминание нам о прошлой греховной жизни и одновременно о том, что это место святое. Возможно, когда-нибудь здесь будет воссоздан тот утраченный храм. Во всяком случае, я вижу, вера в людях есть, ее убить оказалось невозможно.

Архиерейскими грамотами в благодарность за труды были награждены глава администрации Гимовского сельского поселения Адип Низамутдинов и правнучка диакона Мария Кирилловна Растворгueva. В ответном слове глава пообещал вместе с жителями приложить дополнительные усилия по приведению в порядок этого особенного места.

– Когда я обращалась к отцу Анатолию, я не могла даже мечтать, что освящать Поклонный крест будет сам митрополит, – поделилась Мария Кирилловна Растворгueva. – Эту просьбу через свою боль передала мне моя бабушка. Она умерла в 1974 году в возрасте 83 лет. Она была средней дочерью дьякона Петра. Получилось так, что она меня вырастила с младенческого возраста. Бабушка была женой священника. И смогла вложить в меня трепетное

отношение к моим близким и родным, которое воплотилось в этом памятнике.

Вниманию его высокопреосвященства, сельчан и всех гостей земли майнской был представлен духовный концерт, подготовленный вешкаймцами.

Пронесенное через годы благое дело, которого могло и не быть без на то воли Божьей, способствовало принятию репьевцами решения о строительстве рядом с поклонным крестом часовни. Ну а храм – все может еще случиться.

Фото автора.

Владыка Анастасий освящает Поклонный крест

Владыка Анастасий (в центре), духовенство и участники духовного концерта возле Поклонного креста

Мария Андреевна РАСТОРГУЕВА, внучка убиенного диакона Петра Петровского, в стихах запечатлела трагические подробности гибели деда

Мария Кирилловна Растворгева (Москва), правнучка диакона Петра Петровского, Петр Константинович Минеев, директор фабрики «Мастер», изготовившей Крест, внуки М.К. Растворгевой Аня и Илья

Посвящается дедушке и бабушке Петровским

* * *

В том девятнадцатом – незабываемом,
Покрылась трупами земля.
По Волге шел отряд отчаянный,
Он назывался «Бей попа».

Воскресным утром от обедни
Пришел мой дед. Он был уж стар.
И бабушка скорей поставила
На стол кипящий самовар.

Но чай допить вы не успели,
Как постучалась смерть в окно –
«Эй, открывай скорее двери,
Да выходи к нам на крыльцо».

Дрожали старческие руки,
Когда подрясник надевал.
И отдал он себя на муки –
Прощай, родимая, сказал.

А бабушка в окно смотрела,
Как он на талый снег упал.
Как командир в папахе белой
Ему в живот сперва стрелял.

Они стреляли разрывными
И, выпустив ему кишки,
Потом, наверно, «пожалели»,
Проткнув штыком его виски.

Диакон
Петр Григорьевич
Петровский

«В этом стихотворении нет художественного вымысла даже в деталях. Все описанное – реалии трагического события, которое произошло в селе Репьевка-Космынка Симбирской губернии 3(16) марта 1919 года.

Моя бабушка Пелагея Алексеевна завещала своим потомкам помнить и передавать из рода в род мельчайшие подробности гибели своего мужа – диакона Петра Григорьевича».

* * *

Ну, где взяла ты эту силу:
В последний путь перекрестить,
Взвалить тяжелый труп на спину
И в дом опять его втащить?

И в развороченное чрево
Все внутренности собрала.
Запеленала, как сумела,
Омыла кровь... И замерла...

А из окна виднелась лужа
На сером мартовском снегу –
Святая кровь родного мужа
Еще дымилась на ветру.

И самовар еще дымился...
И в чашках стыл пахучий чай...
А тот, кто утром с ней молился,
Сейчас на лавке застывал.

Отряд куда-то в даль умчался
С веселым криком – «Бей попа».
Народ от страха разбежался,
Попрятались все кто куда.

Лишь дурачок церковный Вася
Решился в горенку войти.
– За что они его, мамаша? –
И поклонился до земли.

А ты, с трудом рот раскрывая:
– Не знаю, Вася, я сама.
Наверное, за веру в Бога,
За Русь, за русского царя.

И вспомнила, как накануне
Акафист Иверской читал.
Просил Вратарницу Благую
Открыть ему ворота в рай.

«И СУДЬБА, И РАДОСТЬ, И ПЕЧАЛЬ...»

Стихи родному городу

Николай МАРЯНИН

ГРАД СИМБИРСКЬ

Семь ветров разбрелись по Венцу,
Словно вестники древней поры,
И Свияга слезой по лицу
Соскользнула с Симбирской горы...
Беспощадной истории зов
Обнажает свое существо,
Как привел сюда вольных стрельцов
Воевода Богдан Хитрово!

Град Симбирск –
берег Волги, уходящий вдаль,
Град Симбирск –
и судьба, и радость, и печаль,
Град Симбирск –
боль молитв в мечетях и церквях,
Град Симбирск –
белый странник на семи ветрах!

За века здесь во зле и добре
Много волжской воды утекло,
Но стоит град Симбирск на горе,
Излучая из сердца тепло.
Знаю, что б ни случилось со мной,
И куда б ни влекло меня вновь,
Возвращаюсь я в город родной,
Излучая из сердца любовь...

Александр БУНИН

С Волги, оттуда, где пристань
Гасит огней пересверк,
Словно по лестнице, быстро
Солнце взбирается вверх.
Если взглянуть с косогора,
С самого гребня Венца,
Взор не охватит простора,
Далям не видно конца.
Кажется, слышно повсюду
Слово, что вымолвишь здесь,
Кажется, знаешь, что будет,
Взвесив, что было и есть.
И укрепляется снова
Давняя вера в мечту,
Снова к полету готово
Сердце, набрав высоту!..
Взмокнет от пота спина –
Выйду за солнцем на взгорье,
Где высота и раздолье
Нас просветляют до дна.

Лев БУРДИН

Весь город в пламени. Багряный
Везде бушует листопад.
И как застывшие фонтаны
Березы желтые стоят.

И парк осенний неподвижен,
И лист плывет последний раз,
И за рекою в дымке рыжей
Опять короткий день погас.

И шорох листьев тише, тише.
Заря сгорела до конца.
И гаснут розовые крыши
На кромке Старого Венца.

Галина ЗАРУДНЕВА

Прекрасна осень в октябре,
в начале...
Но родилась я в самую жару,
Когда березки ветками качали
На знойном неприкаянном
ветру.

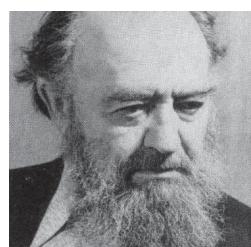
И я березки эти полюбила,
И шалый ветер до сих пор
люблю,
Я с милыми березками
сравнила
И Родину негромкую мою.

Здесь мои грозы, радуги,
рассветы,
Здесь мое сердце, мысли и дела.
И сквозь разлуки, что
остались где-то,
Меня сюда дорога привела.

Чтоб Волгою рекою
любоваться
Под шум любимых
трепетных берез,
И навсегда в моем краю
остаться,
Который я люблю. Люблю
до слез!

ОКТЯБРЬ 2018

1 октября – 110 лет назад родился писатель Григорий Иванович Коновалов (1.10.1908, с. Боголюбовка Бузулукского у. Самарской губ., ныне Сорочинского р-на Оренбургской обл. – 17.04.1987, г. Саратов). Окончил Пермский пединститут (1936), работал преподавателем литературы в Ульяновском педагогическом институте. Руководил Ульяновской писательской организацией (1946 – 1955). С 1955 года жил в Саратове. Автор романов «Университет» (1947), «Степной маяк» (1950), «Истоки» (1972), «Благодарение» (1983), «Воля» (1987) и др.

2 октября – 150 лет со дня рождения государственного деятеля, мемуариста Александра Николаевича Наймова (2.10.1868, г. Симбирск – 3.08.1950, г. Ницца, Франция). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1887), одноклассник В.И. Ульянова. Имение находилось в с. Головкино (ныне затопленная территория Старомайнского р-на). Был членом Госсовета, министром земледелия России (1915 – 1916). С 1920 года жил в эмиграции. Автор изданного в Нью-Йорке двухтомника мемуаров «Из уцелевших воспоминаний. 1868 – 17» (1954).

3 октября – 135 лет назад родился чувашский историк, философ и писатель Гурий Иванович Комиссаров, псевдоним – Вантер (3.10.1883, с. Богатырево Ядринского у. Казанской губ., ныне Цивильского р-на Чувашии – 25.02.1969, пос. Санчурск Кировской обл.).

Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1903), состоял там в «Компании юных пионеров» (1901 – 1903). Автор драматических произведений «Чувашская свадьба» (1901), «На кормежке» (1903), «Женитьба» (1903), этнографических трудов и публицистических очерков.

4 октября – 65 лет исполняется поэту, литературному критику, публицисту Александру Ивановичу Казинцеву (р. 4.10.1953, г. Москва). Окончил Московский государственный университет. Заместитель главного редактора журнала «Наш современник», член правления

Союза писателей России. В июне 1999 года побывал на Пушкинском празднике в поселке Языково Ульяновской области. В мае 2005 года встретился в Ульяновске с начинающими литераторами, стал гостем клуба «Вдохновение» в библиотеке технического университета.

7 октября – 70-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик, журналист, издатель Анна Львовна Бердичевская (р. 7.10.1948, г. Соликамск Пермской обл.). Автор книг «Странствие», «Тихий ангел», «Не плачь, не горюй», «Чемодан Якубовой» и др. Живет в Москве. В феврале 2006 года с

Андреем Битовым была в Ульяновской обл., посетила музей Дениса Давыдова в с. Верхняя Маза Радищевского р-на. В Ульяновске побывала в Музее современного искусства им. А.А. Пластава, областном Дворце книги, встретилась с ректором и студентами УлГУ.

8 октября – 195 лет назад родился поэт и публицист Иван Сергеевич Аксаков (8.10.1823, с. Надеждино Оренбургской губ., ныне Белебеевского р-на Башкортостана – 8.02.1886, г. Москва). Сын писателя С.Т. Аксакова. Окончил Училище правоведения в С.-Петербурге, жил в Москве. В 1848 г. гостил в Симбирске у брата Г.С. Аксакова, в 1851-м вместе с отцом посетил здесь дядю Н.Т. Аксакова, в 1854-м побывал в селе Аксаково Симбирской губернии. Автор многих стихотворений и поэм. Написал очерк «Биография Ф.И. Тютчева» (1874).

8 октября – 140 лет со дня рождения писателя и журналиста Николая Александровича Афиногенова, псевдоним – Н. Степной (8.10.1878, г. Наровчат Пензенской губ., ныне село в Пензенской обл. – 25.07.1947, г. Москва). Не раз бывал проездом в Симбирской губернии.

Близкий друг писателя Александра Неверова, в 1921 году ездил вместе с ним в Ташкент, чтобы доставить продовольствие для голодающих Поволжья. С 1922 года жил в Москве. Автор книг «Записки ополченца», «В царской армии», романов «Семья», «Перевал» и др.

8 октября – 80 лет отмечает поэт и прозаик Николай Алексеевич Бондаренко (р. 8.10.1938, г. Ташкент Узбекской ССР). Окончил Ташкентский университет, работал в школе и в издательстве. Автор книг «Солнце в ромашках», «Рваное облако», «Последний хадж из Петербурга

в Апраксино», «Ветер времени», «Гранение солнца», «Стихотворения в дереве» и др. Член Союза писателей СССР (1978). В 1985 – 1986 годах жил в Ульяновске, написал здесь сказку в стихах «Синеглазка, три брата и лютый Змей». Живет в Санкт-Петербурге.

13 октября – 170 лет назад родилась автор воспоминаний Евдокия Петровна Левенштейн (13.10.1848, г. Симбирск – 1911, г. Москва). Приемная дочь А.А. Музалевской – родной сестры И.А. Гончарова. Оставила «Воспоминания об И.А. Гончарове», опубликованные в журнале «Вестнике Европы» (1908)

и сборнике «Огни» (1916). Встречалась с писателем в Симбирске в 1855 и 1862 годах, Гончаров сопровождал ее в Москву для поступления в пансион. Вышла замуж за врача-психиатра Ю.А. Левенштейна, имевшего в Москве лечебницу для бедных.

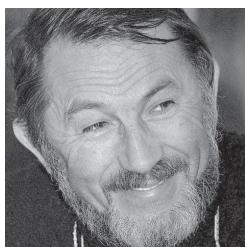

13 октября – 85-летний юбилей отмечает литератор Элеонора Ильинична Денисова (р. 13.10.1933, г. Ульяновск). Окончила Московский государственный педагогический институт. Первый диктор Ульяновского телевидения. Преподавала русскую литературу в Махачкале, а затем долгое

время – в Ульяновском педагогическом институте имени И.Н. Ульянова (1974 – 1994). Кандидат филологических наук. Пишет рассказы и очерки, публиковалась в журналах «Дружба народов», «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ». Автор книги «Шарик улетел» (2011).

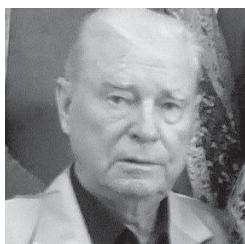
14 октября – 90 лет назад родился поэт Михаил Федорович Кошкун (14.10.1928, д. Котяковка Ульяновского округа, ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл. – 5.06.1996, ?). Окончил Ульяновский педагогический институт (1961). Работал учителем и журналистом в Куйбышеве, Тереньге, Барыше, Вешкайме. Публиковался в сборниках «Волжские рассветы» (1959), «День поэзии» (1967). Автор книг «Мой любимый карандаш» (1957), «Если в небо бросить мяч» (1967), «Слава любимому краю» (2009). Член Союза журналистов РСФСР.

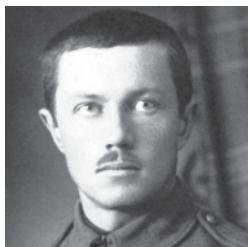
16 октября – 85 лет со дня рождения поэта, барда, киносценариста Бориса Савельевича Вахнуга (16.10.1933, с. Гришки Волковинецкого р-на Каменец-Подольской обл., ныне Деражнянского р-на Хмельницкой обл. Украины – 2.06.2005, г. Москва). Написал несколько десятков песен, которые пели А. Пугачева, И. Кобзон, М. Магомаев, Н. Брегвадзе, Л. Зыкина, В. Трошин. Автор книги стихов «До востребования» (1992) и сборника очерков «Терема» (2009). Приезжал в Ульяновск в декабре 1969 года в качестве спецкора журнала «Кругозор».

17 октября – 165 лет назад родился писатель-демократ, прозаик Николай Елпидифорович Каронин-Петропавловский (17.10.1853, д. Вознесенская Бузулукского у. Самарской губ. – 24.05.1892, г. Саратов). Весной 1881 г. жил с семьей в заволжской части Симбирска – слободе Канава. В 1880-х гг. бывал в с. Архангельское (ныне Сурский р-н Ульяновской обл.), помогал в организации колонии толстовцев. Автор посвященной ей повести «Борская колония» (1890), циклов «Рассказы о парашинцах» (1879 – 1881), «Рассказы о пустяках» (1881 – 1883) и др.

18 октября – 75 лет исполняется поэту Евгению Федоровичу Сорокину (р. 18.10.1943, р.п. Барыш, ныне город в Ульяновской обл.). Окончил историко-филологический факультет Куйбышевского педагогического института. Более 30 лет преподавал в школе, техникуме и строительном профтехучилище в Самаре. Автор поэтических сборников «Пламень чувственной души» (2006), «Я с вами жил» (2007), «Последние песни» (2009), «Там, где вьется хмель душистый» (2011), «Герань в феврале» (2016). Живет в городе Барыше.

19 октября – 130 лет назад родился автор мемуаров Авенир Геннадьевич Ефимов (19.10.1888, г. Нижний Новгород – 25.04.1972, г. Сан-Франциско, США). Окончил Симбирский кадетский корпус (1907). В 1918 – 1922 годах участвовал в Гражданской войне в составе белогвардейских войск Восточного фронта. Автор книги воспоминаний «Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками» (издана в США в 1975 году, в России – в 2008-м). Написана на основании дневника боевых действий, который вел в годы Гражданской войны.

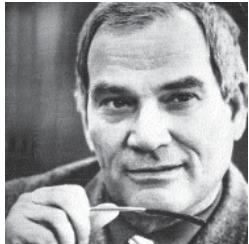

20 октября – 70 лет со дня рождения поэта Олега Алексеевича Портнягина (р. 20.10.1948, г. Мариинск Кемеровской обл.). Окончил Иркутский университет (1976). Работал учителем и сотрудником газеты в Сызрани. Автор поэтических сборников «День рождения», «От любви и печали», «Порядок слов» и др. Не раз бывал в Ульяновской области, в т.ч. на открытии постамента Д. Давыдову в селе Верхняя Маза Радищевского района. Лауреат литературной премии им. И.И. Дмитриева. Член Союза писателей России (1998). Живет в Сызрани.

22 октября – 55-летний юбилей отмечает актер, режиссер, поэт, автор и исполнитель собственных песен Сергей Анатольевич Маховиков (р. 22.10.1963, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии.

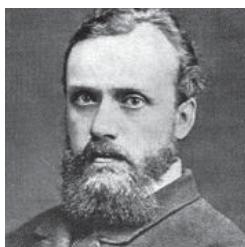
Снимался во многих фильмах, в т.ч. «Слепой», «Белая стрела», «Мы из будущего». В мае 2015 года в рамках кинофестиваля «От всей души» провел творческие встречи в Ульяновске и Карсуне. Заслуженный артист РФ (2018). Живет в Подмосковье.

24 октября – 95 лет назад родился поэт, прозаик и литературный критик Виктор Иванович Кочетков (24.10.1923, с. Балахоновка Бугурусланского у. Самарской губ., ныне Клявлинского р-на Самарской обл. – 14.10.2001, г. Москва). Автор многих книг стихов и прозы, в т.ч. «Тепло земли» (1973), «Мое время» (1980), «Прощание с Волгой» (1997). Дружил с Н.Н. Благовым, писал предисловия к его книгам. В 1970 – 1980 гг. не раз приезжал в Ульяновск с поэтом Н.К. Старшиновым. Лауреат премий им. М.А. Шолохова и А.С. Пушкина.

24 октября – 80 лет назад родился писатель Венедикт Васильевич Ерофеев (24.10.1938, пос. Нива-2 Мурманской обл., ныне в черте г. Кандалакша – 11.05.1990, г. Москва). Учился в Московском университете. Автор книг «Москва – Петушки» (1989), «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1989), «Записки психопата» (1995), «Записные книжки» (2005), «Мой очень жизненный путь» (2008) и др. Во время войны, с сентября 1941-го по ноябрь 1943 года, жил в эвакуации на родине отца в селе Елшанка Николаевского района Ульяновской области.

25 октября – 175 лет со дня рождения писателя Глеба Ивановича Успенского (25.10.1843, г. Тула – 6.04.1902, г. С.-Петербург). Учился в Петербургском и Московском университетах. Автор циклов очерков и рассказов «Нравы Растиеряевой улицы» (1866), «Из деревенского дневника» (1877 – 1880), «Волей-неволей» (1884), «Поездки к переселенцам» (1888 – 1889) и др. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Останавливался в Симбирске, проплывая на пароходе по Волге из Нижнего Новгорода в Саратов в 1871, 1873, 1878 и 1887 годах.

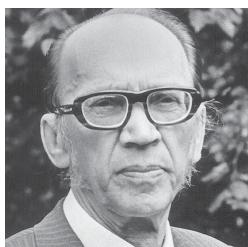
26 октября – 345 лет назад родился ученый и писатель Дмитрий Константинович Кантемир (26.10.1673, г. Галац, Молдавия, ныне Румыния – 1.09.1723, с. Дмитровка Киевской губ.). В 1711 году заключил договор с Петром I о переходе Молдавии в состав России. Заведовал канцелярией в Персидском походе Петра I в 1722 году. Вместе с сыном Антиохом был в Симбирске 9 июня, когда флотилия остановилась под горой из-за сильной бури на Волге. Автор многих сочинений, в т.ч. романа «Иероглифическая история» (1705).

26 октября – 85 лет со дня рождения поэта Вадима Николаевича Семернина (р. 26.10.1933, г. Константиновка Донецкой обл. Украинской ССР). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников «Синие широты», «Рисунок на асфальте», «Дерево», «Земная палуба», текстов многих песен, в т.ч. «Хороши вечера на Оби», «Черемухи букет», «Аист». Бывал в Ульяновске, написал песню «Родина Ленина», которую пела Тамара Синявская. Посетил Пушкинский праздник в поселке Языково. Живет в Москве.

26 октября – 40-летний юбилей отмечает поэт Эдуард Раймович Учаров (р. 26.10.1978, г. Тольятти). Живет в Казани, член редколлегии журнала «Казанский альманах». Публиковался в газете «Литературная Россия», в журналах «Дружба народов», «Нева» и др. Автор поэтических сборников «Подворотня» (2011), «Состояние весомости» (2012), «Трехколесное небо» (2015), «Калмыцкие таблицы» (2016), «Инородная вещь» (2017). Бывал в наших краях в 2016 – 2017 годах, написал стихотворение «Письмирь» и эссе «Ульяновск».

27 октября – 110 лет назад родился поэт и прозаик Андрей Игнатьевич Алдан-Семенов (27.10.1908, д. Шунгур Вятской губ. – 8.12.1985, г. Москва). В 1932 – 1934 годах жил в Самаре, работал спецкором газеты «Средне-Волжская коммуна». Не раз бывал проездом в Ульяновском округе Средневолжского края. Член Союза писателей СССР (1934). Возглавлял Кировское отделение Союза писателей СССР. Автор романов «Красные и белые» (1974), «На краю океана» (1977), «Гроза над Россией» (1980), многих книг стихотворений.

28 октября – 150 лет со дня рождения чувашского очерка Дмитрия Архиповича Архипова (28.10.1868, с. Челкасы Цивильского у. Казанской губ., ныне Урмарского р-на Чувашии – 27.02.1939, г. Алатырь Чувашской АССР). Учился в Симбирской чувашской школе. Работал учителем и священником в чувашских селах Саратовской губернии. В 1898 году совершил поездку в Иерусалим и Константинополь. Написал об этом очерк «Чуваши в Константинополе», изданный в 1903 году в Казани. Был арестован, умер в заключении.

Рубрику ведет
Николай Марягин,
поэт и краевед.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Александр КАЗИНЦЕВ (р. 1953)

* * *

Удивительно пахнет дождем –
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли.
А зима бесконечной была,
опостылело это убранство –
как посмертная маска бела
затвердевшая корка пространства.
Девять месяцев – гипсовый гнет,
воздух в струнку, деревья ни шагу,
иказалось, что кончится год
и земля под снегами умрет,
не всосав животворную влагу.
А теперь – до ростка, до комка
глиноzemа – все дышит весною,
и течет, как ночная река,
в отраженьях асфальт подо мною.
И безумный, казенный, любимый
город, вырванный из-подо льда,
и машины, летящие мимо,
одуревши, не зная куда,
в гром, в жару, где сирени в пыли, –
все омыто прозрачной водою,
все омыто водой молодою,
властным запахом мокрой земли.

1976

* * *

Ах, как весело ходят выродки,
как уверены и умны –
пишут письма, приводят выкладки,
все им видно со стороны.
Только мертвые смотрят прямо –
штабелями, к скелету скелет –
горбунов прирожденных яма
выпрямляла десятки лет.
Правоведы, пророки свободы,
вдохновенных безумцев синклит –
на груди материнской породы
каждый с почвой воистину слит...

1977

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ (р. 1948)

МАРТ

В Тбилиси туманно, туманно, туманно –
Зеленая Мтквари с моста не видна.
И в этом тумане мне слышится:
— Анна!..
Но некому звать меня, я здесь одна.

Ах, в марте в Тбилиси не мокро, а слезно.
Окраин дома, типовые вполне,
Налеплены так, будто ласточки гнезда
Лепили спешно, готовясь к весне.

А в старом районе – шарманка. Откуда?
Вздыхает и плачет, глотая туман.
И душу пронзает надеждой на чудо
Старинный, и хриплый, и нежный обман.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Зурабу Нижарадзе

Художник рисует быка.
По чистому полю листочка
Гуляют перо и рука
Свободно, рассеянно, точно.

Неведомой жизни исток.
Вот бык. Он плывет в океане.
А все остальное – в тумане...
Рука, и перо, и листок,
И женщина, и облака,
И волны проносятся мимо...

Гуляют перо и рука,
Рассеянно,
Непоправимо.

ИЗ ГАЛАКТИОНА

Юре Чачхиани

Если сердцу дождь лепечет
То, о чем забыть пора,
Пусть душа, светлей и легче
Голубиного пера,
Непонятно, где летает,
Неизвестно, что творит...
Пока дождь не перестанет,
Пока сердце не сгорит.

Иван АКСАКОВ (1823 – 1886)

* * *

В порыве бешеной досады,
В тревожных думах и мечтах
Я утешительной отрады
Искал в восторженных стихах.
И все, что словом неразумно
Тогда сказалось ввечеру,
Поверил пылко и безумно
Неосторожному перу!
Веленю Вашему послужен,
Посланье шлю и каюсь в нем,
Хоть знаю, будет Ваш прием
И очень прост, и равнодушен!..
Но, право, мне в мои стихи
Отныне не внесут укоров
Ни ряд обидных разговоров,
Ни Ваши скучные грехи!

* * *

1846

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне:
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!

Ее в своем безумье яром
Гнетут усердные рабы...
А мы молчим, слабеем жаром,
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!

И слово правды оробело,
И реже шепот смелых дум,
И сердце в нас одебелело,
Порывов нет, в забвеньи дело,
Спугнули мысль... стал празден ум..,

В тебе же исцеленье готово,
О духа единственный меч –
Свободное слово!

Николай БОНДАРЕНКО (р. 1938)

ГАРМОНЬ

С проселков нестареющих небес,
Где издревле скитаются селяне,
Свалился дух, как шаловливый бес,
И отыскал свой выползок в чулане.

Ворвался дух в ребристые меха,
Завлек в избу приезжего мальчишку...
Ударил воздух, брызнула труха,
Лад отозвался удивленной мышкой.

Бутоном пробуждался каждый звук,
И вдруг такая распустилась нота –
На тонкой нитке обалдел паук
И расхотел преследовать кого-то.

А за сосновой новенькой стеной
Старик лежал с горящими очами –
Он на лужайке танцевал с женой, –
Ах, как плескала Любушка плечами!

Дух изловчился, перебрал лады,
Земле и небу беды не мешали...
И облака, как венчие сады,
Уставших в путь-дорогу приглашали.

ПРЯЛКА

Кудель серебрится на синем сукне,
Вращаются спицы в зените...
Лазурь понемногу темнеет в окне,
И тянутся теплые нити.

Старается небо, работа кипит,
В траве шелестят веретена...
И чудится пряхе то цокот копыт,
То буйная радость бутона.

Во тьме притихла хищная сова
И обжигает желтыми очами,
Скрывает мудрость вечная трава,
Ручей оглохший звякает ключами.

Ищу живую искорку во мгле,
Целебный отсвет истины высокой...
Седая ель ершится на скале
В колючем вихре звездного потока.

Михаил КОШКИН (1928 – 1996)

Ушла зима. Ушла седая.
На ветлах вспыхнул птичий гам.
Шумит овраг, не утихая,
И рушит снег по берегам.

Люблю я это время года.
Так ослепительно кругом!
Чиста и девственна природа
В своем наряде молодом.

1854

Поет, ликует все живое,
Творя задор и красоту.
Зовет и дедов ретивое
Играть с ребятами в лапту.

1945

Морозец коркой ледяной
Запеленал под вечер лужи.
Но что поделаешь с весной:
Она воссталла против стужи.

Потоки утренних лучей
Несут тепло, дарят веселье.
И вот опять поет ручей,
Летят скворцы на новоселье.

В овраге старая ветла
От шума вешних вод проснулась,
Вдохнула света и тепла –
Всем телом к солнцу потянулась.

1946

Тихо встань в отдаленье,
Приглядись, помолчи.
Снова в наше селенье
Прилетели грачи.

Птицы, видимо, знают,
Сколько в нас доброты,
И с надеждой взирают
На людей с высоты.

Обживают гнездовья
И картаво кричат,
И с великой любовью
Здесь выводят грачат.

Здесь, под крышею неба,
В алом свете зари,
Жизнь дороже, чем небыль...
Человек! Кто б ты не был –
Гнезд ничьих не зори!

1987

Борис ВАХНЮК (1933 – 2005)

СВОБОДА

...Что есть свобода? Речка без моста,
Понявшая его необходимость.
Где красовалась в паспорте судимость –
Сплошная клякса посреди листа.

Свобода мерить пустошь из конца
В конец, как лань, отставшая от стада.
Свобода пониманья, что не надо
Следить за выражением лица:

Оно тебя не выдаст формой глаз
И слабости твоей не обнаружит,
Не обнадежит, не обезоружит,
Не повторит тебя на этот раз.

Свобода обретать, а не искать.
Свобода в ствол забитого жакана.
Свобода ограненного стакана –
Ни капли из себя не выпускать.

Свобода говорить закрытым ртом
И знать, что рядом снова кто-то плачет,
И знать, что это ничего не значит,
Поскольку слезы высохнут потом –

От времени, от гнева, от жары.
Свобода ненадолго стать собою.
Свобода в поддавки играть с судьбою.
И выиграть. И – выйти из игры.

1973

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Что ж ты меня заставляешь, снежок,
Чувствовать эту вину без вины?
Что ж ты холодные свечи зажег
На неопавших листах бузины?..

Что же ты выбелил эти холмы?
Их очернит все равно воронье.
Было вчера далеко до зимы,
Нынче – рукою подать до нее.

Ты поспешил. Опустела скамья.
Мир будто вымер от шуток твоих.
Только ведь, если уходят друзья,
Это не значит, что не было их.

Смотрит звезда сквозь осеннюю тьму.
Яблоко прячет росток в кожуре.
Время на свете приходит всему,
Только не рано ли – снег в сентябре?..

1975

Евгений СОРОКИН (р. 1943)

НЕИЗВЕСТНОМУ

Вот и пошел, догоняя товарищей,
Бросив назад вопрошающий взгляд...
Что ты совершил там – в огне и пожарище?
Как ты там стал неизвестным, солдат?

Где затерялась могила безликая?
Иль монументом на Шипке стоишь?
Снится тебе твоя родина тихая –
В сотнях сердец материнских – Барыш...

НЕ ОТНИМИ ВЕРУ

Итог печален всеземного рая:
Растлили души, веру, совесть, честь.
До скотства человека унижая,
Заставили ярмо обмана несть.

Он терпит то, что терпит только нищий.
Он раб, не знавший вольного труда.
Его приют – убогое жилище,
Его подруга – вечная нужда.

Чтоб боль понять, какую выбрать меру
В надежде выжить ныне и вовек?
О, Господи! Не отними хоть веру,
Чем жив еще в России человек.

СГИНУЛА ФАБРИКА

Сгинула фабрика тихая,
Будто бы и не была.
Стала немая, безликая.
Всю растащили дотла.

Даром досталась страдалица
В руки бездарных врачей.
Некому, некому скалиться
Над ограблением ткачей.

Жили, плодились и строились,
Что ни семья – то изба.
Было – любилось и ссорилось,
Праздник – так вместе гульба!

Сколько ткачей, землепашцев –
Перемолола всех жизнь.
Нет их в живых – все в пропавших,
Все на погост убрались...

Олег ПОРТНЯГИН (р. 1948)

* * *

Ребята, видно, мы не поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.
Не поняли, зачем на нехристей
Водил дружины князь Донской,
Зачем с такой жестокой нежностью
Кутузов жертвовал Москвой.
А понимать и помнить надо бы
Все, что пришлось перенести.
И ставить вновь стальные надолбы
У лихоимцев на пути.
Они, проныры закордонные,
И свой, отечественный, тать
Марш похоронный нашей Родине
Готовы запросто сыграть.
Но мы живем назло всем выжигам.
Свой, хоть и горький, хлеб жуем.

И – дайте срок! – не просто выживем,
Не хуже прочих заживем.
Чтоб и они однажды поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

МАЛЫЕ РЕКИ

Сызранка с Крымзой слились, а потом –
Путь им недолгий:
Вешней водою пройти под мостом
К матушке – Волге.

Встретила воду большая река
Плеском уклейки.
И возвратились в свои берега
Малые реки.

В здешних местах у погоды всегда
Нрав был капризный.
Но не иссякнет и летом вода
В Сызранке с Крымзой.

Сколько ни выпьет из них летний зной,
Хоть понемногу
Будут поить родниковой водой
Матушку – Волгу.

В правобережье великой реки –
С нею навеки.
Знать, вместе с Волгой и вы велики,
Малые реки!

Сергей МАХОВИКОВ (р. 1963)

РЕКА ПОТУДАНЬ

Над рекой, высоко над рекой Потудань
все плывут, как бродяги небес, облака.
Далеко-далеко, в тот неведомый край
их зовут за собой берега, берега.

Отпусти, отпусти в этот край свою грусть.
Уплывает она до блаженной весны
и откликнется весточкой: скоро вернусь,
где бы ни были мы, у какой бы черты.

Там, на краю, ярко-белые ночи
летят и летят, словно птицы, на юг.
И стонут ветра, нам мгновенья пророчат,
уносят молитвой слова: прикрой меня, друг.

И звезда, как слеза, вдруг упала в траву.
Он смотрел в небеса, он почти загадал.
Мы вернулись за ним, мы вошли в тишину,
только в эту весну Господь не воскрешал!

И бежит по земле Потудань, Потудань,
и с надеждой глядятся в нее берега.
Все плывут над рекой в тот неведомый край
почтальоны души – облака, облака.

А там, на краю, нет ни боли, ни горя,
а там, на краю, много-много любви.
Я знаю, ты ждешь у краешка моря,
когда мы дойдем до края земли.

ПАМЯТЬ

В моей памяти вьются обрывки газет,
Я по слухам ищу свой приют и ночлег,
И руками, дай волю, вцеплюсь в горизонт,
Там за линией фронта не фронт, а восход.
Там не блещут медали и нет орденов,
Там пустая земля, время без городов
И под солнцем гроза полоснет – вертикаль,
И на спицах дождя зашаманит дикарь.

Мне бы долю секунды, чтоб совершить жест,
Ухватиться за проволоку, вжаться в свой крест,
А там воля коню по лесам, по холмам,
Я уже подтянулся, я чуть ближе к богам.
Пусть танцует свой танец когтистая тварь,
И стучит ей в утесу лубочный ложкарь,
Значит, время пришло –
в тридцать три вышел в свет,
Под блестящей кольчугой спрятан сабельный след.

Так готовь, неприятель, свои медные лбы,
Собирай хворостины и копи на костры,
Мы уже далеко за пределом весны,
Мы раскрыли ладони, мы готовы к любви.
Купола растекаются в золоте рек,
И бьет колокол в душу под новый набег,
И фальшиво басит рыжий пес на гумне.
Это все не про нас, это все не по мне.

Виктор КОЧЕТКОВ (1923 – 2001)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я иду молодой и тверезый,
С непокрытой иду головой.
Пахнет берегом, пахнет березой,
Пахнет мокрой лесною травой.

Я дорожкой иду полевою,
Коноплянка токует во ржи.
И над белой моей головою
Потревоженно вьются стрижи.

И вечерняя хмаря над овсами
Все густеет, дорогу темня.
И отец с молодыми усами
Из-за тына глядит на меня.

Я уже возле дома родного
На шешминском родном берегу.
С губ обветренных просится слово,
А сказать ничего не могу.

Вход досками закрыт кресторуко,
А из окон глядит темнота.
Ни единого слова, ни звука
Не могу протолкнуть изо рта.

* * *

Словно чаша вином,
Полон сумраком лог.
В бледном небе степном
Кружит старый чеглок.

Ни звезды, ни огня
В голубой полутьме.
Четкий контур коня
На далеком холме.

Тихо-тихо вокруг,
Степь отходит ко сну.
Осторожнее, друг,
Не спутни тишину.

* * *

Студеный север. Покрик журавлей.
Янтарный свет песчаного Закамья...
Душа моя, вовек не отболей
высокою тревогою исканья.
До смертного мгновенья сохрани
любовь вот к этим рощам и дорогам.
Не променяй на модные огни
звезды, что светит над родным порогом.

Вадим СЕМЕРНИН (р. 1933)

РОДИНА

Весенним утром выйдешь на крыльцо —
Земля в цвету от края и до края!
И Родина, такая молодая,
С улыбкою глядит тебе в лицо.

И прыгнет зайчик солнечный на окна
Посланником небесной синевы,
И вяжет день зеленые волокна,
Сменив наряд деревьев и травы...

СПОР

В день, когда я на флот ушел,
Дед сощурился хитровато:
Море с берега хорошо,
А на корабле — трудновато...

Мне повсюду с того же дня
Все казалось, мы с дедом спорим:
Или море сломает меня,
Или выдюжу в споре с морем!

Снежный сыпался порошок,
Пены клок на волне, как вата...
Море с берега хорошо,
На волнах его — трудновато.

Вот и кончен мой с дедом спор:
Бороздя голубые дали,
Я влюбился в морской простор,
Проживу без него едва ли...

И куда б с кораблем ни шел,
Повторяю всегда одно я:
Море с берега хорошо,
С корабля — навсегда родное!

ПЕСНЯ В ПЛАТОЧКЕ

Вдали зазывает гармонь горячо,
Стекает по веткам роса.
А песня склонилась ко мне на плечо,
Колечки волос разбросав.

По травам высоким прохлада течет,
Идет нам навстречу луна.
Склоняется песня ко мне на плечо,
В прозрачном платочке она.

Все дальше и дальше дорога влечет,
И пусть ей не будет конца —
Склонялась бы песня ко мне на плечо,
Стучали бы рядом сердца!

Эдуард УЧАРОВ (р. 1978)

ИДОЛ

Над капищем развеется зола.
Придут на смену боги постоянства.
Аллах излечит жертвенник от пьянства,
И канет жрец в нарубленный салат.

Послышился едва заметный скрип
Уключин лодки в серых водах талых,
Сознание погаснет в ритуалах —
Пока паромщик в церкви не охрип.

Качнется берег, жизнь проговорив.
По отблеску божественной идеи
Плынут обратно волнами недели,
О разум разбиваясь в брызги рифм.

Мы вечно снимся миру: ты и я,
Безвременьем невинно обожжены.
Кольцо на пальце — наша протяженность,
А спящий камень — форма бытия.

ПАДАЕТ ТИШИНА

Тиха и прозрачна осень,
И хрупок полет листа,
Который стремится, оземь
Ударившись, веющим стать.

И так бесконечно немо
В желании долг вернуть
Килограммовое небо,
Упавшее мне на грудь...

ПОДВОРОТНЯ

Привет тебе, суровый понедельник!
Должно быть, вновь причина есть тому,
Что в подворотне местной богадельни
Тайком ты подворовываешь тьму.

И клинопись с облезлой штукатурки
На триумфальной арке сдует тут.
Здесь немцы были, после клали турки
На Vaterland могильную плиту...

Теперь же неуемная старушка
С бутыльным звонцем — сердцу веселей —
Все мыслимые индексы обрушит
Авоською стеклянных векселей.

И каждый здесь Растрелли или Росси,
Когда в блаженстве пьяном от души
На белом расписаться пиво просит
И золотом историю прошить.

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ (1908 – 1985)

* * *

И что мне в красоте плода,
В котором скрыты гниль и сырость,
В котором черная вода
Со ржавчиной соединилась?

И что мне в ярости слепой?
Трясучая, подобно тлену,
Она и гаснет постепенно,
И вспыхивает с темнотой.

За цвет сентябрьского заката,
За родниковый вкус воды,
За острый холод аромата
Люблю я спелые плоды.

* * *

Барабанят рябые дожди
И бормочут одно без конца:
«Посиди, помолчи, подожди,
Погляди на дорогу с крыльца».

И мне видится, словно во сне,
Как встают из осенних глубин
И спешат под дождями ко мне
Утонувшие гроздья рябин.

1955

От зари и весь день до зари
Расползается жирная грязь,
И растут на воде пузыри,
Хоть секунду пожить торопясь.

Не смотри ты с тоскою, пожалуйста,
На слепое от капель окно.
У природы не вымолишь жалости,
Ей жалеть и любить не дано.

И на трудную жизнь не сердись.
Ты ей песни еще пропоешь.
Распахни же окно, окунись
Головой в набегающий дождь!

1960

* * *

Я с глазу на глаз с тишиной
И все не могу насладиться
Ни свистом лесного крыла надо мной,
Ни грустным цветком медуницы.

И чудится мне – приобщаюсь опять
К размеренной поступи вечности,
Но время не опытом нам познавать,
А вечно живой человечностью.

1973

*Подборку составил
Н. Марягин*

